

охота

и охотничьи хозяйства

4

2000

КАК ПРОБИТЬСЯ К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ СОЗНАНИЮ

В. ДЁЖКИН,
доктор биологических наук

Размышления при чтении книги эколога А. С. Мартынова
«Природа и люди России. Экология, религия, политика и действие»

В последние годы в нашей стране наблюдается явный спад публичного интереса к проблемам охраны природы и экологии. Этот спад характерен как для руководящих структур, так и для общества в целом. В последнем случае мы говорим о смене общественных приоритетов, вытеснении экологических мотивов экономическими. Большинству людей не до благодатной окружающей среды, речь идет об их выживании в кризисной экономической обстановке, привычно повторяем мы, и в общем бываем правы. С руководством посложнее, есть искушение объяснить падение интереса депутатов и министров к проблеме снижением общественного интереса к ней. Сугубый pragmatism и низкая культура большинства «слуг народа» как будто бы подтверждают такой вывод.

А. С. Мартынов в своей книге задался целью при помоши различных социологических методик детально разобраться в сути проблемы и в ее отдельных аспектах. Попытка явно удалась, мы получили книгу, которая очень поможет нам в сложившейся ситуации. В ней много нового и даже неожиданного. Не будучи социологом, я не претендую на подробный анализ книги и использованных автором методик. Меня и до знакомства с ней, и особенно после ее прочтения, беспокоит один вопрос: не слишком ли прямолинейно мы подходим к рассмотрению экологической ситуации, не упускаем ли из виду какие-либо обстоятельства, существенным образом влияющие на состояние и реакцию общества на природоохранные, экологические проблемы? Попробую ответить на эти вопросы, используя собственный почти полувековой опыт работы, свое понимание вопроса, с постоянной оглядкой на книгу А. С. Мартынова.

Восемь лет я заведую экологической кафедрой и веду курс природопользования в Международном независимом эколого-политологическом университете (МНЭПУ). Шесть лет общаюсь со студентами, **сознательно** выбравшими себе профессию эколога (с различными специализациями). И все это время не могу до конца разобраться с мотивацией этого выбора и настроениями студентов. На каждом курсе есть несколько «экологов-активистов» (назовем их так), которые приходят в университет с ясно осознанной целью и с первого же курса пытаются ее реализовать. Их интересует все, что происходит с природой в России и в мире. У

более многочисленной «прослойки» интерес к экологии пробуждается временами, в связи с интересной информацией или значительными событиями. По мере их взросления этот интерес становится более устойчивым, конкретизируется на каком-либо вопросе; в конечном итоге они пишут вполне профессиональные солидные дипломные работы.

Остается забота об остальной части студентов. Они очень разные. Но глаза у них почти никогда не загораются, даже при рассказе о самых драматических событиях отечественной охраны природы. Полнейшее незаинтересованное спокойствие. Следует особо отметить (для наших будущих выводов), что так же они реагируют (то есть не реагируют) на другие важные события общественной жизни страны. Пассивность не имеет избирательного характера, она почти всеобщая.

Любопытно, что, когда сообщаешь студентам о падении общего интереса к экологическим проблемам и объясняешь это необходимостью «выживания», они вроде бы соглашаются с этим выводом. Хотя в целом материальное положение самих студентов более или менее благополучное (вуз-то платный). Теперь пример «исторический».

...В 1975 году мы с В. М. Песковым предприняли небольшое путешествие по реке Воронеж в пределах Липецкой и Воронежской областей. Итогом явился очерк «Река и жизнь», печатавшийся в четырех номерах «Комсомольской правды» (его можно было рассматривать как продолжение классического песковского очерка «Река моего детства»). Публикация имела большой общественный резонанс, т. к. в ней рассказывалось о поистине чудовищных событиях, творившихся на реках Средней России и угрожавших их дальнейшему существованию. Как-то, когда мы были в редакции, Василий Михайлович указал мне на три крафтовых мешка, стоявших в углу кабинета и доверху набитых письмами.

— Читательская реакция на наш очерк, — сказал он. — Подтысячу, наверное, будет. Покопайся, быть может, есть такие, которые требуют обязательного ответа. У меня руки не доходят, в другом срочном материалевязан. Да и вообще — ответ на такую почту вне пределов человеческих возможностей. Поблагодарю всех сразу, через газету...

Я «покопался», отобрал с десяток писем для книжечки «Река и жизнь»,

которая готовилась к выходу отдельным изданием. Убедился в огромном разностороннем и глубоком интересе наших людей к охране природы, к затронутой в очерке теме. Читатели соглашались, спорили, давали советы.

Теперь попробуем «смоделировать» (ведь мы же пишем по мотивам социологической книги) ситуацию. Перенесем ее в наши дни. Мы вновь (якобы) проехали по реке Воронеж, убедились в том, что за четверть века положение на ней к лучшему не изменилось (разве что в окрестностях городов исчезли «язвы» малых рек — моторные лодки, запрещенные после нашего очерка, да в силу экономических причин уменьшилось поголовье скота, разрушаившего поймы), и опубликовали критический материал в той же «Комсомолке». Проделим последствия.

Во-первых, очерк получат в десять раз меньше, чем прежде, читателей, ибо таким образом сократился тираж газеты. Оставшиеся нерепрезентативны прежним, из их числа исчезла большая часть наиболее «реактивных» читателей — пенсионеры (ушли из жизни, нет денег на подпись). Получили газету, почитали, согласились (и даже возмутились) — все ли отзовутся? Нет. В стране новая ситуация, на переписку денег также не хватает. Согласились и вынужденно промолчали. Речь идет о первом барьере, искающем (или заглушающем) мнение общественности, — информационном. Любая природоохранная публикация не может ныне вызвать адекватного общественного резонанса. Но на этом перемены не кончаются...

«Реку и жизнь» 25 лет назад прочитали очень большие начальники. И сочли необходимым «отреагировать». Меня пригласил на собеседование первый секретарь Липецкого обкома партии Г. П. Павлов (неплохой в быту мужик, заядлый охотник) и почти час рассказывал мне о том, что в области делается для улучшения гидрологического режима (прервать его пропагандистскую речь я не мог, он слушал лишь себя; эту партийную манеру я вспоминал в более поздние годы, слушая не склоняемые воспитательно-разъясняющие речи Михаила Горбачева). Через неделю после визита в обком я узнал, что Обллесхоз дал команду на срочную вырубку лесов в Добровском районе, в комплексном заказнике, созданном после публикации в «Комсомолке...».

В. М. Песков был приглашен к... А. Н. Косыгину. В присутствии шести

союзных министров Предсовмин СССР разбирал статью и раздавал поручения. Очень дальние поручения... Когда я спустя десять лет предложил В. М. Пескову повторить экспедицию, пройтись «по следам выступления», он категорически отказался: «Ничего же не изменилось, зачем себя компрометировать?» и был прав. Ни на Воронеже, ни в стране в целом порядка не прибавилось...

Продолжим «моделирование». Как изменился наш уцелевший и оставшийся честным читатель за 25 лет? Я не думаю, что белое для него стало черным и наоборот. Но у него было время подумать, сравнить, сделать сопоставления с событиями новой эры. Ему по-прежнему не нравится разрушение реки. Однако он убедился в том, что громкая публикация, которой он так радовался и на которую возлагал большие надежды, ничего не изменила. Выстрел ведущего эколога-журналиста страны оказался холостым. И главное, к чему я потихоньку подбирался: речные бедствия уже не представляются читателю чем-то таким, ради чего стоит предпринимать усилия. Есть заботы позанозистее. А читательская ре-

акция все равно окажется бесполезной.

В России разворовали народное добро на сотни миллиардов долларов. Полистайте газеты — безнаказанный грабеж продолжается, хотя, быть может, и не в таких размерах, как в пору «первоначального накопления капитала». Огромные денежные суммы бродят незаконными дорожками и дорогами, перемещаются из рук в руки, утекают за рубеж. В то же время нормальное перемещение капитала, его накопление и эффективное использование в интересах предпринимателей и государства блокированы, честная конкуренция — двигатель всякого экономического прогресса — отсутствует. Продолжают сотни заказных убийств, нередко расправляются с самыми энергичными и предпримчивыми. Региональные и местные власти творят что хотят, общих законов для них не существует. И нет, совсем нет, виновных! Удивительная и единственная в своем роде ситуация!

Я присоединяюсь к тем публицистам и общественным деятелям, которые утверждают, что подобная обстановка не могла глубочайшим образом не затронуть основы нравственности народа,

не нанести ему сильнейшую моральную травму, ввести очень многих в состояние «психологического ступора». Напрасно ожидать от большинства таких людей скорой и адекватной реакции на различные бедствия, в том числе и экологические. Мы имеем дело с иным «материалом», чем 10—15 лет тому назад, и об этом следует помнить, проводя сравнительные социальные анализы. Новое психологическое состояние народа — второй барьер на пути к объективному восприятию экологических проблем. Упоминавшаяся выше пассивность большинства студентов — отражение этого состояния, попытка (быть может, бессознательная) самозащиты. Организм экономит силы и духовную энергию, если видит полнейшую бесполезность сопротивления или борьбы...

Несколько слов о «руководящих структурах». Их поведение также не может не повлиять на общее состояние проблемы охраны природы и настроение людей. Примеры разительны и убийственны. Картер, Рейган, Клинтон (отношусь к последнему с отвращением после югославского «усмирения») отметили свои президентства совер-

ФОТО НА КОНКУРС

Фото В. Ольяка. Лазоревка у гнезда

Фотоконкурс «Охота и природа, 1999»
Подробную информацию о конкурсе см. в №1

шествованием экологического законодательства США, хотя Рейган, например, заслужил некоторые упреки со стороны экологов, а Клинтон способствовал серьезному ухудшению экологической обстановки в Европе. Но американский народ знает, что проблемы охраны природы волнуют их президентов. У них есть активные и дееспособные президентские экологические советы. Что сделал Ельцин для сохранения природной среды России? Ровным счетом ничего. Своим экологическим советом он не интересовался, а затем упразднил его вместе с энергичнейшим А. В. Яблковым. Мы ожидали, что молодой, юркий, интеллигентный Кириенко не сможет «забыть» эту проблему. Забыл. И (кажется, это было при нем) упразднил Минэкологию, преобразовал министерство в комитет... Факты можно множить до бесконечности. Москва в некоторых отношениях является исключением, но слишком велики здесь «бюрократические наросты» на теле охраны природы. Мне пришлось, например, участвовать в государственной экологической экспертизе МКАД... почти накануне ее сдачи в эксплуатацию.

О депутатском корпусе не хочется даже говорить, ничто, кроме повышения собственного благосостояния, большинство депутатов не интересует. Маломощный и неавторитетный Комитет по экологии Госдумы, засыпает всех жалобами и протестами, и почти все без толку...

Студенты, активисты-экологи, спрашивали меня: что бы вы сделали для охраны природы России, если бы от вас что-либо зависело? Я отвечаю полуслутя-полусерьезно: первым делом поставил бы обязательным условием Президентства безусловное и глубокое знание и понимание экологических проблем. Без этого — ни шагу к трону. То же требование к премьеру. Публичный экзамен по эколого-экономике по строгой программе. И так далее и так далее. Вице-премьеры, министры, руководители департаментов... Не снизу вверх (усилия на этом пути глохнут довольно быстро, на первых этапах экологического всеобуча), а сверху вниз. Почему — полуслутка? Потому что это, к сожалению, у нас невозможно. Президент обязет сдавать экзамен премьера, премьер — вице-, вице-министра и так далее и так далее. Доверят, так сказать...

Мне не хотелось бы заканчивать этот очерк на юмористической ноте, ситуация не позволяет этого. Я писал под влиянием книги А. С. Мартынова, во многом перекликаясь с его мыслями и предложениями. Но адекватной картины, характеризующей экологическую и природоохранную ситуацию в России, мы не получим, пока не избавим наш народ от сильнейшего психолого-кriminalного прессинга. При обработке социологических данных, в том числе по охране природы в России, необходимы соответствующие методические корректизы.

ЖЕЧАЖНЬЕ ВСТРЕЧИ

На любой охоте не мало нечаянных встреч. Чтобы подольше побывать в лесу, порой даже на тягу выходишь чуть ли не с утра. Гусиные косяки торопятся на север, бормочут тетерева, над болотом круто пикируют бекасы, заставляя позванивать воздух. Ночного морозец затянул воду ледком. Чайки обходят кочки, присматривают место для гнезда. Под ноги высокочил ошалевший от весны заяц. Развернулся, мелькнул остатками белой шерсти и поскакал назад. Ушастая сова таращит глаза. Тоже не ожидала встречи. Фотоаппарат под рукой, будет что потом посмотреть и показать другим.

В вышине трепещет жаворонок, висит на месте, как будто запутался крыльшками в лучах солнца. Бабочка-крапивница

ца села на рукав куртки, пробует хоботком камуфляжные пятна — не цветы ли.

Вечером заря и лес отражаются в разводьях. На розоватом зеркале углом расходятся небольшие волны от спин начавших икромет щук. Посвистывают утиные крылья, шваркает селезень... Весна в разгаре.

Из вальдшнепиного мелколесья слышно, как в еловом остроге захлопают крыльями садящийся на дерево глухарь.

Закатное солнце раскрасило облака и, наконец, вот он — первый вальдшнеп...

Домой идешь поздно. Из луж смотрят звезды. В руке подарок весеннего леса — вытаявший из-под снега лосинный рог.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

С РУЖЬЕМ ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ ЕЗДИТЬ МОЖНО

Как пытались ввести запрет на транспортировку огнестрельного оружия, а ввели его только на перевозку

САВЕЛИЙ М.
Доцент Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук

В соответствии с «Правилами оказания услуг по перевозке пассажиров, а также грузов, багажа и грузобагажа для личных (бытовых) нужд на федеральном железнодорожном транспорте», утвержденными постановлением Правительства РФ от 11 марта 1999 г. № 277 (далее Правила), запрещается перевозить в составе багажа или грузобагажа огнестрельное оружие на федеральном железнодорожном транспорте. Кроме этого, не допускается в этом транспорте к перевозке ручной кладью огнестрельное оружие.

Такой запрет перевозки огнестрельного оружия ручной кладью у многих граждан вызвал недоумение и возмущение у охотников, дачников и других граждан, имеющих на законных основаниях огнестрельное оружие и часто пользовавшихся для проезда на охоту или на дачу электричками. Поэтому, не случайно, в правовые управление министерств железной дороги и внутренних дел постоянно поступают вопросы о том, действительно ли такой запрет установлен. Не ошибка ли это? Сомневающиеся в правильности изложенных положений в Правилах считают, что ошибка может быть допущена в связи с двумя обстоятельствами.

К первому обстоятельству можно отнести то, что в «Правилах перевозок пассажиров и багажа по железнодорожным дорогам Союза ССР» (Тарифное руководство № 5) было указано, что не допускается к перевозке ручной кладью по железнодорожным дорогам только заряженное оружие. И вдруг в новых Правилах появляется запрет на перевозку огнестрельного оружия.

Второе обстоятельство возможной ошибки связано с разрешением транспортировать оружие широкому кругу граждан без разрешения органов внутренних дел. Так, Постановлением Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (далее Постановление) разрешено транспортирование оружия и патронов без получения разрешения в органах внутренних дел: государственными военизированными организациями в порядке, установленном этими организациями; юридическими и физическими лицами в пределах территорий субъектов Российской Федерации, органами внутренних дел которых данное оружие и патроны поставлены на учет; гражданами Российской Фе-

дерации, имеющими на законных основаниях спортивное и охотничье оружие, для участия в охоте и спортивных мероприятиях на основании разрешений органов внутренних дел на хранение и ношение оружия; гражданами Российской Федерации, имеющими на законных основаниях огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие, приобретенное в целях самообороны без права ношения; не подлежащее регистрации в органах внутренних дел.

Казалось бы, для лиц, владеющих оружием, созданы все условия для передвижения по территории России с огнестрельным и другим оружием. И вдруг этому препятствия, изложенные в Правилах. А вот почему препятствия? Вот здесь основной вопрос. Постараемся изложить его более подробно, ссылаясь на нормативные акты.

Следует особо заметить, что в Правилах речь идет только и только о **перевозке** огнестрельного оружия. Запомните: о перевозке. В то время как в Федеральном законе «Об оружии» (далее Закон) и в Постановлении четко выделяются два понятия: перевозка и транспортировка, как разных два понятия вида оборота оружия (см. ст. 1 Закона), которые нельзя считать синонимами или одниним и тем же оборотом оружия.

Во-первых, это лучше всего подтверждается понятием перевозки, изложенным в ст. 40 ГК РФ и в Постановлении. Особенно в Постановлении дается четкое значение definicijii «перевозки» как одного из важных самостоятельных видов оборота оружия. Для убедительности изложим полностью ст. 72 Постановления, в которой указано: «Перевозка оружия и патронов по территории Российской Федерации производится на договорной основе юридическими лицами, уставами которых предусмотрено оказание услуг по перевозке оружия и патронов (далее именуются — перевозчики), на основании разрешений на перевозку, выдаваемых органами внутренних дел в порядке, определяемом Министерством внутренних дел Российской Федерации».

Во-вторых, не случайно для этого в Постановлении выделяется целый раздел, который так и называется «Транспортировка и перевозка оружия и патронов». В этом разделе излагаются отдельно права лиц, транспортирующих оружие (см. ст. 69—71, 75—77 Постановления), и отдельно лиц, осуществляющих его перевозку (см. ст. 72—74 Постановления).

В-третьих, исходными документами для оборота оружия являются Закон и Постановление. Поэтому при подготовке любого другого документа, связанного с оборотом оружия, его составитель обязан использовать понятийный аппарат только Закона и Постановления. Другая трактовка общих понятий, указанных в основных документах, недопустима, так как это ведет к неразберихе и трактовке одного и того же термина по-разному. Как это было обнаружено в Правилах.

Таким образом, согласно Постановлению слово «перевозка» означает передачу оружия перевозчику для перемещения из одного места в другое в соответствии с договоренностью. Перевозчиком могут быть только

ко юридические лица, уставами которых предусмотрено оказание услуг по перевозке оружия и патронов и только тем, у которых имеется разрешение на перевозку, выданное органами внутренних дел. Собственники согласно нормативным актам не перевозят, а транспортируют огнестрельное оружие. И это, на наш взгляд, существенно для транспортирующих собственное огнестрельное оружие на железнодорожном транспорте. Поэтому, на наш взгляд, служащие, осуществляющие контроль за Правилами, не могут наказать за транспортировку, а только за перевозку. Хотя все может быть в наше время, тем более необходимо учитывать и то, что некоторые служащие железнодорожного транспорта считают понятия слов перевозка и транспортировка синонимами. Такой вывод можно сделать на основе публикации в «Вестнике пассажира» № 1 за 1 июля 1999 год, где на вопросы: «Имею ли я право ехать с зачехленным ружьем в обычном пассажирском вагоне или в электричке? Можно ли ехать с ружьем на охоту в электричке?» Ответили предельно кратко и отрицательно, а именно: «Перевозка огнестрельного оружия в поездах (как ручной кладью, так и багажом) запрещена. Этот запрет поясняется заботой о безопасности пассажиров». Итак, перевозить охотниче огнестрельное запрещено, а транспортировать можно. Правила транспортировки следующие. Как уже было сказано, граждане Российской Федерации, имеющие на законных основаниях охотничье оружие, для участия в охоте могут транспортировать его без разрешений органов внутренних дел. Охотники граждане Российской Федерации осуществляют транспортирование оружия в количестве не более 5 единиц и патронов не более 400 штук на основании разрешений органов внутренних дел на хранение или хранение и ношение соответствующих видов, типов и моделей оружия либо лицензий на их приобретение, коллекционирование или экспонирование. Транспортирование оружия и патронов в количестве, превышающем указанные нормы, осуществляется гражданами Российской Федерации в порядке, предусмотренным для юридических лиц, то есть:

а) согласовать с органами внутренних дел по месту учета оружия и патронов маршрут движения и вид транспорта;

б) оборудовать транспортные средства в соответствии с предъявляемыми к ним требованиями по перевозке опасных грузов;

в) обеспечить сопровождение партий огнестрельного оружия в количестве более 5 единиц или патронов в количестве более 400 штук в пути следования охраной в количестве не менее 2 человек, вооруженных огнестрельным оружием;

г) транспортировать оружие и патроны в заводской упаковке либо в специальной таре, которая должна быть опечатана или опломбирована. Оружие при транспортировании должно находиться в разряженном состоянии отдельно от патронов.

Транспортирование принадлежащего охотникам огнестрельного оружия осуществляется в чехлах, кобурах или специальных футлярах.

охота

и охотничье хозяйство

4

2000

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз обществ охотников и рыболовов РФ.
• Основан в октябре 1955 г.

ФТОРАЦЕТАТ БАРИЯ: ДА ПЛИ НЕТ?

Уважаемая редакция!

В журнале № 10 (октябрь 1999 года) опубликована заметка председателя правления Союза обществ охотников и рыболовов Республики Алтай Часовских С. Н. о применении фторацетата бария для истребления волков. Волчья проблема в регионе существует не одно десятилетие, она значительно обострилась в последние годы. Волки наносят ущерб общественному животноводству и составляют сильную конкуренцию Охотуправлению, подрывая его торговые возможности и доходность за продажу разрешений на отстрел диких копытных и других животных. Численность волка на март—апрель 1999 года Охотуправлением определена в 963 особи. О целесообразности применения фторацетата бария в республике мнения полярны. Они изложены в официальных документах Охотдепартамента (ныне Охотуправления) и Госуниверситета Республики Алтай. Интересно было бы узнать, как решаются подобные проблемы в других регионах.

Инспектор Госкомэкологии М. В. СЕРГЕЕВ

Председателю Госкомэкологии РА
МАНЫШЕВУ В. К.

Уважаемый Василий Карманчинович!

Вам известно, что численность волков в Республике Алтай становится критической, по самым скромным оценкам она достигла 1500 голов, наносится колоссальный ущерб домашним животным и дикой фауне. При отсутствии материального стимулирования (выплаты премий за уничтоженных волков) ожидать снижения численности волков нельзя, т. к. такие трудоемкие способы охоты как охота с флагами, капканами, на лошадях не оправдывают материальных и материальных затрат охотника-волчачника.

Кроме того, климатические условия некоторых районов РА, по причине открытости пространств, отсутствия снегового покрова, не позволяют использовать для добычи волков самоловы. К таким районам следует в первую очередь отнести Кош-Агачский район. В этом районе волки наносят большой ущерб домашним животным, о чем свидетельствуют письма руководителей хозяйств, адресованные Правительству и Охотдепартаменту Республики Алтай.

Чтобы остановить рост численности волков в Республике, а в перспективе и снизить ее, считаю необходимой временной мерой применение яда для уничтожения волков.

С целью предотвращения нежелательных последствий для животного мира от применения яда планируются следующие мероприятия: В феврале 1999 года проведение республиканского семинара по проблеме волка, на который будут приглашены заинтересованные ведомства, ученые, охотники-волчатники, охотоведы, экологи и т. д.; Возложена персональная ответственность на охотоведов районов по контролю за применением яда и соблюдением инструкций по использованию яда; Выступления в средствах массовой информации по проблемам борьбы с волками и применению яда; Размножить и снабдить все заинтересованные организации инструкцией по применению фторацетата бария для истребления волков.

Исходя из вышеуказанного, прошу дать заключение государственной экологической экспертизы для приобретения Охотдепартаментом на четвертый квартал 1999 и 2000 годов 1,5 кг фторацетата бария.

Соответствующее постановление Правительства РА № 288 от 15.10.98 г. п. 55 имеется. Василий Карманчинович, надеюсь, Вы понимаете, что волки в республике являются экологическим бедствием.

С уважением, Главный охотовед
А. Г. ЦАРЕВ

Председателю Госкомэкологии
Республики Алтай
В. К. МАНЫШЕВУ

Кафедра зоологии, экологии и генетики Горно-Алтайского государственного университета по поручению ректора рассмотрела и обсудила Ваше обращение о возможности применения фторацетата бария для уничтожения волков и Приложение — письмо Охотдепартамента РА.

Мы разделяем беспокойство Главного охотоведа Охотдепартамента РА А. Г. Царева по поводу роста численности волка и наносимого вреда сельскому и охотничьему хозяйствам, но не разделяем точку зрения и надежду охотоведа на методы борьбы с волками. Конечно, Александр Геннадьевич опытный и уважаемый специалист, но, с нашей точки зрения, он не учел ряд обстоятельств.

При применении яда, как известно, помимо волка отравление неизбежно среди всех хищников. В Кош-Агачском районе, где, судя по письму Охотдепартамента РА, планируются основные работы по применению яда, находятся территории, объявленные Всемирным Наследием, и там же сосредоточен весь комплекс хищников, занесенных в Красную книгу РА, и млекопитающих, и птиц, в питании которых большую часть составляют трофеи животных. Горный Алтай уже имел печальный опыт дурной славы на весь СССР, когда применил яд для борьбы с волками и отравил ряд пернатых хищников (орлов, курганников, грифов), в том числе, что особенно прискорбно и непростительно, бородача, только-только возродившегося после пятидесятилетнего отсутствия на Алтае. Тогда наш позор стал известен на весь Со-

ветский Союз. Теперь же мы «прославимся» на весь мир.

Сведения, которым располагает Охотдепартамент РА о численности волка в республике, оценены в 1500 особей. Мы не собираемся оспаривать эту оценку. 1500 гяд — это 5000 ампул, по 3 ампулы на каждую ныне «числящуюся» особь, и даже больше. По сведениям, полученным нами приватно, за 900 гяд в 1996 г. в Госкомприроды РА был предъявлен счет на 20 млн. руб. Исходя из этого, 1500 гяд обойдется республике в современном денежном выражении более чем 33 тыс. руб. Это на каждого ныне обитающего по сведениям Охотдепартамента РА волка в республике (если бы их всех удалось истребить) пришлось бы по 22 руб.

Яды для борьбы с волком в республике, кроме официально разрешенных случаев, неоднократно применялись и нелегально, но заметного сокращения численности волка не ощущалось. Практика показывает, что эффективность применения яда для борьбы с волком невысока, а ущерб для остальной фауны весьма велик. Если его рассчитать даже не по исковым, а по рыночным ценам, то экономический ущерб природе составит астрономическую цифру. Считаем более эффективным использование только части этих денег на оплату премиальных охотников за добычу волков. Как показал мировой опыт, самым действенным методом сокращения численности животных был и остается экономический стимул. На Алтае, где дефицит трудовой занятости для мужского населения, возможность заработка на уничтожении волков будет иметь высокую эффективность.

Кафедра зоологии, экологии и генетики поддерживает инициативу Охотдепартамента РА в проведении республиканского семинара по проблеме волка, считает необходимым подробно обсудить этот вопрос широким кругом специалистов и только после этого вернуться к экологической экспертизе.

Зав. кафедрой, к. б. н., доцент
В. М. МУРАВЬЕВА

ТРАДИЦИИ
И ИСКУССТВО КЛИНКА

17-23 АПРЕЛЯ 2000 Г.

м. Ленинский просп.

ВЦ «МИР» МОСКВА

УЛ.ОРДЖОНИКИДЗЕ, 11

ОРГКОМИТЕТ

(095) 230-61-16

953-01-83

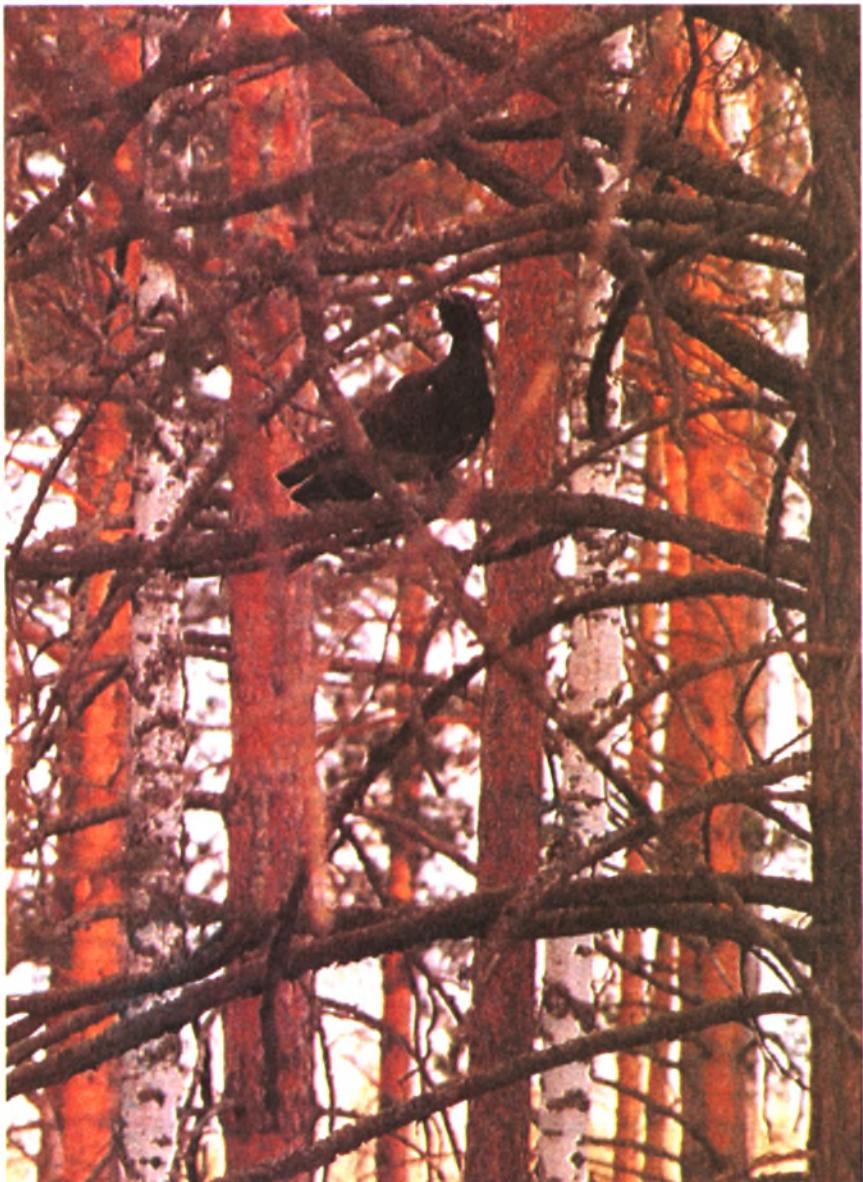
ЗАГАДКА ГЛУХАРНОГО ТОКА

Солнце уже распластало свои лучи, а ток все не унимался. Можно было уходить, но мы, все еще не веря в увиденное, сидели, плотно прижавшись к толстой с выгоревшим боком сосне, и попеременно, припадая к биноклю, впитывали всем своим существом происходящее.

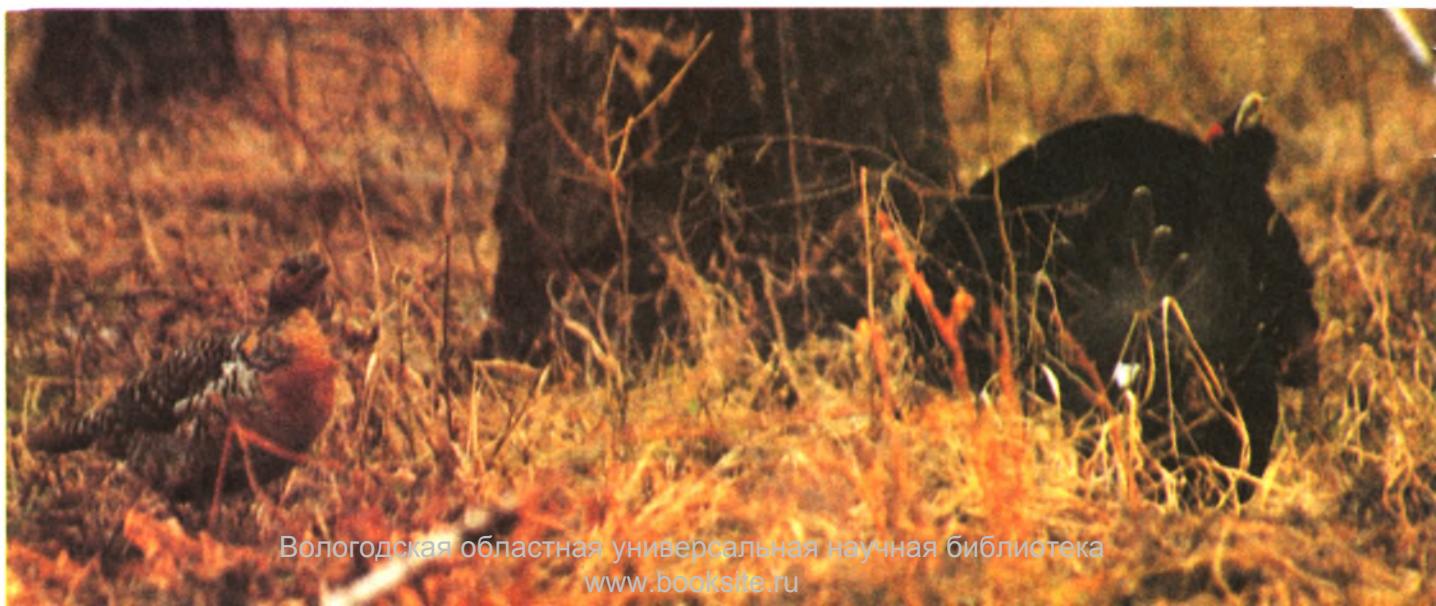
Метрах в ста от нашей засидки нет-нет да сходились в поединке «хранители» токовища — элитные самцы глухари. Птицы то гулко ударяли крыльями, вцепившись друг в другу, то демонстрировали красоту и величие раскрытых полным веером хвостов. Белые пятна на рулевых, их расположение и общий рисунок почти как отпечатки пальцев человека — неповторимы, что давало возможность распознавать участников этой феерии весеннего утра.

Вся неправдоподобность происходящего заключалась не в исполнении токовых песен или демонстрации вызывающих поз, а в том, что, по всем расчетам, этот ток должен был исчезнуть, как канули в небытие многие другие, оказавшись по соседству с человеком. Сотни токовищ, еще недавно дарившие жизнь и продолжение глухариного рода, оказались оголенными сплошными концентрированными рубками. Птицы, некоторое время еще державшиеся в этих местах, все реже попадались на глаза. Они становились легкой добычей тех, кто жил здесь же.

Подобный «каток» заготовителей прошел и по нашему токовищу. Каким-то чудом уцелело несколько островков соснового леса да несколько птиц. К этому моменту территория была объявлена биологической станцией КГУ и на подъездных путях запестрели аншлаги, указывающие на то, что охота здесь запрещена. Осенью наезды охотников в эти места про контролировать удавалось далеко не всегда, а вот весной глухари практически не

А. САВЧЕНКО, И. САВЧЕНКО
Фото А. Савченко

отстреливались. Несмотря на это, несколько лет численность активно токующих самцов оставалась практически неизменной и не превышала двух-трех птиц. Складывалось впечатление, что эта микроргуппировка обречена на вымирание.

В биологии любого вида при всей совокупности довольно сложного набора адаптаций есть слабые звенья — своеобразная ахиллесова пята. Для глухаря таким местом, очевидно, является наличие или отсутствие промежуточных кормов.

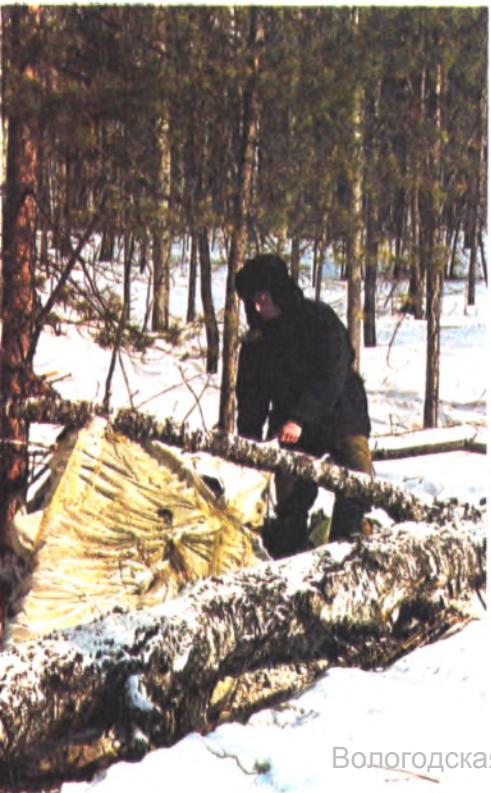
Например, известно, что в переходные сезоны в хвое сосны — основном корме вида, уменьшается содержание белкового азота и жиров. Поэтому весной чрезвычайно важной добавкой глухариного рациона служат кустарнички (брусника и главным образом — черника), а осенью — хвоя лиственницы. При существующей системе лесозаготовок ягодники исчезают надолго, если не полностью, а лиственница до недавнего времени отапливались практически все села лесной зоны Красноярья.

В качестве компенсационных трофических перемещений следует рассматривать вылеты глухарей на хлебные поля, что сделало глухаря почти такой же полевой птицей, как и тетерева.

Нашему току повезло. Осенью вблизи с его местоположением оказались неубранными и ушли под снег несколько пшеничных полей. Глухари кормились на них до глубокой осени, бродя по снегу и ловко орудуя своими мощными клювами.

Новый день уже во всю мощь наполнялся птичьим многоголосием, а мы все еще не верили своим глазам. На току держалось не менее 12 птиц. Только с одной точки единовременно удавалось отметить до шести территориальных самцов.

Что явилось причиной столь значительного увеличения численности глухаря? Может быть, действительно, зерновая подкормка сотворила чудо?

ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ:

ЧТО

ДЕЛАТЬ?

А. УЛИТИН,
кандидат биол. наук,
председатель Правления
ассоциации «Росохотрыболовсоюз»

В Скнигинском охотничьем хозяйстве

Глубокие политические, экономические и социальные изменения, происходящие в настоящее время в России, не могли не коснуться охотничьего хозяйства. Анализ современных тенденций в этой отрасли крайне актуален для поиска путей стабилизации и начала нового развития охотничьего хозяйства.

Российская Федерация — одна из крупнейших стран мира, площадь которой — 17,1 млн кв. км — составляет 12 % территории суши Земного шара. Разнообразие природных условий, флоры и фауны, в том числе охотничьей, определяет наличие огромных охотничьих ресурсов.

В то же время новые для России рыночные условия не позволяют функционировать охотничьему хозяйству как отрасли, а затянувшийся процесс формирования цивилизованных рыночных отношений лишь добавляет много новых проблем и не позволяет этой отрасли выйти из кризиса.

У охотничьего хозяйства России есть все основания быть самостоятельной отраслью хозяйства страны. Необходимо только заменить ведомственную политику в области охотничьего хозяйства на общегосударственную.

Годовая продукция охотхозяйства, потребляемая внутри страны, оценивалась до начала 90-х годов в 400—500 млн рублей (в ценах того времени). Изделия из пушнины постоянно были в дефиците. Сырая пушнина исторические были предметом экспорта (до 20 млн долларов в год). Одного только соболя добывалось в середине 70—80-х годов до 300 и более тысяч особей за се-

зон. Мясо копытных животных, медведя, зайцев, пернатая дичь были предметом централизованных государственных заготовок.

Помимо животного мира охотничье хозяйство, особенно в промысловых районах страны, использовало ресурсы лекарственно-технического сырья, орехов, ягод, местами древесины, вело рыболовный и зверобойный промысел, занималось производством традиционной одежды, сувениров, охотничьего и рыболовного снаряжения.

С середины 80-х до середины 90-х годов ведением промыслового-охотничьего хозяйства в разные годы занимались более 100 госпромхозов, 120 коопзверпромхозов, 150 северных совхозов и колхозов, за которыми было закреплено соответственно еще в 1981 г. 272, 275 и более 420 млн га угодий. Спортивные охотничьи-рыболовные хозяйства Росохотрыболовсоюза, ВВО, «Динамо» были представлены в лучшие годы 5 тысячами охотничьих хозяйств, что составляло 14—18 % от общего количества закрепленных угодий в России. Постоянно или временно в сферу охоты вовлекалось в те годы около 4 млн человек, что свидетельствовало о большом социальном значении охотничьего хозяйства. Охотниче хозяйство выполняло большую рекреационную роль и служило сохранению традиций и обычая охоты, являющихся частью нашей национальной культуры. Особенно велико социальное значение отрасли было на Крайнем Севере, в отдаленных районах Сибири и Дальнего Востока, там, где жизнь местного населения невозможна без охоты. Ска-

занное свидетельствует о том, что охотниче хозяйство — традиционно сложившаяся, многофункциональная комплексная отрасль экономики природопользования.

Огромная биосферная роль охотничьего хозяйства, которое, как никакая другая отрасль, заинтересовано в сохранении всего природного комплекса в наименее нарушенном состоянии.

Большую роль в природоохранной деятельности и рациональном ведении охотничьего хозяйства России, которая в большей мере соответствовала и международной практике, играли приписные хозяйства Росохотрыболовсоюза. Непосредственное вложение в ведение охотниче-рыболовного хозяйства с 1 млн руб. в 1959 г. увеличилось до 34,5 млн в 1988 г. и почти до 70 млн в 1998 г.

С 1968 по 1988 год объем биотехнических мероприятий возрос: по числу искусственных гнезд в 5 раз; заготовкам кормов — в 13,5 раза; по площади кормовых культур и сенокосам — в 7 раз. В 1988 г. членами обществ охотников было истреблено 10,5 тыс. волков, 1,3 млн ворон.

В доперестроечные годы в угодья хозяйств Росохотрыболовсоюза было выпущено более 7 тыс. копытных животных, свыше 70 тыс. пушных зверей, 500 тыс. охотничьих птиц.

Союз охотников ежегодно сдавал государству пушнины на 20—25 млн руб., заготавливал мяса диких копытных до 5 тыс. тонн. Располагая лишь 14—15 % территории охотничьих угодий России, охотники вкладывали в ведение охотничьего хозяйства в пределах 20 %, а в

охрану и воспроизводство ресурсов 26 % собственных средств, что значительно больше, чем в среднем все другие охотпользователи.

В те годы крепло и государственное управление отраслью, чем занималась Главохота при Совете Министров РСФСР. Что же произошло с отраслью в послеперестроечный период?

С возникновением частной собственности, появлением кооперативов, акционерных обществ, товариществ многие охотхозяйственные предприятия промыслового и лесоохотничьяго направления стали приобретать форму АО, ТОО и пр. Колхозы и совхозы Севера, занимавшиеся промыслом, трансформировались в семейно-родовые общины, фермерские хозяйства охотничьего, звероводческого, оленеводческого, рыболовного направления («Концепция...», ВНИИОЗ, 1998 г.). В сущности, они стали выходить из-под подчинения ранее управляющих ими из Центра структур. Почти полностью утратила силу потребительская кооперація, осуществлявшая централизованные заготовки пушнины.

Перестали функционировать пушно-меховые базы. Пушной рынок России заполнили импортные изделия, снижению объема заготовок пушнины, во всяком случае централизованных, во многом способствовал диспаритет цен: на товары, необходимые для промысла (оружие, боеприпасы, снаряжение, продукты питания и пр.), цены возросли в 4—7 раз больше, чем на пушнину и изделия из нее (Сафонов, Улитин, 1997).

Основных охотпользователей стали теснить непрофессиональные пользователи животным миром, такие, как предприятия Минметаллургии, ГУ Вооружений, Департамент общего машиностроения, Минобразования, Союз ветеранов Афганистана и т. п. Появи-

лась возможность «сорвать куш» от охоты. Минсельхозпрод РФ с учетом образованного Госрезервфонада сам по сути стал монополистом на охотугодья.

С появлением так называемого государственного охотничьего билета и возможностью почти любого гражданина России получить право на охоту, не вступая в охотничьи общественные объединения и не участвуя в работе закрепленных за ними хозяйств, сразу возникла тенденция расширения площади государственного резервного фонда, где обладатели госбилетов могли бы свободно, практически бесконтрольно охотиться.

По оценке Охотдепартамента Минсельхоза России, наблюдается тенденция перевода охотничьих угодий в резервный фонд. В Северном экономическом районе эта категория составляет 51 %, в Северо-Западном — 48 %, в Западной Сибири — 67 %, в Восточной Сибири — 45 %. Практически основной задачей деятельности Охотдепартамента стала ликвидация охотпользователей. В результате этого охотниче хозяйство России потеряло более 100 тыс. рабочих мест.

Конец 80-х и начало 90-х годов отмечены небывалым ростом браконьерства.

В 70—80-е гг. в России вскрывалось 60—72 тысяч нарушений правил охоты, а в 1996—1997 гг. этот показатель снизился до 47—52 тысяч. Из этого числа 30 % выявлено штатными и общественными работниками ассоциации «Росохотрыболовсоюз» на закрепленной за ней территорией — 13,3 % от площади угодий страны. Следовательно, около 87 % остальных охотугодий остались бесконтрольными.

В соответствии с Законом «Об оружии» граждане вправе приобретать гладкоствольное охотниче оружие в

качестве оружия самообороны. Воспользовавшись этим, многие пополнили армию браконьеров.

Раньше, до 1988 г. в охране Госохотфонда в системе «Росохотрыболовсоюз» было задействовано около 8 тыс. штатных егерей, 15,6 тыс. общественных инспекторов, около 16 тыс. членов специализированных дружин по охране природы, 12,3 тыс. общественных егерей.

Введены разовые лицензии (разрешения) на добыву особей всех видов животных, в том числе тех, которые всю историю охоты считались социальным ресурсом: кулики, утки, зайцы и другая мелкая дичь. Постановление Правительства РФ № 138 от 8 февраля 1999 г. «О предельных размерах платы за пользование объектами животного мира, отнесенными к объектам охоты, с изъятием их из среды обитания» предусматривает однодневные разрешения на охоту, а сезонные даже при низкой цене уже недоступны большинству охотников. Главное — повидовое разграничение разрешений ставит законоисполненного охотника перед опасностью в любой момент оказаться браконьером.

На фоне кризиса в сельском хозяйстве России, удорожания транспорта и ГСМ значительно выросла численность волка и ослабла борьба с ним. Так, по данным Госохотучета РФ, в 1988 г. численность этого хищника составляла по России 29,2 тыс. голов, в тот же год добыто 13,2 тыс. волков. Такой же уровень численности наблюдался в 1992 г. (29,2 тыс.), но добыча снизилась до 5,9 тыс. В результате ослабления прессы на популяцию волка к 1996 г. его численность выросла до 45,6 тыс. голов, а добыча достигла уровня предыдущего десятилетия (13,0 тыс. гол.).

В тот же период по мере роста численности волка численность копытных животных существенно снижалась. Так, с 1991 по 1997 год численность лося сократилась на 33 %, кабана — на 43 %, косули — на 15 %. В этот период предпринимались попытки резкого ограничения лимитов изъятия копытных животных: для лося, косули, оленей они снижались до 3 % учтенного поголовья, для кабана — до 5 % при обычных нормах в 10 % и 40 % соответственно. Такая практика, проводимая Охотдепартаментом МСХП РФ, не дала положительных результатов, так как не были устранены основные причины падения численности копытных.

Несмотря на все это, хозяйства ассоциации «Росохотрыболовсоюз» работали стабильно хорошо.

В 1998 г. в угодьях было выложено 51 тыс. тонн кормов, установлено 65 тыс. подкормочных площадок, под подкормку освоено 10,2 тыс. га земельных площадей, добыто 7,4 тыс. волков, 35 тыс. серых ворон, задержано 25,4 тыс. нарушителей законодательства. Члены обществ Ассоциации ежегодно заготавливали до 60 % мяса диких копытных животных (кроме северного оленя, сайгака), около 40 % всей заго-

тавливаемой в России пушнины, добывали 2 тыс. тонн товарной рыбы.

В 1998 г. значительные средства направлены обществами на ведение охотничье-промышленного хозяйства, охранные и воспроизводственные мероприятия, общая сумма которых составила 81,3 млн рублей.

Охотничье хозяйство — многофункциональная отрасль. Можно выделить четыре основные сферы ее деятельности: социальную — занятость населения в охотниччьем хозяйстве; природоохранную — охотники более всех других заинтересованы в сохранении природы и достижении оптимальной численности охотничье-промышленных животных; биосферную — традиционно щадящее природопользование народов Сибири обеспечивает экологическую безопасность на огромных территориях; экономическую — расходы на ведение охотничьего хозяйства и его доходы от природопользования.

Однако в области экономики отмечено непомерное бремя налогов, несовершенство налогового и гражданского законодательства, несогласованность федеративного и регионального законодательства. Основные законы, регламентирующие использование животного мира, не согласованы друг с другом.

Реализация принципа недопустимости совмещения функций пользования охотничими ресурсами и государственного управления и контроля за ведением хозяйства позволит возложить основные усилия и затраты по ведению охотничьего хозяйства и значительную часть ответственности за состояние ресурсов на охотопользователей. Это путь к ликвидации обезличики угодий.

Большая часть налоговых и иных платежей, связанных с пользованием животным миром и ведением охотничьего хозяйства, должна оставаться территориям и распределяться в интересах охраны природы для обеспечения развития охотничьего хозяйства и экономической поддержки охотопользователей.

Реализация принципа платности пользования ресурсами животного мира требует научно обоснованных подходов. Теоретической базой этому служит теория ренты. Аренда может быть только долгосрочной, не менее 25 лет, или постоянной. Плата за пользование охотничими ресурсами должна быть дифференцирована и должна зависеть от состояния ресурсов, определяемых на основе их кадастровой оценки и прогнозов.

Было бы целесообразно вести мониторинг охотничьих ресурсов в Единой системе экологического мониторинга России (ЕГСЭМ).

Экономическое и финансовое обеспечение отрасли должно осуществляться через: признание охотничьего хозяйства самостоятельной отраслью в системе АПК с соответствующим порядком финансирования материально-технического обеспечения; формиро-

вание налогово-целевого и финансово-кредитного регулирования охоты и охотничьего хозяйства; установление налоговых и иных льгот отдельным категориям охотопользователей в порядке компенсации их вложений; нормативное обеспечение взаимной компенсации ущерба, причиняемого различными отраслями природопользования; обеспечение целевого направления средств, образующихся от платного природопользования на реализацию федеральных и территориальных программ, связанных с охраной, воспроизведением и устойчивым использованием объектов животного мира.

Приватизация угодий для ведения охотничьего хозяйства недопустима!

Нельзя вести охотничье хозяйство на территории Госрезервфона специально уполномоченными государственными органами (СУГО) без каких-либо договорных отношений и без оформления лицензий на данный вид деятельности; расширять список лицензионных видов — объектов охоты за счет малоценных видов пушных зверей и пернатой дичи. Это не способствует укреплению экономики.

Что касается налогового законодательства, то в его современном виде оно губительно для охотничьего хозяйства.

Налоговое законодательство не всегда учитывает сезонность охотничьего хозяйства. На наш взгляд, нельзя устанавливать налоги по общим показателям (прибыль, доход и т. п.) на весь год.

НДС взимается по оценке окончательной продукции (работ и услуг), но без вычета расходов для ее получения. Специфика охотхозяйственной отрасли заключается в том, что хозяйства делают большие долговременные затраты (воспроизводство, охрана, науч-

ные исследования и т. д.), чтобы произвести сегодняшнюю продукцию.

Например, при определении рыночной цены необходимо применять затратный метод, не выходя за пределы хотя бы 10 % коридора (себестоимости работ и услуг).

Не упорядочены и не согласованы с органами охотничьего хозяйства разные лицензионные и регистрационные сборы, существующих в отрасли. Например, стоимость лицензии на право магазина продавать оружие и боеприпасы составляет 150 минимальных окладов, в то время как какой-либо магазин в удаленном промысловом районе сможет продать товаров за много лет на значительно меньшую сумму. Где же здесь учет фактической способности налогоплательщика к уплате налогов?

В некоторых регионах субъектами федерации (а это их право) введен, например, налог на вмененный доход (потенциально возможный), который не освобождает охотопользователей от других, например федеральных, налогов. При этом ставятся жесткие требования выплаты (до 100 % этого налога авансом) за налогооблагаемый период.

Выводы: государственной экономической политики в области охотничьего хозяйства не существует; хозяйства стоят на грани банкротства, хотя несут значительные собственные затраты и пополняют бюджет, тем самым помогают существовать тем же государственным контрольным органам. Необходимы глубокие экономические и организационно-управленческие научные исследования по обсуждаемым проблемам.

Фото А. Севастьянова

ВЕСТИ ИЗ ХАТАНГИ

Хатанга — небольшой городок на правом берегу реки Хатанги за полярным кругом на юго-восточной окраине Таймырского полуострова. Здесь все-го тысячи три жителей, в основе это долгаге — народ, родственный якутам, пришедший из сибирских степей в средние века. Занятия: рыболовство и охота, частью оленеводство. Однако на Таймыре люди жили еще в новом каменном веке, о чем свидетельствуют открытые археологами разбросанные по берегам рек «следы» немногочисленных стоянок. То были тоже охотники на северных оленей, овцебыков, пролетную и оседлую птицу — гусей и куропаток.

В Хатанге находится управление крупнейшего в мире тундрового биосферного заповедника, охраняющего массовые гнездовья гусей, лебедей и уток, а также полумиллионное стадо диких северных оленей и опытное стадо акклиматизированных овцебыков.

В Хатанге есть речной причал, река судоходна — заходят морские танкеры с горючим. Здешний аэропорт несколько лет назад доставил городку всемирную известность. Оказалось, что из Хатанги удобнее всего достигать Северного полюса, дешевле, чем из Норвегии, Аляски и Канады. Француз Бернар Бюнг, родом из-под Парижа, энергичный бизнесмен, организовал в Хатанге своеобразный полярный тур: полеты на Северный полюс богатых и

свободных людей. Там на «Крыше Мира» весной на льду расчищают посадочную полосу — площадку для самолетов и вертолетов, организуют палаточный лагерь, и за 6 тысяч баксов вы можете с известным комфортом провести несколько часов или дней, играя в мяч или просто загорая под круглосуточным солнцем, целуясь с любимой девушкой. А потом можете с гордостью показывать друзьям и знакомым фильм о своем арктическом героизме.

Разнообразия свой аттракцион, Бернар решил в 1998 году дополнить его показом сбора останков мамонтов на ряде местонахождений в тундрах полуострова. Разведка и раскопка скелетов ископаемых гигантов разрешена французу при поддержке заместителя председателя Государственной думы Чилингарова. В обмен Бюнг обязался весь добытый палеонтологический материал оставлять городку и его краеведческому музею, а кроме того, согласовывать свои палеонтологические исследования с Мамонтовым Комитетом Академии наук Российской Федерации. Впрочем, раскопки хорошо сохранившихся трупов мамонтов (с красным мясом и шерстью) дилетантам не доверяются, не разрешаются.

14 августа 1999 года в Хатанге состоялось торжественное открытие музея «Мамонта и Овцебыка». Пока это небольшой, уютный деревянный домик с подземным мерзлотным хранилищем,

в котором может разместиться мерзлый труп мамонта. Новый музей организован директором Таймырского заповедника Ю. М. Карбаниным. Музею присвоено имя археозоолога Н. К. Вещагина — экс-председателя Комитета по изучению мамонтов и мамонтовой фауны Российской Академии наук. Первым заведующим новым музеем назначен знатный долголин Константин Уксусников — один из знатоков местонахождений мерзлых трупов мамонтов на Таймыре. Среди экспонатов нового музея надлежащее место займет показ хода восстановления на Таймыре популяции овцебыка, вымершего здесь относительно недавно. Опыт восстановления (реакклиматизации) этого замечательного арктического «отсельника» — уникального вида среди полорогих копытных Мира, — как известно, был начат более 20 лет назад с помощью правительства Канады. Теперь на Таймыре насчитывается около тысячи особей этого благородного зверя. И кто знает: быть может, этот новый музей со временем разрастется в солидное каменное здание, способное вместить несколько полных скелетов и чучел мамонтов и их «спутников»: овцебыков, бизонов, оленей, лошадей, носорогов, — привлекая в Хатангу арктических туристов и способствуя тем самым процветанию нашей северной окраины.

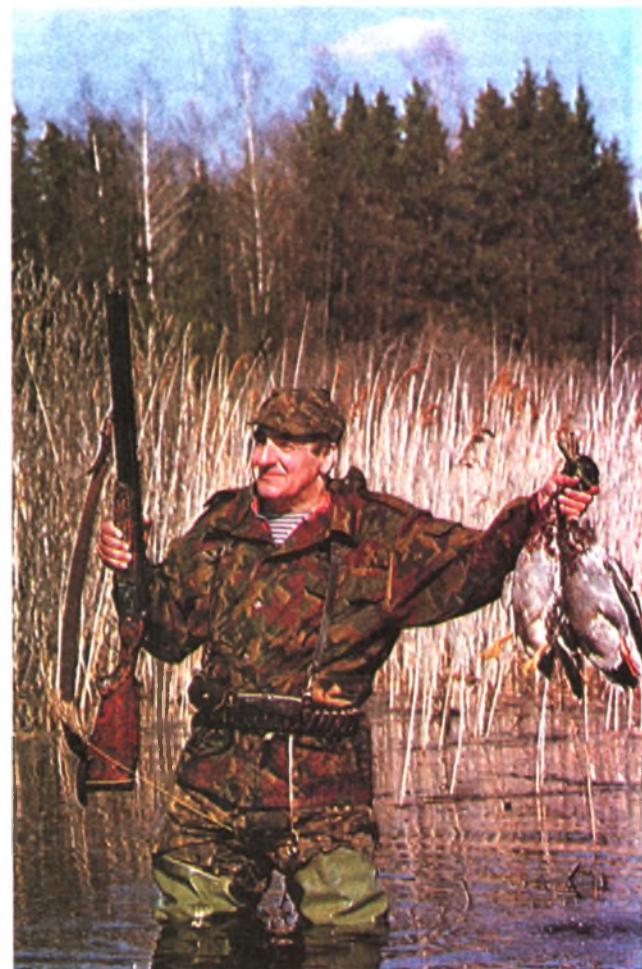
Фото Т. Баженова

КАК ПОДГОТОВИТЬ ПОДСАДНУЮ УТКУ

Э. ШМИТ

В октябре 2000 года нашему журналу исполнится 45 лет. Собранный за все годы издания, переплетенный в годовые подшивки, журнал воистину бесценен и незаменим. Он один стоит целой охотничьей библиотеки, и не случайно публикуемые в нем материалы часто перепечатываются в различных сборниках и

энциклопедиях. Ведь для очень многих, и прежде всего молодых подписчиков, старые подшивки журнала недоступны. Поэтому мы решили время от времени возвращаться к тем публикациям, которые не устарели, не потеряли своей познавательности и ценностей для наших читателей.

Подсадные утки выведены от диких кряковых. Длительным подбором они превращены в домашнюю птицу, сохранившую от своих предков голос и манеру привлекать селезней. В разведении подсадных крайне важно, чтобы самки и самцы из поколения в поколение подбирались от лучших уток, проверенных в работе.

Первостепенное значение имеет голос. Как и у дикой утки, у подсадной он должен быть зычным, резким и доносчивым; «осад» коротким, с 3–4-кратным коленом. Хорошая утка работает «вызовом» и только пролетающих уток встречает «осадом». Подлетающего селезня утка сажает более длинным «осадом», перемежающимся с «вызовом». Голос подсадных с длинным «осадом», который нравится многим охотникам, несвойственен диким уткам и плохо привлекает селезней. Пристрастие некоторых охотников к мел-

ким уткам вредно при выведении породы, оно приводит к измельчанию ее и потере голоса.

Нередко подсадные получаются от скрещивания подсадной с диким селезнем. Такие утки имеют хороший голос, но трудно приручаются, а иногда остаются настолько пугливыми, что, чувствуя близость человека, кричат плохо. Рабочий период у помесей короче, чем у настоящих подсадных.

При покупке подсадной следует выбирать утку рабочих линий, величиной и окраской похожую на дикую кряковую. Голос подсадной можно проверить, отделив ее от уток, с которыми она содергается. Перекликаясь с подругами или селезнем, она обнаружит свою энергию и покажет голос «вызовом» и «осадом». Все же окончательную оценку подсадной может дать только сам дикий селезень.

Подготовка подсадных начинается

зимой. Уток держат в холодном, нетесном помещении, хорошо защищенном от ветра.

С осени уток кормят вволю, подготовляя к холодным месяцам зимы. Лучший корм — просо. Обрушенное зерно и крупа менее пригодны: в них мало витаминов и нет грубых частиц, необходимых для нормального функционирования желудка птицы. В качестве витаминного корма полезно иногда давать небольшое количество вареного картофеля и пророщенного зерна. Более богатыми кормами нужно избегать — они способствуют раннему образованию зародышей яиц. Мисочка с крупным песком и мелкой галькой должна постоянно находиться в птичнике.

Зимой вода для питья дается два раза в день, при кормлении, и сразу же убирается; ее заменяют комочком свежего снега; он служит уткам для утоления жажды в течение дня.

Утки всегда должны быть сухими. Нельзя оставлять в птичнике воду в посуде, в которую они могли бы залезать.

Время от времени полезно брать уток в теплое помещение и давать им покупаться в корыте или большом тазу. После купания вода убирается, а утки остаются в тепле до тех пор, пока их перо совершенно не высохнет.

К концу зимы, если утки слишком жирны, их кормовой рацион уменьшается. Ожиревшие утки вяло зазывают селезней. Поскольку во время охоты подсадные едят плохо и скоро худеют, на кормление и уход за ними весной следует обратить особое внимание.

Очень важно, чтобы к началу охоты подсадные были в той физиологической стадии периода размножения, при которой они проявляют наиболее сильное стремление к оплодотворению. В это время своей страстной работой подсадные легко привлекают селезней и делают охоту красивой и добычливой. Через 10—15 дней страсть уток постепенно ослабевает, они или совсем перестают «осаживать» селезней, или делают это с меньшим азартом.

Подсадные утки содержатся всегда вместе с селезнем. Только перед сезоном охоты, когда селезень начинает делать попытку топтать самок, его отграживают от них решеткой. Привычка чувствовать около себя селезня заставляет уток не отпускать его от себя и в период ослабления у них потребности в оплодотворении.

Важнейший момент в подготовке к охоте с подсадными — «откупывание» уток, т. е. приведение их оперения в такое состояние, при котором оно не намокает и позволяет птице часами держаться на воде, оставаясь совершенно сухой.

Купание производится только в теплые весенние дни. Утку привязывают так, чтобы, покупавшись, она могла выйти на берег, перебрать свое перо и смазать его жиром копчиковой железы. В зависимости от состояния пера купание повторяется 3—5 раз. Плохо «откупанной», намокшей на охоте подсадной уже не до селезня. Она зябнет, тянется к берегу, может простудиться и потерять голос.

На охоту, продолжающуюся несколько дней, полезно брать двух уток, оставляя попеременно одну из них на стане для отдыха. Одновременно высаживать двух уток весной нет смысла. От соседства подруги лучше осаживать селезня утка не будет, а охотнику придется таскать лишний груз.

Снаряжение для охоты с подсадной несложно, однако от тщательной его подготовки иногда зависит успех охоты. Для переноски подсадных служат легкие «садки», сплетенные из прутьев или сделанные в виде ящика из фанеры, с прорезанными в них отверстиями для вентиляции. За несколько дней до выхода на охоту, чтобы утка привыкла, на одну ногу ей надевают ногавку. Она делается из полоски мягкой кожи с вшитым легким паянным колечком. Ногавки делают съемные, но лично я предпочитаю постоянные, зашитые наглухо до окончания охотничьего сезона.

В мелководных водоемах утку высаживают на круг, который служит ей для отдыха и приведения в порядок своего оперения. Для круга лучше применять липу. Такой круг легок и не дает трещин. Края его оставляют тонкими, середину же с отверстием для колышка делают толщиной 5 сантиметров, чтобы круг не шатался. Его окрашивают грязно-коричневой краской под цвет весенних кочек. Диаметр круга 14—15 сантиметров.

Кольцо, надеваемое на колышек под круг, делаются из легкого гнувшегося прута. Хорошие кольца получаются из молодых стволиков шиповника. Утка соединяется с кругом крепким тонким шнуром, привязанным одним концом к деревянному кольцу. На другом конце

шнуря завязывают петлю, прореваемую в колечко ногавки. Кольцо, пропущенное через петлю и надетое на колышек, просто и надежно удерживает утку. Колышек обычно отыскивается на месте охоты. Круг насаживают на колышек тугу, с некоторым усилием. Лучшая длина бечевки — 50 сантиметров. Простора для утки достаточно, она не запутывается и не может уйти из поля зрения охотника.

Высаживается подсадная на воду с таким расчетом, чтобы круг погружался в воду на 4—5 сантиметров, а утка, ныряя, не доставала бы дна. В тех случаях, когда охотятся с лодки на глубокой воде, утку пускают без круга, на бечеве с грузом из камня или куска металла.

После окончания охотничьего сезона к уткам обязательно подпускают селезня, им дают возможность сесть на яйца. Перед посадкой к уткам селезень хорошо «откупывается». С загрязненным брюшком селезень оплодотворять самок не может.

Осенняя же охота с подсадными основана не на инстинкте размножения, как весенняя охота, а на инстинкте стайности, которая с особой силой проявляется в период осеннего пролета уток. Осенью высаживают несколько уток. Их задача заключается в том, чтобы своим видом и криком имитировать спокойно отдыхающую стаю, к которой охотно подсаживаются пролетающие дикие утки.

Фото А. ДИГИЛЕВИЧА

Я встретился я однажды с председателем Правления Костромского общества охотников — Игорем Геннадьевичем Шалаевым и попросил его рассказать о лучшем егеря.

— Да чего там рассказывать, — сказал Игорь Геннадьевич. — Садись в машину, да и поезжай к нему. Он сам о себе все расскажет.

Так и приехал я через два часа в деревню Вороново. У деревянного магазина толпились люди, и потому, как вежливо объяснили мне, где найти егеря, я понял, что человек он здесь уважаемый.

Я подъехал к добротной избе. Рядом вольера для собак, много заготовленных дров, под навесом у сарая соль и веники, чисто вычищенные от снега дорожки, —

егерю Н. Н. Кутузову — 77 лет

А. ДИГИЛЕВИЧ

все говорило о том, что здесь живет хо-
зяин.

Встретил меня крепкий мужчина с пыш-
ными усами, в хорошо подогнанной егер-
ской форме, со строгим прощупывающим
взглядом. Представился, — старший
егерь Кутузов Николай Николаевич. При-
гласил в дом. В доме чистенько, уютно.
На стене в уголке чучело глухаря и лоси-
ные рога. На столике гильзы и приспособ-
ления для зарядки патронов. До моего
приезда хозяин дома занимался снаряже-
нием патронов. Разговорились. На мою
просьбу рассказать о себе и своей рабо-
те Николай Николаевич призадумался:
«Вот уберу сейчас боеприпасы, покорм-
лю собак, и мы с вами поедем в лес, мне
сегодня нужно пополнить подкормочные
площадки, там и поговорим».

На «Буране» поехали в лес, предвари-
тельно загрузив корма в сани. Проехав
минут 30, подъехали к обширной, истоп-
танной кабанами подкормочной площа-
дке. Рассыпав зерно по площадке, Нико-
лай Николаевич не спеша, по-хозяйски
осмотрелся, собрал мешки, ведро, дос-
тат сигарету, вставил в мундштук, при-
курил и, присев, начал свой рассказ. О
себе он говорил скромно, но, когда говорил
о природе, о своем обходе, глаза его за-
горались.

Из его рассказа я понял, что прожил он
нелегкую, но интересную жизнь. На оху-
ту его с детства брали с собой взрослые,
иногда давали побродить с ружьем.

Окончив школу, ФЗУ, он стал работать
лесником. В 1941 г. его как охотника и
меткого стрелка направили в школу снай-
перов. После окончания — фронт. Навы-
ки охотника очень пригодились на войне.
Он был тяжело ранен, попал в госпиталь,
демобилизовался, вернулся в родные
края и снова стал работать в лесничестве.
Занялся охотой. Охотники выбрали его
председателем первичного коллектива. С
1985 г. работает старшим егерем. Пре-
красное знание леса и населяющих его
животных сделало его уважаемым челове-
ком. Лучшие охоты проводятся в его
обходе.

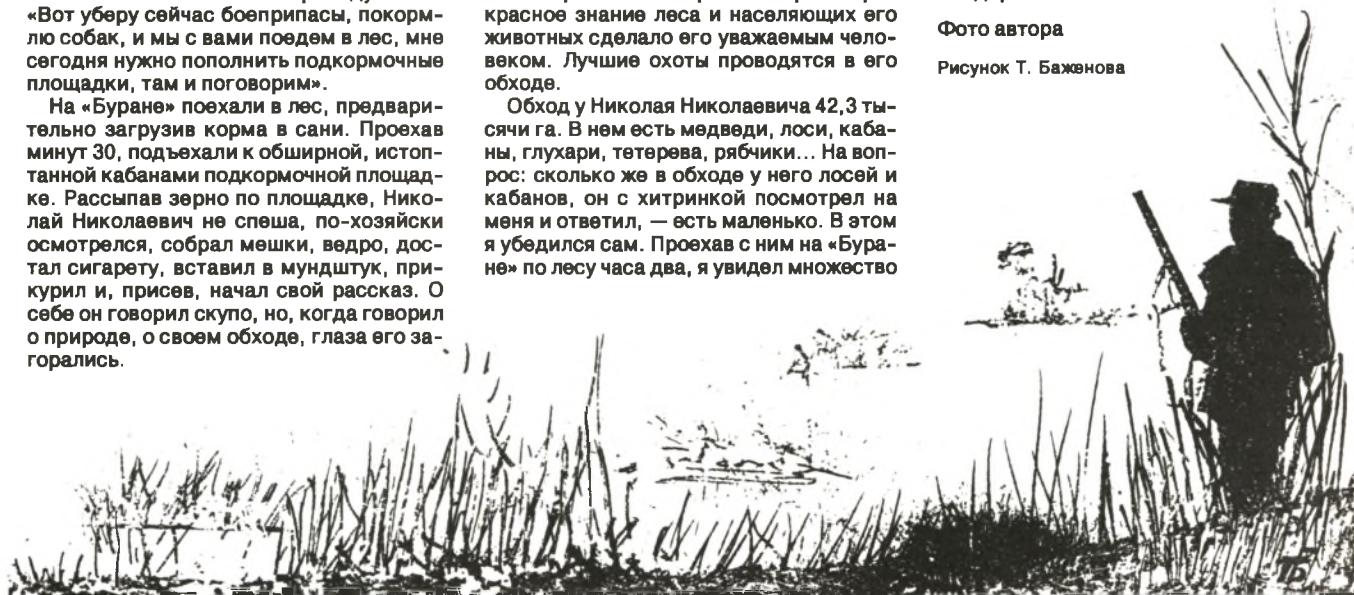
Обход у Николая Николаевича 42,3 ты-
сячи га. В нем есть медведи, лоси, каба-
ны, глухари, тетерева, рябчики... На воп-
рос: сколько же в обходе у него лосей и
кабанов, он с хитринкой посмотрел на
меня и ответил, — есть маленько. В этом
я убедился сам. Проехав с ним на «Бура-
не» по лесу часа два, я увидел множество

переходов лосей, погрызы кустарников,
много построенных и выложенных солон-
цов. Подъезжая к опушке леса, он сказал,
что здесь уже должен «чертить» глухарь,
и действительно, незамысловатые узоры
черчения глухаринных крыльев виднелись
на снегу. Знание угодий Николаем Нико-
лаевичем было совершенным. И не ма-
ленькая зарплата егера держит его на
этой должности, а любовь к природе,
 страсть к охоте, которая стала неотъем-
лемой частью его жизни.

В этом году Николаю Николаевичу ис-
полнится 77 лет. Пожелаем ему крепко-
го здоровья.

Фото автора

Рисунок Т. Баженова

ДЕДУШКИНА ПРИМАНКА НА КУНИЦУ

И. ШПЕРОВ

Охотник, в душе которого сохранилось чувство прекрасного, скорее всего, предпочтет охоту с собакой самоловному промыслу. Хотя, несомненно, и то и другое имеет место быть, причем некоторые ценные виды пушных зверей добыть с собакой практически невозможно.

Лично мне пришлись по душе неприхотливые, разносторонние русские собаки — лайки. За четверть века охотничьего и охотоведческого стажа доводилось стрелять из-под них от бекаса до глухаря, добывать и белку и медведя. Но, побывав в промысловых районах, я понял, что истинное предназначение этих уникальных собак — пушной промысел. Наряду с твердым заработком, который до недавнего времени приносила пушнина, человек получает огромное эстетическое наслаждение. Пожалуй, мало кто из охотников, хоть раз в жизни увидевший работу хороших лайки, останется равнодушным к этому захватывающему зрелищу.

Но увлекательная охота с использованием четвероногого помощника строго ограничена по времени. С выпадением глубокого снега она прекращается. Собака начинает тонуть в снегу, быстро устает и не может настигнуть уходящего от погони зверька.

Работники охотничьего хозяйства ни одна власть не баловала нормальными заработками. Если чуть больше уборщицы или сторожа получали, то уже неплохо считалось. Всегда приходилось дарами леса праздничные столы сервировать и семейный бюджет поддерживать: грибы, ягоды, дичь, ну и пушнина конечно. Подобные промыслы даже со стороны начальства поощрялись. Да оно и понятно, работник тогда намного больше времени в закрепленных за ним угодьях проводит; бывает, что даже ночевать остается на рабочем месте.

Зима в России почти на всей территории отличается продолжительностью, морозами и обилием снега. Сразу после увлекательной, подвижной охоты с лайками, когда в погоне за желанным трофеем охотник пробегает не одну сотню километров, наступает длительный период глухозимья. И не столь важно, ранняя ли зима была в том году, или снег укутал землю белым покрывалом на неделю позже, единственным действенным способом охоты на пушину будет самоловный промысел.

Довелось в свое время и мне его осваивать. Постепенно научился бобра, выдру, норку ловить, а вот с куницей долго не мог разобраться. Вроде теоретически все понятно, а на практике ничего путного не получается. Пройдет зверек совсем рядом с ловушкой, а на приманку никакого внимания не обращает, будто и нет ее вовсе.

Пришлось с поклоном к старому охотнику идти, как бы в прежние времена сказали, к «передовику производства». Дедушка еле ноги передвигает, а заключит договор и один почти всю норму по кунице выполнит, что на район дается. Соберутся договорники в контору в конце сезона пушнину сдавать, балагурят, подшучивают друг над другом. По домам никто не расходится, знают, что день такой знаменательный просто так не кончится. Придет старик, притихнет все сразу — понимают, что лучше охотника нет во всей округе. Вытащит он не торопясь связку кунец из рюкзака — глаз не отведешь. И пойман зверь вовремя, все шкурки первым сортом проходят, и обработаны они так, что если придраться к чему, то надо всякую совесть потерять.

Взял я бутылку горькой, как принято в подобных случаях, иначе у русских никак общение не получается. Ни тебе похоронить, ни свадьбу справить без традиционного напитка просто невозможно. Правда, были одно время попытки вековые традиции нарушить, бязалкогольные свадьбы внедрить, их даже по телевизору показывали. Так и

не прижились они на нашей территории, народ мигом сообразил, к чему это может привести: от бязалкогольной свадьбы к беспорочному зачатию...

Старик меня в дверях встретил, хитро с прищуром смотрит, зачем пожаловал, ведь не частым гостем я был в его доме. А когда из сумки бутылку на стол выставил, он даже задумался на минуту, предполагая, вероятно, какую-то подвох. Не вставая со стула, дед повернул голову и, обращаясь к тонкой перегородке, отделяющей кухню от жилых помещений, крикнул:

— Старуха, собери-ка нам на стол, мы с охотоведом выпьем по лафетничку, да и победаем заодно.

Хозяйка старого охотника, видно, была воспитана в добрых традициях. На столе будто «по щучьему велению» появились тарелки с солеными огурцами и грибами. Потом она достала из русской печи чугун и налила нам по большой миске щей. Ни с чем не сравнимый аромат достиг органов обоняния, и я сразу передумал отказываться от первого блюда. Не проронив, кроме вежливого «здравствуйте», ни слова, бабушка удалилась в переднюю, откуда появилась минуту назад по зову хозяина.

Оставшись на уютной, чистенькой кухне одни, мы, как положено, подняли тост за удачную охоту. Поддев вилкой белесый полупрозрачный груздь, размером чуть больше пуговицы, я с удовольствием отправил его в рот. Запах наваристых щей щекотал ноздри,

но приходилось выдерживать ритуальную паузу, будто и моя молодая хозяйка каждый день готовит нечто подобное. После второй рюмки глаза старика оживились и в них засветилась не-победимая жизненная сила. Будто и не было прожито много лет, не было войны, ранений, голода. Он посмотрел на меня голубыми глазами, глубоко спрятанными в складках изрезанного морщинами лица, и, не отводя глаз, сказал:

— Ты, милый сын, хлебай щи-то, не то остынут.

Я не стал заставлять себя долго упрашивать и с удовольствием погрузил деревянную ложку в ароматное, копческое вкусное варево.

Выждав некоторое время, пока я самозабвенно орудовал ложкой, старики наполнил граненые лафетники. Жестом приглашая меня выпить, он поднял рюмку, которая в его огромной руке казалась наперстком, и сказал:

— Ты по какому делу пришел? Сказывай, чего пряжу путать. Чай, не каждый день ко мне в гости с горькой ходишь... Чем могу пособлю, небось не враги мы с тобой.

Стало ясно, что мои потуги хитрить, изображая из себя опытного охотника, шиты белыми нитками. Несомненно, за долгую жизнь он поведал немало людей, как плохих, так и хороших, и если предлагал свою помощь, то пустых слов на ветер не бросал. Мне стало стыдно, как школьну, впервые пойманному со шпаргалкой строгим учителем. Горячая волна поднялась к моему лицу, нелепо украшенному жи-денькой бородкой, которая могла украсить только китайца. Старики едва заметно улыбались, а я ерзал на табурете и пытался собрать в предложение вихрем проносишись в голове неуместные слова.

— Да тут... вот ну понимаешь... как бы это лучше сказать... — А потом разом выпалил, посмотрев на старика: — Батя, научи куницу ловить, а то у меня ну ни черта не выходит. Что с собакой по чернотропу да малому снегу добудешь, то и ладно. Как снег ляжет глубокий, так на несколько месяцев зубы на полку.

— Ну-у-у! Что же тебя в институтах этому не обучили? С собакой-то и дурак зверя добудет, тут не ты, а она за тебя думает. Правда, мужики сказывали, лайка знатная у тебя, непременно бы щенка попросил, только не угнаться мне теперь за ней, ноги плохо слушаться стали. Ты береги собачку, кабы не украли, люди всякие есть...

— Да я уж и так ее в избе держу, как из леса выйду, и хозяйка вроде смирилась, ворчать перестала. Прошлый год кобелька себе оставил, думал по крупному натаскаю. Шесть месяцев растял, так его прямо из-под окна, из вольеры украли. Шибко ласковый был, детишки все с ним играли.

Старик на минуту задумался, будто пытаясь вспомнить что-то важное, потом тихо заговорил, ковыряя желтым от табака ногтем клеенку. Вероятно, он

размышлял, стоит ли мне это рассказывать.

— В прежние-то времена нас при заготкоиторе всего три штатных охотника было: Князь, Морозов дед, почитай лет десять назад преставился, да я. Князь с Морозом сильные охотники были, хошь по зверю, хошь по пушнине. Медведей лули не по одному за осень, будто наперегонки дружка перед дружкой. Да и зверя-то тогда немерено было. Бывало, дальние овсы медведи так укатают, что и жать нечего. Так председатели колхозов к ним с поклоном приходили, просили, чтобы они их пужанули маненько. Тогда ведь лицензий никаких не было, а ружье дай Бог одно на деревню. Сам-то я по крупному и по молодости не хаживал, больше капканил. Помню, один год с севера куница шла, с Вологодской стороны, что-то ей там не заладило. Я тогда один на два плана поймал, да все больше «коты» крупные попадались, а сдать не мог — норму по району выполнили. Так у меня в шкафу десяток куниц первосортных пылилось до следующего сезона. А куда их больше денешь, кроме как в контору? В то время у баб и моды-то не было на себя пушину плятить, да и куда ей выкаблучиваться? Нешто перед быками на скотном дворе. Энто теперь, чем страшнее кошелька, тем пуще из себя барыню корчит, будто меха телеса прибавят да красивше сделают.

— А что же сейчас куницы меньше стало?

— Пошто меньше? Это я теперь на непослушных ногах вокруг деревни ползаю. Прежде у меня путь с ловушками на три дня хорошего хода был. Вологодскую сторону прихватывал. Все будки из башки по лесу знал, в них и ночевал, если ночь застанет. Охотников добрых не стало, молодежь этим не заманишь, разбаловались, хотят, чтобы им деньги с небес прямо в карман сыпались.

Уходил я от старого охотника уже по темноте, когда крупные осенние звезды украсили черный небосвод. Из затянувшейся дотемна беседы стало ясно, что хитростей в ловле куницы более чем достаточно. Кое-что мне было известно, но многое довелось услышать впервые. Старики пообещал меня по своему путику провести, чтобы на месте показать, в каких местах и как лучше ловушки ставить. Но больше всего меня сразила приманка, основой для которой служило протухшее мясо. Когда дед принес из сеней стеклянную банку, наполненную бурьим месивом, и, сняв полиэтиленовую крышку, сунул ее мне под нос, ожидая моей реакции, я чуть с табуретки не свалился. Как благородного, красивого хищника, для которого движение и охота являются основой жизни, может привлекать такой пакостный запах? Видно, у зверя и человека существенно отличаются понятия о вкусной и здоровой пище...

— Как же вы определяете, когда эта вонючка готова к употреблению?

— Да тут-то как раз никакой хитрости нету. Набиваю банку мясными обрезками, закрываю крышкой поплотней и ставлю на русскую печь, чтобы она в тепле доходит. Как крышку сорвет и дух по избе пойдет, так и нощью проснешься. А ежели меня дома нет, то старуха непременно скажет, да еще облает. Энто запах ни с чем не спутаешь. А чтобы, значит, на морозе слышнее было, надобно в приваду масла или жира добавить.

Осень, перешагнув свою золотую пору, очаровательную для очей поэтов и полную забот для крестьянина, переходила в сътое предзимье. Откормленные поросыта с трудом держались на тонких ногах. Откуда они могли знать в теплых хлевах, что наступающая стужа таит в себе смертельную опасность.

Раздетый догола, с опавшей листвой лес мрачно ждал холодной и безжалостной зимы.

Пушное зверье окончательно перешелось в нарядные теплые меха, обрекая себя на преследование со стороны замерзающего человека. Зима уже делала робкие попытки укрыть землю белым саваном.

Промышляли мы в тот год вдвоем верстах в пятнадцати от села, занимая большой дом в брошенной деревне. Охота с лайкой могла закончиться очень скоро. Поэтому короткие дни были заняты беготней по лесу, а длинные вечера обработкой добытой пушкини. Посторонние охотники редко заглядывали в эти отдаленные угодья. Охота по перу закончилась, зайчатники предпочитали крутиться вокруг поселка. Косых и там было в достатке, а волков значительно меньше. Из любителей побродить, а вернее, побегать, высунув язык на плечо, с ружьем в самый неожиданный момент могла завалиться на очлег бригада лосятников. Ребята увлеченно занимались товарным отстрелом копытных.

В отличие от других охотников, к которым рачительные крестьяне относились с нескрываемым презрением, лосятники пользовались уважением. За сданную государству продукцию бригада получала деньги плюс мясо, которое не было случайным гостем в их рационе. Посему сельское население было твердо уверено, что они заняты делом. Их радушно принимали в любой деревне отдаленного района, где все и всё друг про друга знают.

По делам службы мне время от времени приходилось выходить охотой в село, одновременно пополняя запас продовольствия. Вот и теперь, выбиравшись в поселок, я заложил большой крюк и в полной темноте выполз на автомобильную трассу. В принципе пройти последние километры по хорошей дороге не составляло большого труда. Но внутри все сопротивлялось пустому пробегу. На тело непомерным грузом навалилась усталость, ноги стали ватными, а душа, будто манны небесной, требовала попутной машины. К счастью, кто-то услышал мои молитвы и

она не заставила себя долго ждать. Сердобольный шофер, далекий от охоты и моих проблем, подвез нас с собакой к самому дому.

Через день, нагруженный провизией, я уже пробирался к избе. Приходилось придерживаться лесных дорог — рюкзак ощутимо оттягивал плечи. Лайка широким членоком шла впереди, изредка показываясь на глаза. Когда в лесу раздавался призывный лай, я снимал гнетущую, надоевшую ношу и спешил к собаке. Вместе с белками, застреленными попутно, удалось добыть и куничку. Трофей был, конечно, случайный, нетрудовой, собака загнала зверька на ель в сотне метров от дороги, но настроение сразу поднялось, и рюкзак будто стал легче.

К брошенной деревне, похожей на забытый людьми погост, я подходил уже вечером. Бывают гибкие места, где людям приходится жить не по своей воле. Мало ли тому примеров? Но какая дьявольская сила могла заставить человека покинуть эти обжитые земли,бросив на произвол судьбы капитально построенные дома в этом чудесном месте?

С вершины возвышенности, которую огибала красавая, чистая речка с пограничным названием Межа, открывался прекрасный вид. На многие километры к западу простиралось лесное море. Взирать на него можно было сверху вниз, что было довольно необычно для жителя равнинной части России. Завершив свой монотонный бег, светило опускалось в разноцветное, в зависимости от времени года, белое, зеленое, золотое море и медленно тонуло в нем.

Кто и когда основал это поселение, убедив крестьян обратить свои дома фасадом к западу, так и останется загадкой. На противоположной стороне единственной улицы домов вообще никогда не было. Значит, любой житель деревни, от неразумного дитя до уга-сающего старика, которому лишний шаг давался с большим трудом, при желании мог видеть эту величественную живую картину прямо из окна. Не надолго проводить или попрощаться с волшебной звездой, дарящей жизнь всему живому, и, перекрестившись, с Богом отойти ко сну.

Красивое русское название этой необычной по планировке деревни заключало в себе женское имя — Аксениха. Глядя на закат, переливающийся всеми цветами радуги, меняющийся в зависимости от погоды, словно настроение красивой гордой и манившей женщины, хотелось верить, что человек, бескорыстно даривший красоту жителям этой деревни, был движим любовью к прекрасному созданию седьмого дня творения.

Теперь оставленные людьми дома, как выстроенные в ряд черепа с пустыми глазницами оконных проемов, направленных все в ту же сторону, быстро теряли былую красоту, которую было поздно восстанавливать косме-

тическими мерами. И лишь в одном доме, случайно уцелевшем среди поврежденных братьев-близнецами, добрые люди и лесовики поддерживали едва теплившуюся жизнь.

Поднявшись на крыльце, я увидел, что двери в избу распахнуты настежь. В доме все было перевернуто вверх дном, будто тут орудовала шайка домушников, даже крышка подпола была открыта. Судя по приглушенному бряканью банок, доносившемуся из подполья, напарник мой находился именно там. Сбросив рюкзак, мы с собакой с любопытством заглянули в темноту.

— Ты что там ищешь? Вроде мы туда ничего не прятали?

В тесном подполе послышалась возня, сопровождаемая беззлобным деревенским матом, и из люка показался мой товарищ, опутанный паутиной, с фонарем в руках. Лайка отскочила к стене и, вздыбив шерсть, зарычала, будто увидела медведя, высунувшегося из берлоги.

— Ты чуешь, как в избе воняет?

Только теперь я обратил внимание на необычный, мерзкий запах.

— Тут, пока тебя не было, лосятники ночевали, утром мы вместе из дома вышли. К вечеру прихожу — в избе вонь нестерпимая, аж глаза щиплет. Ну я двери открыл, думал проветрить. Куда там, так до утра и спал с распахнутой дверью, укрывшись с головой одеялом. Чуть не задохнулся. Поднялся чуть свет, никуда не пошел, весь дом обшарил, вот перед твоим приходом до подполья добрался. Главное, не поймешь, откуда эта вонь идет, по всей избе одинаково несет. А на лосятников я не зря грешу, потому как сними Белька был, а он тот еще лакостник, любую «козу»

отморозить может...

В отличие от злой уверенности напарника, над которым Белька не упускал случая подшутить, иногда довольно жестоко, пользуясь его наивностью, меня одолевали сомнения. Не могли ребята, фанатичные охотники, с которыми нас объединяли теплые дружеские отношения, сделать подобную пакость. Это никак не укладывалось в рамки лесной и охотничьей этики. Как бы сказал всеобщий любимец татарин, работающий по распределению на кожевенном складе: «Я такой шутка ну прямо терпеть ненавижу...» Русский язык был для него непостижим и откровенно противен.

Даже с открытой настежь дверью гнусный запах вызывал легкую тошноту. Я закурил и вышел на улицу. Влажная от ходьбы одежда неприятно холодаила тело. Да не у костра же спать рядом с теплым домом! И тут меня осенило — приманка дедушкина! Влетев в избу, я вырвал фонарь из рук испуганного напарника и, задержав дыхание, будто собирался нырнуть на дно глубокого омута, полез на русскую печь. Банка стояла в дальнем углу, за кучей тряпья, полиэтиленовую крышку сорвало, и она валялась рядом. Пока я осторожно спускался с печи по крутой лесенке, продолжая задерживать дыхание, в голове крутилась одна мысль: только бы в доме не разбить. В злополучной банке шел активный процесс, «ароматная» приманка пускала пузры, будто живая. Теперь-то я вспомнил, почему в первые минуты этот отвратительный запах показался мне знакомым. Оставалось только пожарче истопить печь в выстывшей избе...

Рисунки Б. Игнатьева

Собаки в процессе одомашнивания приобрели ряд характерных черт поведения, обуславливающих их тесную связь с человеком; поэтому многие породы этих животных вообще не могут существовать без его помощи. Очнувшись на улице, собаки попадают в трудные условия; не находя достаточно пищи, они слабеют от голода и многие из них гибнут от болезней. Выживают обычно лишь крупные и сильные собаки, которые способны добывать себе пищу и адаптироваться к местным условиям. Они пытаются не только грызунами и пищевыми отходами, которые ищут в помойках, но и добывают диких и домашних зверей и птиц и включаются в цепь передачи возбудителей зооантропонозов из природного очага к домашним животным и человеку. Например, во Владивостоке в 1997 г. была отмечена

БРОШЕННЫЕ СОБАКИ

вспышка лептоспироза среди людей и собак. После вакцинации домашних животных случаи заболевания людей лептоспирозом стали очень редкими.

Одной из важнейших характеристик в эпизоотологии и эпидемиологии является степень одичания собак. Это объясняется тем, что чем больше собака дичает и удаляется от человека, тем чаще она контактирует с больными дикими животными или питается их трупами. Одичание собак по времени идет неодинаково. Стадии одичания, конечно, не имеют четких границ в связи с миграциями собак из одной местности в другую и времени, которое прошло с момента получения ими полной «свободы». Однако думается, что в интересах наведения санитарного порядка и принятия соответствующего законодательства всем собакам по степени их «свободы» следовало бы разделить на следующие четыре категории:

1. Домашние собаки. Они постоянно находятся под присмотром владельца: в помещении, на огороженном участке или на привязи. На шее собаки должен быть ошейник с регистрационным знаком, и ей периодически делают прививки против инфекций. Выход собаки на прогулку из помещения должен проходить под присмотром владельца, который ведет животное на поводке. Для выгула собак в городах могут выделять специальные, огороженные забором, площадки, но чаще с

ними гуляют на улице или используют для этой цели пустыри.

2. Собаки полувольного содержания. Их владельцы нарушают правила содержания, и они свободно бегают по улицам. Такое содержание собак и тесный контакт их с бродячими — основная причина значительной инфицированности их антропозоонозами. В Москве таких собак подчас целыми сворами содержат при гаражных кооперативах, огороженных свалках и складах, на территориях научно-исследовательских институтов и т. п.

Эти собаки в санитарном отношении, пожалуй, более опасны, чем бродячие, так как они посещают жилые помещения и вступают в тесный контакт с хозяевами и членами их семей.

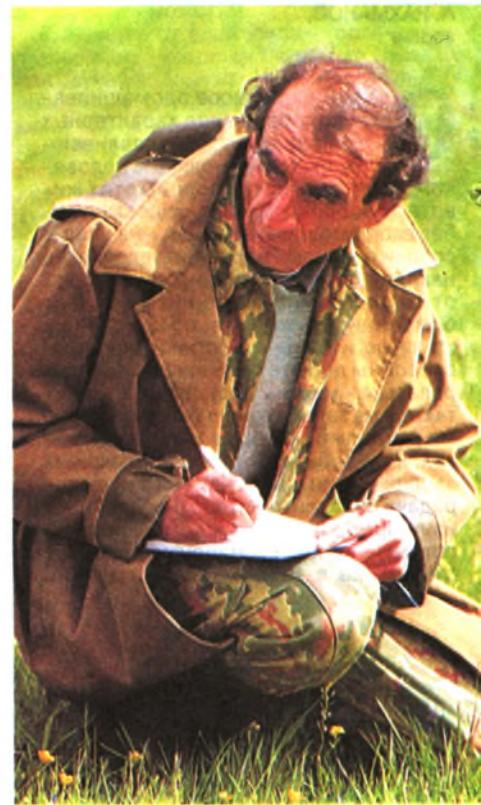
3. Бродячие собаки. Собаки, не имеющие хозяина и самостоятельно добывающие себе пищу. Они обычно бывают без ошейников, имеют жалкий вид, попрошайничают возле буличных, продовольственных магазинов, ищут пищевые отходы возле столовых, в мусорных контейнерах, поедают трупы павших животных, собираются стаями для охоты на диких животных в окрестностях города или деревни. Иногда во время преследования жертвы стая уходит на 10 и более километров от прежнего места обитания и обратно не возвращается.

4. Одичавшие собаки. Потомство, родившееся от полувольных (бездомных) собак, часто полностью порывает контакт с человеком и заселяет пригородные леса, лесопарки, труднопроходимые болота, заросли кустарников в степях, горах, широкие лесополосы вдоль шоссейных и железных дорог или возле полей, в зарослях оководных растений возле озер и рек. Здесь же они устраивают логова и приносят щенят.

Дикие собаки осторожны, охотятся обычно в ночное время и редко попадаются человеку на глаза, а при встрече в лесу или в поле стараются скорее уйти от него. Охотятся за добычей как в одиночку, так и всей семьей. В эпидемиологическом отношении играют такую же роль, как и волки: являются носителями бешенства, лептоспироза и других зооантропонозных заболеваний.

Таким образом, выброшенные владельцами на улицу собаки во время привыкания к окружающей среде проходят четыре стадии одичания, которые играют неодинаковую роль в развитии эпизоотического процесса и в передаче возбудителей зооантропонозов из природного очага болезни к человеку. Профилактика болезней животных, опасных и для людей, состоит в разработке научно обоснованных правил содержания животных в населенных пунктах.

Фото В. Животченко

КОМУ И КАК СУДИТЬ СОБАК

В 1995 г. впервые вышел справочник «Эксперты охотничьего собаководства». Этому выпуску предшествовала большая работа по сбору анкетных данных за период с 89-го по июнь 94 года. Было прислано 1054 анкеты, в большинстве своем неполных. Некоторые области вообще не присыпали никаких сведений. Необходимость же такого справочника была настолько велика, что тираж его разошелся в 2–3 месяца.

С 1994 г. кинологическая служба продолжила накопление данных по экспертам, которые получали категории в системе ассоциации РСохотрыболовсоюза, затем в системе РФОС. Кроме того, области досыпали свои данные на экспертов после выхода справочника, дававшего необходимую информацию организациям, приглашающим экспертов для проведения мероприятий по охотничьему собаководству. В справочник вошло и «Положение об экспертах по охотничьему собаководству». Справочник был разослан во все охотничьи организации России. Идея создания такого пособия принадлежит начальнику кинологической службы Е. С. Гусевой и председателю центральной квалификационной комиссии И. Д. Перельмитеру.

Теперь картотека экспертов постоянно пополняется, ею активно пользуется кинологическая служба и, когда приходят свидетельства на запись собак в племенную книгу (ВПКОС), про-

веряются все данные эксперта, и часто документы возвращают назад, если эксперт неизвестен, если судит другую породу, не имея категории и т. п.

В нашей стране всегда заботились о подготовке кадров экспертов для работы с охотничьими собаками: были квалификационные комиссии при Главном управлении по охране природы, заповедникам, лесному и охотничьему хозяйству МСХ СССР, там же утверждались все Положения, Правила, стандарты. Квалификационные комиссии работали и при Управлениях охоты республик, входящих в состав СССР. С 1990 г. функции Центральной квалификационной комиссии России были переданы РСохотрыболовсоюзу, с 1996 г. – Президиуму РФОС. С 1990 по 1999 г. проведено 25 заседаний Президиума, присвоено и повышено 1031 звание, введена новая: первичная III кат., которая по значимости равна старой II. Самой высокой категорией у нас в России стала Всероссийская, но экспертом Всероссийской категории может считаться только тот республиканский эксперт, который обменял свое удостоверение на удостоверение единого образца.

В 1992 г. было принято решение о создании региональных комиссий, которые на местах присваивали бы III и II категории. Возглавлять их должны эксперты высоких категорий, пользующиеся доверием, хорошо знающие условия и претендентов на получение

звания. Кураторами пород могут быть эксперты не ниже I категории.

С 1993 г. начали создаваться первые региональные квалификационные комиссии: в г. Кирове – председатель эксперт Всероссийской категории В. А. Попов; в Санкт-Петербурге – председатель эксперт Всесоюзной кат. Е. К. Чекулаев. Сейчас у нас существуют квалификационные комиссии: Алтайская, Вятская (ранее Кировская) (Урало-Волжский регион), Краснодарская, Красноярская, Московская региональная РФОС, Квалификационная комиссия при МООиР, Северо-Западная (ранее Санкт-Петербургская), Самарская (по гончим, лайкам, легавым, спаниелям), Тверская, Уральская (ранее Екатеринбургская), Нижегородская, Ханты-Мансийская (по лайкам) и Ярославская.

С 1993 по 1999 г. эти комиссии провели 52 заседания, присвоили 360 первичных категорий, повысили категории 95 экспертам. Но создание региональных комиссий не должно быть самоцелью областей, где работают всего по 10–15 экспертов высоких категорий. Претендент на получение и повышение звания может подать документы в любую из перечисленных комиссий, в том числе и в центральную.

Кроме того, «Положением об экспертах по охотничьему собаководству» оставлены в силе квалификации экспертов-кинологов второй, первой, Всероссийской, Республиканской и

Всесоюзной категорий, присвоенные до 1992 г. (включительно) квалификационными комиссиями МСХ СССР, Главохоты РСФСР, Росохотовьболовсоюза. Что же касается стран СНГ, то для того, чтобы категории их экспертов были для нас действительными, им необходимо: предъявить подтверждение их получения в соответствующем государстве, заявление, ксерокопию удостоверения, список работ за 5 лет, а также отчеты. К сожалению, иногда эксперт, переехавший в Россию, пытается обменять удостоверение на наше, а охотобщество бывшей союзной республики не подтверждает сдачу экзаменов у них, стажировку, а также выдачу удостоверения эксперта.

Состав Центральной квалификационной комиссии, утвержденный на заседании Президиума РФОС 25.05.99 г., таков:

1. Нина Борисовна МИШАНОВА — председатель, эксперт Всесоюзной кат. по лайкам (Москва).
2. Ольга Борисовна КРАСНОВА — ответ. секретарь, эксперт I кат. по леваям и норным (Моск. обл.).
3. Наталья Николаевна ПОНОМАРЕВА — исп. секретарь, эксперт III кат. по лайкам (Москва).
4. Сергей Юдикович ИЛЬИН — сотрудник Госдепартамента Главохоты.
5. Галина Викторовна ЗОТОВА — эксперт Всесоюзной кат. по борзым (Москва).
6. Людмила Михайловна ГУНИЧЕВА — эксперт Всероссийской кат. по борзым (Москва).
7. Владимир Юрьевич НЕМЧИНОВ — эксперт Всероссийской кат. по борзым (Москва).
8. Анатолий Васильевич ГОЛУБЕВ — эксперт Всесоюзной кат. по борзым, лайкам, легавым и спаниелям (Тверь).
9. Вячеслав Александрович КУРИЛ-

КИН — эксперт Всероссийской кат. по лайкам (МООиР).

10. Руслан Иванович ШИЯН — эксперт Всесоюзной кат. по гончим (Н. Новгород).
11. Сергей Михайлович ПАШКОВ — эксперт Всесоюзной кат. по гончим (Моск. обл.).
12. Валентина Павловна ИВАНИЩЕВА — эксперт Всероссийской кат. по норным (Санкт-Петербург).
13. Мария Алексеевна МУРОМЦЕВА — эксперт Всероссийской кат. по норным (Москва, «Динамо»).
14. Елена Сергеевна ГУСЕВА — эксперт Всероссийской кат. по норным (Москва).
15. Вячеслав Михайлович ШОСТАКОВСКИЙ — эксперт Всероссийской кат. по островным легавым (МООиР).
16. Геннадий Георгиевич ХРАМЦОВ — эксперт Всероссийской кат. по континентальным легавым (МООиР).
17. Анатолий Иванович ЯРКИН — эксперт Всероссийской кат. по спаниелям и лабрадорам (Москва).
18. Владимир Владимирович РОГАЧ — эксперт I кат. по спаниелям и лабрадорам (Москва).

Кроме вышеперечисленных основных членов Центральной комиссии, в ее состав входят и председатели региональных квалификационных комиссий с правом голоса, но только в том случае, если они в этот момент находятся в Москве, так как у нас нет денег, чтобы вызвать их на заседания.

В настоящий момент в России около 3000 экспертов. В большинстве своем это эксперты по лайкам, норным и гончим. По России они распределены неравномерно. Например, Москва имеет около 400 экспертов по разным породам, Санкт-Петербург — 134, Екатеринбург — 87, Киров — 52, Тверь — 59, Ярославль — 51. Примерно до 30 и чуть

побольше экспертов имеют: Алтайский и Краснодарский края; Удмуртия, Чувашия, Башкирия; Архангельская, Владимирская, Вологодская, Калужская, Пермская, Тамбовская, Тульская и Тюменская области. Остальные насчитывают меньшее количество.

Единого центра руководства коллегией экспертов России в настоящее время нет. Центральная комиссия знакомится с новыми экспертами только по материалам, которые приходят на присвоение. Иногда к нам обращаются с просьбой разобрать поведение того или другого эксперта, нарушающего правила и нормы поведения в работе с собаками.

Хорошо, если в областях и регионах есть Советы экспертов. А там, где экспертов мало, области могли бы создать объединенные Советы. Советы призваны обеспечивать решение всех проблем, связанных с экспертизой, регламентирующими документами и повышением квалификации экспертов. Они определяют порядок стажировки на всех мероприятиях охотничьего собаководства, доводят до экспертов изменения в кинологических документах, ведут учет деятельности экспертов и дают оценку качества их работы, организуют учебу и переподготовку экспертов в разрезе своих функций. Советы готовят претендентов на получение первичных категорий, поручают рецензировать их отчеты, дают рекомендации, готовят материалы на повышение категории, если соискатель выполнил все требования к такому повышению.

Если эксперт-кинолог нарушает этику поведения: в нетрезвом состоянии судит, груб, невыдержан, нарушает Положение об экспертах, не сдает отчеты, рапортички и т. п. — то Совет экспертов может наказать такого сотрудника с последующим утверждением решения на Центральной или региональной квалификационной комиссии. Часто Советы сами принимают решения, но окончательного решения ждут от Центральной комиссии.

Как же готовят экспертов, если нет Советов, если экспертов немного, а области хотят их иметь побольше, чтобы самим судить собак. Время от времени в том или ином регионе Советы экспертов организуют курсы, читают лекции, принимают экзамены... Например, в Тамбовской области много лет подряд лекции читал эксперт Всероссийской кат. В. Д. Херувимов; для работы на рингах выставки туда приглашали опытных экспертов высоких категорий. Тогда категории экспертов по лайкам получили: М. Н. Орлов, О. В. Добрынин, В. С. Васильев, С. В. Соколов. Возглавляется теперь кинологический Совет Тамбовской области эксперт I кат. по лайкам М. Н. Орлов и неплохо справляется со своими обязанностями. Там постоянно проводятся и зимние выставки лаек, и областная выставка, и испытания, и подготовка экспертов на повышение и присвоение первичных категорий. Сейчас в Тамбовской обл.

25 экспертов по лайкам, гончим, норным и борзым. Их собаки были на Московской областной выставке и на Всероссийских состязаниях лаек по подсадному зверю.

Лет 10 тому назад бригада экспертов: О. Л. Кордакова, Н. Б. Мишанова, И. Н. Слесаренко — приезжала в Белгород принимать экзамены у белгородских охотников-собаководов. Курс лекций им читал в то время кинолог Белгородского общества охотников и рыболовов, эксперт Всероссийской категории, в настоящее время Почетный член РСоюз охотников-рыболовов А. С. Смелянский. Нас тогда поразила подготовка к экзаменам. Благодаря ему в области сейчас трудятся 10 экспертов, а было 2.

МОиР в течение многих лет проводит курсы подготовки экспертов, были раньше и переподготовки.

В РФОС с 1992 г. работают курсы по подготовке не только экспертов, но и заводчиков пород, близких к охотничьим.

Бывает и так: приезжаешь на областную выставку, а руководители общества охотников просят принять экзамены экспертом у лиц, в основном имеющих биологическое образование или самостоятельно подготовившихся к сдаче экзаменов. Перед этим они прошли стажировку и на выставках, и на испытаниях, имели классных собак, много работали с породой и пришли к выводу, что могут работать как эксперты-кинологи. Тогда создается комиссия, куда входят представитель квалификационной комиссии, кинолог общества или заместитель председателя Правления общества и представитель от той породы собак, по которой пре-

тендент сдает экзамен. Сдают экзамены эксперты и Центральной комиссии.

Но не всем везет на понимание и подготовку. В Калуге, хотя и работали курсы по подготовке экспертов, председатель общества В. Н. Колосков не пожелал заплатить тем, кто читал курс лекций по подготовке экспертов. Пришлось Центральной квалификационной комиссии разбирать этот инцидент и рекомендовать оплатить эксперту Я. А. Фомину его труд. Все областные общества должны быть заинтересованы в подготовке и росте экспертов своего региона.

Уважаемые эксперты! Обратите внимание на оборотную сторону ваших удостоверений. Там четко написано, на что вы имеете право в вашем судействе на выставках и испытаниях. Это есть и в «Положении об экспертах по охотничьему собаководству», но этот сборник трудно достать. К сожалению, некоторые эксперты Всероссийских категорий занимаются несвойственным им делом: на испытаниях и выставках судят породы, которые не имеют права судить.

Наша кинологическая служба (начальник отдела О. Б. Краснова) очень внимательно следит за правильностью заполнения документов и возвращает их назад, если судят, особенно на испытаниях, эксперты, не имеющие на это права. Например, эксперт Всероссийской кат. К. А. Климачев судил лаек по белке, а эксперт-гончник Ю. А. Евдокимов — лаек по боровой дичи. Представьте возмущение экспертов по гончим, если их собакам дипломы будут выдавать эксперты по лайкам. У меня лежат документы на

двух западносибирских лаек владельца В. А. Ильюшенкова. Его лайкам Югани и Юкону выдали дипломы (проводили испытания два эксперта: М. К. Левина и М. В. Иванов) по глухарю, белке и лосю. Испытания проведены вдалеком Нефтеюганске, дипломы высокие, испытания проведены с оплатой, расценки правильные, а какие эксперты (по породам) судили — неизвестно. Сколько мы ни писали в общество, — ответа так и не получили.

В «Положении об экспертах по охотничьему собаководству», пункт 3.5, написано: «Эксперту не ниже II кат. разрешается проводить экспертизу единичных представителей охотничьих собак других пород на выставках и выводках не выше областного уровня», и пункт 3.7: «На полевых испытаниях и состязаниях по кровяному следу, подсадному кабану, водоплавающей птице эксперты комиссии могут возглавлять эксперты всех специализаций, если их породы испытываются в соответствии с действующими правилами по этим видам».

Пункт 3.8 гласит: «Эксперты любых категорий, начиная со второй, имеют право, пройдя стажировку на рингах и испытаниях другой группы пород, получить первичную категорию по этой новой группе — начиная со второй категории...». Так, например, эксперт Всероссийской категории по гончим В. А. Попов получил I категорию по левакам, курские эксперты А. Д. Смалий и А. В. Смалий имеют категории по лайкам и по гончим. Можно перечислить многих экспертов, получивших категории по другим породам.

Серьезный, хорошо подготовленный эксперт с большим опытом работы,

независимо от стажа, всегда готовится к выставке, перечитывая стандарты пород, которые он должен судить.

Роль эксперта почетна и ответственна. На выставках и испытаниях тысячи охотников-собаководов доверяют им своих питомцев. Но увы, часто эксперты ведут себя вызывающе: грубыят собаководам, говорят о своей значимости. Им следовало бы помнить, что они без собак ничего. Начинающие эксперты часто считают, что главный экзамен у них после окончания курсов. Но главное впереди: судейство на выставках и испытаниях под оценивающим взглядом владельцев собак, которые не прощают сбоев в работе. Надо быть культурными, подтянутыми, вежливыми и строгими. Нужно отлично знать правила, положения, стандарты породы. Только тогда эксперт может пользоваться успехом и доверием, если он ни в чем не заинтересован: ни в собаках своих друзей, ни в потомках своих собак. Он должен быть беспристрастен в своих оценках.

Случается, на областных выставках судит эксперт в нетрезвом состоянии; владельцы собак грубыят экспертам; недовольные уводят своих питомцев с выставки. За рингом стоят люди, которые именуют себя экспертами. Они обсуждают проводимую экспертизу громко, грубо, оскорбляя своих товарищей, иногда от таких горе-экспертов доносятся рекомендации, как нужно ставить ринг, конечно, по их разумению. А ведь существует много способов об разуметь таких крикунов, какие бы категории они ни имели и какие бы места ни занимали, вплоть до дисквалификации. Владельцев собак, нарушающих правила поведения на выставке, нужно лишать права выставлять своих собак.

Большое значение для авторитета эксперта имеет хорошо составленный и своевременно поданный отчет об экспертизе. На областные выставки и состязания обычно приглашают эксперта высокой категории, рассчитывая на то, что работа с опытным экспертом — лучшая школа для начинающего. Доверием пользуется тот эксперт, у которого нет личных интересов в ринге. Его отчет должен быть пособием для учебы и начинающих, и продолжающих свое дело специалистов.

Самая большая беда нашего собаководства ныне заключается в экономическом и социально тяжелом положении охотников. Все меньшее число их обзаводится собаками, и все меньше желающих стать экспертами-кинологами. Работы много, а оплата слишком мала. Просвета в конце этого туннеля пока не видно.

Н. МИШАНОВА,
председатель Центральной
квалификационной комиссии РФОС,
заслуженный работник охотничьего
хозяйства России

Фото А. Дигилевича

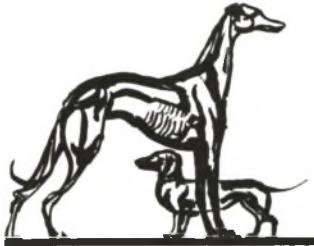
Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Микроэнциклопедия

Хвост длинный, достаточно толстый, покрыт густой шерстью; обычно опущен вниз с легким изгибом, кончик часто загнут кверху.

В прежние времена ирландский волкодав использовался для травли волков, позднее — при охоте на медведя, оленя, лося. В настоящее время его обычно держат любители крупных собак. Ирландский волкодав ласков, добр, но быстро может прийти в ярость, если на него нападают. И это следует учитывать при содержании собаки. Он нуждается в просторном помещении, но довольствуется обычными прогулками. В России появились охотники попробовать ирландского волкодава при ловле зверя, однако для охоты на зайца ему недостает быстроты и маневренности.

Л. ГИБЕТ, эксперт-кинолог
Всесоюзной категории

Ирландский волкодав — это очень древняя национальная порода Ирландии, существующая более двух тысяч лет. По-видимому, на Британские острова эта собака попала вместе с кельтами примерно в 279 г. до нашей эры. С тех пор она мало изменилась. К середине XIX века ирландский волкодав почти исчез, этим очень обеспокоился лорд Джордж А. Грехем и с 1862 г. начал возрождать породу. С 1885 г. он руководил разработкой стандарта на эту породу. Постепенно ирландский волкодав распространился по всей Европе и Северной Америке. В конце 1980-х годов в Россию были привезены первые собаки этой породы. В настоящее время она редка, но регулярно встречается на разных выставках собак.

Ирландский волкодав — самая крупная собака в мире. Минимальный рост для кобеля 81 см в холке, вес 55 кг, для суки — 76 см и 47 кг, однако наиболее предпочтительный рост 86 см. Характер спокойный, поведение уравновешенное, но собака самостоятельная и независимая, потому для ее воспитания требуется «твёрдая рука».

Собака покрыта жесткой грубой шерстью, особенно груба она на голове, где образует усы и бороду. Громадные размеры и взъерошенная шерсть собаки производят большое впечатление. Окрас серый, тигровый, палевый, черный, белый, буровато-рыжий (олений), характерна темная маска. Несмотря на размеры, движения собаки легки и стремительны. Она крепкого, но не грубого сложения, очень мускулистая, спина длинная, грудь глубокая, но не слишком широкая. Голова длинная, черепная часть не широкая, морда длинная, умеренно суживается к мочке носа. Голову собака несет высоко на сравнительно длинной шее. Уши маленькие, свисают на хрящах, собака затягивает их назад. Глаза темные.

Испанский гальго (испанская борзая) — старинная порода борзых Испании, получившая название «гальго» от переселившихся сюда галлов. Чистопородным разведением гальго занимаются уже в течение многих веков, однако широкого распространения эта борзая не получила. Не известна она и в России.

Испанский гальго — крупная собака (высота в холке 66—71 см, вес — 27—30 кг), уравновешенного поведения, но быстро возбуждающаяся при виде движущегося предмета. Шерсть короткая, гладкая. Окрас ореховый, буровато-коричневый, рыжий, черный, тигровый, однотонный или в сочетании с белым. Это типичная борзая, напоминающая по форме грейхаунда, но несколько меньшего размера. Она пропорционально сложена, у нее длинные стройные конечности и сильно подобранный живот. Голова узкая, длинная, с длинной мордой. Уши небольшие, затянуты назад вдоль шеи. Хвост длинный, тонкий.

Гальго применяется при охоте за мелким зверем. Однако в последнее время его чаще используют на бегах на кинодромах. Содержат гальго и как любимца семьи, где он ласков, приветлив; или на фермах в качестве сторожевой собаки. Взрослые гальго склонны к независимости и держатся отчужденно.

ПАТРОН СОБСТВЕННОЙ СНАРЯДКИ

А. АЗАРОВ

Для того чтобы снарядить качественный патрон по бою, надо выполнить ряд различных требований и, конечно, следует располагать соответствующими комплектующими для такого патрона, а также приборами для снаряжения. Знания внутренней баллистики дробового выстрела помогут осознанно подбирать компоненты патрона и правильно его снаряжать. К примеру, четко представлять, что в силу воздействия аэродинамических факторов (в том числе сопротивление воздуха) для дроби на дальностях стрельбы 35–50 м изменение скоростей при разных навесках метательного заряда незначительно. Хотя разница в начальных скоростях патронов с разными навесками пороха может достигать 50 м/с. А уже на расстоянии 35 м от дульного среза эта разница в скоростях будет составлять примерно 10 м/с, а на дальности 50 м — всего 7 м/с. Такие исследования были проведены в ЦКИБ. Отсюда и первый наиважнейший вывод — добиваться эффективности дробового выстрела путем увеличения скорости метаемого снаряда не имеет практического смысла. Отдача будет труднопреносящей, а эффект увеличения резкости боя не будет ощущаться. К тому же будет усиленный износ ружья.

Следует также обратить внимание на то, что с чрезмерным увеличением веса заряда увеличивается деформация дроби. Эксперименты, проводимые группой Изметинского на Ижмехе, убедительно это доказали. Было выявлено, что основную деформацию дробь получает еще в гильзе, в начальный момент выстрела (в 50–70 мм от казенного среза). Дробь, конечно, деформируется и в снарядном входе, и в канале ствола, и в дульном сужении, но эти деформации неизмеримо меньше, чем в патроннике (в гильзе). Отсюда второй практический вывод в подтверждение первого. Чрезмерное увеличение метательного заряда — путь ошибочный. Надо искать другие пути. Амортизационным же способностям пыжей уделять первостепенное внимание. Например, пенополиуретановые пыжи при выстреле уменьшаются в объеме в 3 раза без восстановления, но пик давления несколько гасится. Однако это зависит от марок пороха, которые сильно различаются по своим характеристикам. Есть пороха, развивающие большое начальное давление в патроннике (типа ВУСД). Но это не всегда приводит к увеличению начальной скорости, так как такое давление

действует кратковременно и на малом протяжении.

Есть пороха, которые в патроннике развивают меньшее давление, но их среднее давление по каналу ствола выше. Доказано, что большая сила на значительном протяжении сообщает снаряду большее ускорение, то есть большую начальную скорость. При таком варианте происходит меньшая деформация дроби. Такими качествами, например, обладает отвергнутый многими охотниками дымный порох. Из-за меньшей деформации дроби в канале ствола стрельба может оказаться более результативной, особенно на дальних и средних дистанциях, это же относится к стрельбе легкодеформируемыми свинцовыми пульами. Приходит ся накапливать данные о порохах Сунар (несколько разновидностей) в ходе пристрелок, то есть идти путем личного экспериментирования, так как Казанский завод сообщает недостаточно сведений о своих порохах (нигде пока не смог достать графики кривых горения этих порохов). А ведь графики могли бы многое объяснить и уберечь от неудач по комплектованию патронов, что приводит к экономии зарядов и снарядов.

Давление форсирования должно быть требуемой величины. Не случайно приходится подбирать пыжи с натягом в гильзах, делать крепкую закрутку, не уменьшать вес снаряда, а обязательно сжимать порох, например, «Сунар» усилием в 10 кг, чтобы порошинки плотно прилегали друг к другу. При воспламенении от капсюля порох начинает гореть, но объем камеры сгорания не должен увеличиваться. Пыжи не должны отходить. Дульце не должно развализовываться. Вообще надо иметь в виду, что окончательное поджатие всех компонентов патрона: пороха, пыжей и снаряда — происходит именно в момент заделки дульца гильзы (а не при сжатии пороха). В заводских условиях эта сила поджатия зависит от вида контейнеров — их упругости и глубины хода матрицы. В домашних условиях добиться одинакового поджатия при заделке патрона уже сложнее. При качественной заделке дульца гильзы создается давление форсирования примерно 50 кг/см². Порох при этом хорошо и быстро сгорает. Как только давление превысит величину давления форсирования, сразу же начинает раскрываться патрон. Начальная скорость будет в норме. Резкость

боя хорошая. Дульное давление невысокое. Все это приведет к тому, что порох не будет догорать в дульном срезе, а пороховые газы будут меньше разбрасывать дробь. Порох Сунар требует более высокого давления форсирования, чем Сокол, а значит, нужен более плотный обтюрационный режим: хороший натяг пыжей, крепкая закрутка, увеличенный вес дроби (не 32 г, а 35 г, для 12 калибра). Я, например, после заделки настольной закруткой проклеиваю буртики патрона на стыке с дробовым пыжом клем БФ.

Замеры на разных дистанциях энергии дробинок с различными скоростями показали, что их энергии различаются незначительно (не более 10%). Однако с изменением диаметра дроби энергия изменяется в несколько раз. Отсюда еще один вывод. Для повышения эффективности боя на дальних дистанциях надо увеличивать диаметр дроби, но количество дробин в снаряде сохранять. Это возможно только в тяжелых прочных ружьях 20, 16 или 12 калибров. А еще лучше применять ружья больших калибров (4–10) или применять ружья «Магнум».

Замечено, что у дроби большего диаметра расклинивающее усилие будет больше, чем у мелкой дроби, а значит, трение о канал ствола будет сильнее. Поэтому один и тот же заряд пороха при более крупной дроби дает меньшую начальную скорость. Значит для крупной дроби вес пороха надо брать больший, чем для мелкой дроби (примерно на 5–10%).

Установлено, что последействие пороховых газов после вылета снаряда продолжается 25 калибров. Это расстояние примерно равно 46 см от дульного среза. Начальная скорость при этом возрастает на 2,5 %. Но это последействие газов вредно оказывается на бое ружья. Пыж, несколько отставший от дробового столбика в дульном сужении, вылетает из канала ствола с большей скоростью, чем дробовой столбик, догоняет его и ударяет его в задний слой дробового снаряда, расталкивая дробь (боковые дробинки отлетают в стороны). Естественно, что кучность при этом будет снижаться. Войлочный пыж лучше надрезать на 4 части.

Наиболее реальным средством повышения эффективности боя на дальних дистанциях является способ доставки дроби к цели в контейнере. Представляют интерес неразрезные контейнеры с крыльшками-съемниками. В

зависимости от количества крылышек можно регулировать время отделения дроби от контейнера. Мне приходилось на 35 м использовать контейнер с 4 крылышками, на 50 м — с двумя (2 отстригала). Есть также переворачивающиеся контейнеры-стаканчики. Высотой полукольцевого буртика в торце контейнера можно регулировать время переворота контейнера. Если он перевернется позже — кучность на дальней дистанции будет больше. Сейчас делают патроны с увеличенной навеской дроби (42 г). Дробь заключена между обтюратором и пластмассовым дробовым пыжом с упругой сферической перегородкой. Эти элементы снижают максимальное деление в патроннике и деформацию дроби.

Дробь должна применяться твердой с содержанием сурьмы не менее 3 %. Еще лучше плакированная дробь (покрытая никелем, мельхиором). Дробь должна быть откалиброванной, без свищей и каверн, шлифованной.

Для сбора патрона берем бумажную или пластмассовую гильзу, так как у них внутренние диаметры лучше соответствуют диаметрам канала ствола. Внутренняя поверхность лучше шероховатая, так как это замедляет отход пыжей в начальный момент выстрела. Гильзы можно заделать завальцовкой или способом «звездочка». Это также будет способствовать предотвращению отхода пыжей в первоначальный момент выстрела. Ну и, конечно, капсюль «Жевело» лучше воспламеняет порох («Жевело-Н» дает давление 42 кгс/м², а «Центрбай» — 19 кгс/см²). Порох засыпается только взвешенный на весах. Досыпаем обтюратор, а затем основные войлочные пыжи, и все это с натягом. Их высота должна перекрывать длину снарядного входа ствола. Далее помещаем пыж для амортизации из пенополиуретана или древесноволокнистый пыж. Все это сжимаем с необходимым усилием и вставляем контейнер-стаканчик, который заполняем дробью. Можно дробь пересыпать послойно крахмалом. На 33 г дроби уходит 1,5 г крахмала. После утряски и обкатки навойником дроби, дульце гильзы заделываем «звездочкой» или закруткой. Это место также можно «укрепить» kleem БФ, смазав им стыки с пыжом. В готовом патроне дробь не должна «прослушиваться» при встreichивании. Применяя пластмассовый пыж-контейнер, следует обращать внимание на то, чтобы он плотно, без зазора, входил в гильзу. Вес дроби брать с учетом веса ружья. Для 12 калибра вес дроби должен составлять 1/96 части от веса ружья. Вес бездымного пороха для 12 калибра должен составлять 1/16,5 от веса дроби. Применяя пластмассовый контейнер, вес пороха уменьшает на 10 %.

Дробь применять в соответствии с дичью и характером охоты. Учитывать температуру воздуха, дистанцию стрельбы, плотность оперения или опу-

щенности зверя. Например, на перелете уток использовать дробь с № 5 по № 3. В зимнее время ухудшаются условия горения пороха. Его вес увеличивают на 5—10 %. Для крупной дроби вес пороха также увеличивают на 5—10 %. Для меньшего расталкивающего действия войлочного пыжа можно разрезать его на 4 части.

Пыж-контейнер уменьшает истирание дробинок о канал ствола, концентрирует дробовой сноп, не расталкивает дробь после вылета из канала ствола. Кроме того, он стабилизирует внутрибаллистический процесс, создает хорошую обтюрацию. Его трение в начальный момент движения по стволу сильнее, чем у дульного среза. Это обеспечивает создание давления форсирования, уменьшение сил трения у дульного среза, способствует повышению начальной скорости дробового снаряда.

В зимних условиях лучше применять капсюль «Жевело» — мощный, так как он лучше воспламеняет порох. Пыж-контейнер снижает значение согласования размера дроби с дульным сужением, ослабляет роль пересыпки дроби крахмалом, компенсирует отрицательное влияние несоответствия диаметров канала ствола и внутреннего диаметра гильзы. Хороши пыжи-контейнеры с пенополиуретановыми амортизаторами или с пробковыми наполнителями. Газовый затвор (два буртика на боковой поверхности) улучшает обтюрацию газов. Глубже 0,2 мм сажать капсюль в гнездо не следует, так как возможны осечки. Следует различать пластмассовые гильзы толстостенные и с тонкими трубками. Свои особенности имеет снаряжение патронов с порохом Сунар. Он любит плотный обтюрационный режим. Если на ярлыке рекомендуется 2,1 г для 12 калибра, то я беру 1,9—2,0 г.

При снаряжении порохом Сунар-Магнум для 12 калибра беру 2,2 г пороха и 42 г дроби. Благодаря особому режиму горения, обеспечивающему плавный разгон дробового снаряда в канале ствола, этот порох, в сочетании с повышенным весом дроби, является незаменимым для снаряжения патронов на гуся, для облавных охот на волка. Главная особенность здесь в том, что эти патроны можно применять в обычных охотничьих ружьях. Режим горения обеспечивает требуемый уровень давления пороховых газов. Средняя начальная скорость обеспечивает хорошую резкость. Мне уже приходилось с успехом применять этот порох с увеличенным до 42 г весом дроби на охоте на гусей (дробь 00—000). Применяется этот порох и для снаряжения пулевых патронов. Под пулю Полева для 12 калибра берется 2,2 г пороха Сунар-Магнум и 1,9 г — для 16 калибра. Преимущество в эффективности выстрела патронами с увеличенной массой дроби компенсируют некоторые неудобства, связанные с повышенной отдачей ружья.

ВОПРОСЫ—ОТВЕТЫ

Вопрос. Как закрыть дробь в металлической гильзе?

Ответ. В металлических гильзах на дробь хорошо применять пыжи увеличенного диаметра из пробки или ломкого картона толщиной 2 мм, которые надо залить смесью парафина с канифолью по 50 % или смазать по краям kleem БФ-2, БФ-4 или БФ-6. Можно использовать более современный метод, если есть в наличии специальные пластмассовые пыжи, описанные С. М. Шейниминым совместно с другими авторами в статье «Пыж для металлической гильзы» в нашем журнале № 4 за 1988 год. Пыж следует устанавливать меньшим диаметром к дроби. При использовании этих пыжей в латунных гильзах под капсюль «Центрбай» можно применять порох «Сокол» без подсыпки черного пороха под капсюль. Такие пыжи улучшают сгорание бездымного пороха.

Вопрос. Нужно ли под дробь на войлочный пыж клеить картонную прокладку?

Ответ. При снаряжении патронов, обычно на войлочный пыж кладут картонную прокладку толщиной 0,5—0,7 мм с целью исключения прилипания к войлочному пыжу некоторого количества нижних дробинок, так как считается, что такой утяжеленный войлочный пыж разбивает дробовой снаряд при вылете его из канала ствола и тем самым уменьшает кучность боя и равномерность дробовой осыпи.

Вопрос. Существует ли конструкция винтовки, которая не тонет в воде?

Ответ. Американская фирма «Henry Repeating Arms Co.-U.S. Survival Rifle» разработала самозарядную винтовку AR-7 калибра .22(5,6 мм), которая весит примерно один килограмм из-за очень легкого приклада, который, как поплавок, не дает ей утонуть. Магазин рассчитан на размещение 8 патронов, прицел регулируется, неавтоматический предохранитель и надежное защитное покрытие приклада и металлических частей (чтобы после купания винтовка не заржавела).

Вопрос. Что представляют собой капсуля-воспламенители КВ-21 и КВ-22?

Ответ. Эти капсюли относятся к системе капсюлей под названием «Боксер» и имеют встроенную наковальню. Капсюля КВ-21 предназначаются для снаряжения охотничьих патронов 12, 16 и 20-го калибров. Диаметр этих капсюлей равен 5,5 мм. Капсюля КВ-22 имеют диаметр 6,0 мм и предназначаются для капсюлировки гильз 12 и 16-го калибров. Капсюльный состав у них неоружавляющий, и предназначаются они для воспламенения бездымных порохов типа «Сокол», «Сунар» и «Барс», а также дымных порохов. Энергия безотказного срабатывания равна 0,25 Дж. Гарантийный срок хранения 10 лет.

М. БЛЮМ

ОХОТНИЧЬЕ ОРУЖИЕ

«Когсвелл и Гаррисон»

Е. КОПЕЙКО

В 1893 году английский оружейник Г. Ф. Филипс (H. F. Philips) запатентовал необычную для того времени идею изготовления ствала охотничьего ружья с диаметром канала, уменьшающимся от патронника к дулу. Ружье получило наименование *Vena Contracta* (Вена Контракта) и имело стволы с патронниками 12 калибра и конечным размером канала фактически 20 калибра. В нем применяли патроны 12 калибра. По отзывам современников, ружье обладало очень мощным боем. В дальнейшем двустволки *Vena Contracta* выпускали различных калибров, в основном для охотников в Африке и Индии.

Ружья малого калибра под мощные снаряды дроби в то время разрабатывали оружейники во многих странах. Очень удачными оказались бескурковые утяжеленные ружья малого калибра, разработанные русским оружейником А. П. Иващенцевым в конце 19 — начале 20 века под снаряды дроби, предназначенные для более крупного калибра. Однако в отличие от ружей *Vena Contracta* в этих ружьях калибр патронника соответствовал калибру канала ствola. Ружья Иващенцева имели горизонтально спаренные стволы, нижний рычаг запирания и подкладные замки на отдельных досках особой конструкции. V-образная длинная боевая пружина установлена позади курка в задней части доски. Ружья весили 3,1—3,3 кг в зависимости от калибра и длины стволов.

Ружья Иващенцева изготавливали ТОЗ небольшими партиями вплоть до 1930-х годов со стволами и патронниками 24 калибра под снаряды дроби 20 калибра и больше, а также со стволами и патронниками 20 калибра под снаряды 16 калибра и больше. В качестве примера упомянем ружье № 17631 со стволами и патронниками 24 калибра под гильзы длиной 70 мм, выпущенное в 1910-е годы. Ружье имело очень хороший бой при снаряде дроби 25 г, хотя в обычной латунной гильзе мог быть размещен еще больший снаряд. В настоящее время идея мощного ружья под усиленные снаряды дроби трансформировалась в современные ружья «Магнум» с удлиненным патронником.

Изобретатель ружья *Vena Contracta* Г. Ф. Филипс был директором старейшей в Англии лондонской оружейной фирмы *Cogswell & Harrison* (Когсвелл и

Гаррисон), история которой зародилась в 70-е годы 18 века. Во всем мире можно найти лишь несколько оружейных предприятий старше Когсвелл и Гаррисон, например в России ТОЗ, основанный в 1712 году, или в Германии фирма J. P. Sauer (Зауэр), основанная в 1751 году. Бенджамен Когсвелл в мае 1770 года, больше известный в Лондоне как ростовщик, открыл свою фирму. Интерес к оружию он проявил только после приобретения оружейного предприятия Эдварда Бентона (Edward Benton) и навсегда связал свое имя с изготовлением ручного огнестрельного оружия. Так возникло знаменитое на весь мир производство ружей, штуцеров и пистолетов.

Фирма приглашала на работу хорошо зарекомендовавших себя специалистов по огнестрельному оружию. Так на предприятии появился в 1837 году *Edward Harrison* (Эдвард Гаррисон), известный в спортивном мире Англии экспертом по огнестрельному оружию. Оружие долгое время продавали от имени Б. Когсвелла, и только в 1860 году впервые появилось наименование «Когсвелл и Гаррисон» (Cogswell & Harrison). Во второй и третьей четверти 19 века фирма сменила несколько лондонских адресов, которые могут быть упомянуты в сохранившихся документах к ружьям старых выпусков или указаны на стволах или колодках. Среди них улицы *Strand* (Стрэнд), *Piccadilly* (Пиккадилли), *New Bond* (Нью Бонд). Эти названия помогут коллекционеру при установлении подлинности ружья.

Успех фирмы в 19 веке связан с именем одного из Гаррисонов, Эдгара, который стал работать на предприятии с середины 1870-х годов. К этому времени Э. Гаррисон был уже известным оружейником. Первый патент, к тому же зарегистрированный только на его имя, он получил в 1864 году. Первая фабрика фирмы создана с участием Э. Гаррисона в 1880-е годы и тогда же открыт стрелковый стенд в местечке *Blagdon* (Блэгдон), название которого стало торговой маркой патронов и одной модели ружья. Наконец, фирма арендовала большую фабрику в местечке *Harrow* (Харроу) в 1886 году.

В 1888 году сфера деятельности фирмы расширилась с изобретением Эдгэром Гаррисоном пружинной метатель-

ной машинки для стеклянных шаров. Доработанная вскоре модель была предназначена для метания тарелочек, как на современных стрелковых стенах. В местечке *Colnbrook* (Колнбрук), пригороде Лондона, фирма открыла школу стрельбы со стендовыми площадками. Железнодорожное сообщение с Лондоном сделало школу доступной многим любителям стрельбы.

Фирма продавала ружья под торговыми марками *Victor*, *Huntic*, *Blagdon*. Первое бескурковое ружье *Victor* появилось в 1879 году. В 1886 году получен патент на курковое ружье под названием *Avant Tout* с эжектором, затем патент на доработанную конструкцию бескуркового ружья *Victor*. Модель *Victor* с эжектором такой же конструкции, как на курковом ружье *Avant Tout*, получила наименование также *Avant Tout*. Коллекционерам следует обратить внимание на это сходство наименований, чтобы не ошибиться. Сейчас подержанные ружья обеих моделей 12 калибра, с накладными декоративными досками на колодке или без них, оценивают в Англии в широком диапазоне цен, но не менее 150 фунтов стерлингов. Набор из пары ружей 12 калибра высшей категории качества оценивают уже не менее 1000 фунтов стерлингов. Примерно в это же время выпускали бескурковое ружье модели *Desideratum*, что можно перевести с латыни как «Желанное». Все эти ружья попадали в Россию и изредка встречаются и сейчас.

Фирма создала линию *Arthus* по снаряжению патронов и производству ружейного пороха под названием *Victos*. Это позволило выпускать собственные патроны с пулей *Cosmos* для удачного пуле-дробового, очень модного в то время, ружья с таким же названием, разработанного в 1890-х годах. Отличительной особенностью пули *Cosmos* является цилиндрическая полость в носике и два наружных кольцевых ободка. Ружья *Cosmos* для пулевой и дробовой стрельбы имели горизонтально спаренные стволы с очень мелкими нарезами по всей длине. Их выпускали 8, 10 и 12 калибров с верхним рычагом запирания и складными целиками на прицельной планке. В ружьях *Cosmos* 10 калибра применяли пулю весом 50,15 г или снаряд дроби 56,8 г, в ружье 12 калибра — пулю весом 41 г. В

то время в России такие ружья 12 калибра можно было приобрести по цене от 170 рублей и 10 калибра от 400 рублей.

Для сравнения с европейским оружием напомним, что в 1910-е годы во Франции фирма продавала ружья Cosmos 12 калибра по цене 575—750 франков. Кроме того, предлагала свои карабины с продольно скользящим затвором калибра .400 по цене от 350 франков и бескурковые штуцера с горизонтально спаренными стволами калибра .400 от 850 франков и калибра .475 от 975 франков.

Популярны были в Англии так называемые *Rook rifle* (грачные) ружья, одностольные, как правило, небольшого калибра .250 или .256, иногда .296. Стволы этих ружей могли быть и нарезные и гладкие. Ружья под дымным порохом, а впоследствии и под бездымным, предназначены для тренировочной стрельбы и охоты на мелких птиц. Такое бескурковое ружье фирмы с многогранным стволов, без эJECTора, испытанное дымным порохом, сейчас оценивают в 100—300 фунтов стерлингов. В последнее время нарезные стволы этих ружей часто рассверливают под 410 калибр.

Фирма выпускала одностольные ружья, которые можно было сложить по длине пополам, не разделяя на части. Эти компактные ружья, в основном небольших калибров, были предназначены для путешественников и начинающих охотников. Сейчас на вторичном рынке в Англии можно встретить такое ружье 20 калибра по цене 30—50 фунтов стерлингов. К слову сказать, эти ружья были популярны у браконьеров.

После Первой мировой войны фирма расширила сферу бизнеса и подключилась к торговле рыболовными снастями и снаряжением, затем к производству и продаже оборудования для тенниса и гольфа.

С 1920-х годов фирма выпускала бескурковую модель Markor 12, 16 и 20 калибров с горизонтально спаренными стволами длиной 699 и 762 мм с различными дульными сужениями весом 3,4 кг. Вес большой для традиционного английского ружья, однако эта модель предназначалась для американских охотников. Ружье имеет коробчатый замок, верхний рычаг запирания, два спусковых крючка, ореховую ложу с прямой шейкой. Некоторые экземпляры снабжены эJECTорами. Ружья отделаны воронением на стволах и колодке и украшены насечкой на шейке ложи и цевье. Во второй половине 1980-х годов на американском рынке они еще встречались и в отличном состоянии оценивались от 1500 долларов.

Компания пережила Вторую мировую войну, но затем наступила затяжная стадия смены владельцев. Выпуск охотничьего оружия и торговлю продолжали с переменным успехом и, к чести фирмы, по-прежнему от ее имени. Фирма сумела удержаться на плаву потому, что среди владельцев были

хорошо известные оружейники и оружейные фирмы, например Churchill (Черчилль), Boswell (Босвелл), Interarmco (Интерармко). В свою очередь, еще в 1908 году фирма сама приобрела оружейную лондонскую компанию Moore & Grey (Моор и Грей) и продолжила выпуск ружей этой компании под ее же маркой.

Фирма выпускает ружья с горизонтально спаренными стволами: весьма популярные в Англии под названием *Victoria* с коробчатым замком с интерсепторами, традиционные с подкладными замками на боковых досках конструкции Бизли или Перде и ружья с вертикально спаренными стволами конструкции Вудварда. Каждое ружье заказное, длину стволов, дульные сужения, размеры ложи выбирают по требованию заказчика. Выпускают наборы парных ружей, сменные пары стволов различных калибров на одну колодку. Бескурковые штуцера выпускают с горизонтально спаренными стволами всех общепринятых калибров от .300 до .600 с подкладными замками на боковых досках системы Бизли или коробчатыми замками. Характерная деталь оформления современных ружей — надпись *Cogswell & Harrison* ленточкой на замочных досках или на колодке. Сейчас фирма уделяет большое внимание обслуживанию и ремонту своих ружей и фирмы «Моор и Грей».

Ружье *Victoria* имеет характерный дизайн за счет колодки с округлой формой. Такая форма колодки и соответственно ложи придает ружью своеобразный облегченный элегантный вид. Стоимость этих ружей почти вдвое меньше по сравнению с классическими ружьями фирмы с подкладными замками на боковых досках при одинаковом качестве. Такие ружья прежних выпусков и сейчас находят поклонников в Англии и оцениваются достаточно высоко. Ружья фирмы 12 калибра в хорошем состоянии стоят от 1500 фунтов стерлингов, а традиционные с подкладными замками на боковых досках от 2000 фунтов стерлингов.

В честь двухсотлетия компании в 1970 году выпущены ружья под название *Regency* с коробчатыми замками и гравировкой в традиционном стиле, но по

более доступным ценам, чем ружья *Victoria*.

С середины 1993 года фирма работает под руководством профессиональных оружейников, имеющих большой опыт работы в ведущих английских фирмах. Они сконцентрировали усилия фирмы на выпуске ружей так называемого «лондонского» типа. Этот термин сложился в среде английских оружейников в течение длительного времени и характеризует ружье ручной работы традиционно высшего качества с подкладными замками на боковых досках. Нынешним лозунгом объявлен вывод компании в ряд лидирующих лондонских фирм 21 столетия.

Фирма применяет в основном английские материалы, а импортирует орех только французских сортов. Высокое качество подгонки дерева и металла, по мнению экспертов, создает впечатление, что они образуют единое целое. Ружья «Когсвелл и Гаррисон», как и все дорогие английские ружья, снабжают ручной работы футлярами, отделанными дубом и кожей, инструментами, принадлежностями для чистки, патронными ящиками и сумками. Свои патроны компания выпускает по-прежнему под торговой маркой *Blagdon*. Все патроны снаряжают в бумажную гильзу с войлочными пыжами и свинцовой дробью.

Для коллекционеров очень важно внимание оружейной фирмы к архиву своих изделий. Не каждое предприятие в состоянии идти на расходы по созданию подобного архива. Любая подтвержденная информация о ружье, тем более прежних выпусков, является аргументом в пользу подлинности ружья. Фирма вносит в архив все сведения о каждом ружье, размеры, даты и условия заказа и продажи и сведения о покупателе. Кроме того, выдает *Certificate of Origin* (Сертификат происхождения) на свои ружья и также имеет право подтверждать происхождение ружей «Моора и Грея». Сертификат включает имя владельца и является неотъемлемой частью комплекта к ружью. Таким образом, каждое ружье получает документы, которые впоследствии могут подтвердить его статус как коллекционного.

Heathcliff Parkers Lane Maldens Green Berks England

ESTABLISHED 1770

ПАНКРАТОВЫ ПОЖНИ

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

Я шел с поезда полями в деревню и думал, почему она так странно называется: «Гузи? Ну, называлась бы Гужи («взялся за гуж, не говори, что не дюж») или Гуси, Гуськи... Но — Гузи? Может быть, жил когда-то в здешних краях богатый боярин, владетель окрестных земель, дородный, толстозадый, вот и прозвали его острые на языке мужики «гузном» или «гузом», чтоб покороче... «Чья деревня?» — «Гуза», «Гузи»... Так ли?

Надоело мне строить догадки — спрошу лучше деревенских, знают, не бось, почему так прозвано место, где они живут...

А вокруг была весна. Она началась тут же, как только я соскочил с вагонной подножки: на усыпанном гравием и горячим шлаком откосе железной дороги желтела мать-мачеха, над нею порхала бабочка-крапивница. Я мельком оглядел сверху мир, в котором оказался, выдохнул остатки вагонной духоты, радостно ощущил, как в грудь вошел свежий воздух, и по тропинке сбежал с насыпи. Поезд ушел, отступал, меня обступили звуки: журчание невидимых жаворонков, визг пары чибисов, козырявших в свадебной игре над пашней, будто воздушный змей на ветру, бормотанье полой воды, сливавшейся с раскисшей дороги в канаву... Высоко над землей шли на север нырковые стаи — они провисали, как бусы, вытягивались и роились, снова рассыпались, как бы растянутые верховым ветром. Оттуда, из слепящей голубизны, падали их разноголосые клики.

По дороге недавно прошел трактор-колесник, нарушил привычное течение ручьев, и теперь вода, отыскивая новое русло, бежала по колеям, накапливалась в запрудах, крути соломины и дорожный мусор. Гилями налипшую на сапоги грязь тащить было тяжело, а сступить некуда: слева еще более вязкая пашня, а справа — полная воды канава, поросшая тальником. Я попытался пройти ее краем — меня ласково мазнули по лицу таловые пуховки, в них попала задымившаяся пыльца, я чихнул и улыбнулся, вспомнив, как просыпался в детстве от вошедшего на подушку солнца, его щекотного лучика.

Еще вчера над головой висело мглистое питерское небо, смешавшее в себе сырость Балтики с копотью заводов, отходами автомобилей и дыханием миллионов скученно живущих горожан, и вот сегодня — бездонные новгородские небеса, полные света, белых облаков и птичих стай. Идти тяжко, да на душу легко! Разморенно дышит вскрытая плугом земля, ее струйчатом мареве зыбится горизонт, дро-

жит, оторвавшись от него, сквозной, как штакетник, перелесок, и поют, поют жаворонки, утонувшие в парном дыхании пашни, — будто сам теплый дрожащий воздух источает ручистые нескончаемые трели...

Как хорошо! Жаль, нет Володьки. Мы собирались ехать вместе, он и подбил меня на эту поездку, но накануне отъезда он получил от матери письмо, она жаловалась, что раскрытое зимними ветрами сенцы, крыша течет, что приболела и сама, — и он отправился к ней под Бологое: другой возможности, как на майские праздники, поправить домашние дела не будет, скоро сессия...

В каком бы возрасте ни пристрастился человек к охоте, он какое-то время поначалу по-мальчишески горячо переживает открывшееся, захватившее его увлечение. Уже студентом, не без моего соблазна почувствовав себя охотником, Володька смешил меня непосредственностью овладевшей им страсти, напомнил то, каким я был в двенадцатилетнем возрасте, когда меня приводило в трепетное волнение все, что было связано с охотой. Мы вместе с Вовкой купили ему «ижака», патронташ, и он, скучая о ружье, время от времени извлекал его из-под изголовья — потихоньку от начальства, смотревшего на подобные вещи сквозь пальцы, мы оба держали ружья в обечажити, — расчехляя его, оглаживал, протирал, давал ребятам заглянуть в сиявшие кольцами стволы и снова бережно упаковывал, упрятывал в тайную захоронку. Вызывая льстившее его осознанию себя охотником добродушное зубоскальство ребят по поводу нового пристрастия, он надевал пояс-патронташ, вставлял в пустые ячейки остро заточенные кохиноровские карандши и в таком виде зависал над чертежной доской: чертить нам приходилось много...

О нашем приезде Володя тетке не писал, — решил сделать ей сюрприз. Я вспоминал его, сожалел, что он не поехал, и со все большим беспокойством думал: удобно ли будет нагрянуть в неизвестный дом? Исполнителем «сюрприза» теперь становился я...

Володька говорил, от полустанка до деревни километров семь-восемь. Сейчас было около трех часов — выходило, что я уже сегодня мог попасть на тягу.

Вальдшнепиная тяга... Как бы ни загадывалась, ни складывалась весенняя охота, она в нашей лесной Средней России не обходится без тяги. Не требующая какого-то специального снаряжения, одежды и обуви, кроме резиновых сапог, легкая и доступная челове-

ку любого возраста, она открывает, после долгой зимы, желанный сезон весенней охоты. Это уж потом, когда весна обретет силу, когда в ее хмельном угаре загудят на всю округу тетеревиные тока, обазарится и распоется в рассветной глухомани бородатый мошник-глухарь, охотник зарядит патроны дробью покрупнее и отправится на «настоящую» охоту, чтобы в награду за бессонную ночь увидеть редкостное действие: шумное токовище косачей-тетеревов или отщелкивающего свою странную песню громадного петуха-мошника. Но тяга и тогда не потеряет своей тихой прелести. Утонченная, затрагивающая поэтические струны души и располагающая к несуетным раздумьям охота на тяге словно бы позволяет заглянуть в себя, сверить свое с умиротворяющим покоем апрельского вечера. Очарование этой охоты я познал еще в детстве: мать брала меня с собой, напрашиваясь поехать на тягу вместе с отцом, посидеть в сторонке от него, послушать звуки засыпающего весеннего леса...

Неужели я сегодня же буду стоять на тяге?!

Начался подъем, дорога стала суша. С мыслями о близкой охоте я легкими ногами взбежал на изволов — и мне открылась небольшая, в десяток дворов, деревенка. Гузи? Другой деревни на пути вроде бы не было. Который же тут дом тетки Лены?

Бездонная деревенка казалась вымершей. Но нет, где-то потюкивал топор, взбрехнула чуткая собачонка.

Мужик неопределенного возраста, одетый по-зимнему в облитые резиной валенки, ватник и солдатский малахай со вздернутыми ушами, с темным выстриженным пятном на месте снятой звездочки, подправлял похилившуюся загороду. Он не спеша всадил топор в жердину, смыкнул тыльной стороной ладони под носом, осведомился, нет ли у меня закурить, и только после этого показал, где живет тетка Лена. Ее насиживавшаяся наперед изба смотрела двумя окошками в канаву, полную воды, через которую перекинулся мосток из трех дощечек. С дороги за низким забором был виден двор и сарай с полуоторванной приоткрытой дверью, и в нем — улежавшийся иссохший навоз: скотину здесь, кажется, давно не держали. Я вошел в сенцы, затоптался в их полутумбе, гадая, какая из трех дверей ведет в жилье.

— Кто тут? Проходите в дом.

Хозяйка вопрошающе-настороженно осматривала меня на свету — кто знает, что нужно незнакомому парню, забредшему в их деревенку?

— Я к вам с приветом от Володи, —

поспешил я рассеять ее сомнения. — Вот письмо от него.

— От Вовени? Чего же он сам-то не приехал?

Она поискала очки, принялась читать, шевеля губами. Теперь я получил возможность разглядеть хозяйку, осмотреться в избе.

— Вс, значит, из Ленинграда, вместе учитесь и живете в одной комнате... — утверждалась тетка Лена, вскидывая на меня поверх очков повеселевший взгляд. — Ну, как он там учится, справляется? — Она продолжала читать, размышая про себя вслух: — Он ведь толковый, Вовеня-то... Вся семья у них такая: Марья, сестра моя, учительница, и Василий, муж ее, учительствовал, погиб на войне... А теперь вот и Вовена инженером будет...

Я топтался у порога, поддакивал: Володька, действительно, был очень способным, приехал из тверской «тьмутаракани», прошел по конкурсу, хорошо учится сейчас — это уж я знал лучше его тетки. Не торопившийся перенять столичные манеры обхождения, оставаясь по сути все тем же деревенским парнем, он удивлял своей хваткой в науках; сколько же талантливых людей таит в своей глубине Россия!

— Ой, что же это я, — спохватилась она, откладывая записку и очки. — Гость у меня, а я тут в письме ковыряюсь... Вы уж извините меня, отвыкла от гостей, не помню, когда и бывали...

Тетка Лена заметалась из горница на кухню, отделенную тонкой, оклеенной обоями заборкой, затопотала обутыми в подшипные холстом шерстяные носки толстыми пятками.

— Небось, отдохнуть хотите с дороги, устали... У меня щи от обеда остались, давайте я разогрею... Иль картошки сварю, самовар вздую...

Я отказался. Разгрузил рюкзак, извлек гостинцы «от Елисеева», собрал ружье. Про то, где лучше тяга и существует ли она вообще, тетка Лена, как и следовало ожидать, не ведала, и я решил отправиться в лес пораньше, чтобы оглянуться на новом месте.

— Куда ты на ночь глядя?! — удивилась хозяйка, смущенно обрадованная содержимым рюкзака. — Смотри, не забудись вптымах! Искать некому: мужиков почти нету, а кои есть — тепленькие уже, наверное, под праздники!

Дорога за деревней ветвилась: куда идти? Радостно встречаться со старыми, хорошо изученными угодьями, хранившими память о прежней охоте, удачах и огорчениях, но не меньшую прелесть представляет знакомство с новыми местами, полными еще не раскрытых тайн...

Кусты на обочине с прядями сена, вычесанными из зимних возвозов, указывали: дорога идет на покосы. Там должны быть лесные укромные поляны, перелески, мелоча — все это он, вальдшнеп, любит.

Незнакомые места заманивают, уводят вдаль, зовут к новым открытиям.

Рощицы берез чередовались с рядками олешника по старым межам, с уютными полянами — на них темнели остожья вывезенного сена, валялись слеги оград от лосей и коров, — а я все брел не спеша, отгоняя мысль о том, что мне предстоит проделать тот же путь, но уже в темноте. Сенной зимник спускался в лощину, заросшую осинками и ольхой, в которых тихо струилась присмиревшая к ночи полая вода, алая от закатного неба. Местечко показалось мне вальдшнепиным, и я уже представил, как появляется он над кружевом вершинок, тянет вдоль лощины...

Попасть бы если не на богатую, то хотя бы на «приличную» тягу! Обилие жизни всегда радует человека. И особенно — охотника. Будут ли тут тянуть вальдшнепы?

Но сколько бы их ни прошло надо мною, я знал: «моих» может быть только два. Так уж сложилось у меня на этой весенней охоте. Заполучив когда-то пару птиц, не раз повторив этот результат, я положил себе за правило: третьего за вечер не стрелять. И хотя чаще бывает один, а то и вовсе ничего, я своему принципу верен: приятно чувствовать себя хозяином положения, ощущать свою свободу от готового поглотить тебя охотничьего честолюбия и азарта.

Как ни одна из охот, тяга взвыает к человеческому милосердию: тихая, спокойная, созерцательная, совершенно недобычливая вальдшнепиная тяга очищает охотничью душу от житейской скверны, оживляет сострадание, которое у охотника лежит ближе и проявляется куда быстрее, чем у тех, у кого оно покоится втуне, годами не востребовано и постепенно мишиет так, что до него не докопаться.

Чувство сострадания умножает сам облик птицы, ее трогательно тонкие, короткие лапки, изумительно изящный рисунок перьев и особенно глаза: большие и черные, ночные, бездонно-глубокие и женственно-томные, как у южной красавицы; влажные и еще живые у затихающей в руке птицы, они смотрят со смиренным сожалением и укором...

Тихо угасал предпоследний день апреля. Солнце садилось в лес, выжигая в нем свое ночное логоно. На высокой ели, на самом ее торчке сидел, освещенный последним солнечным лучом, сладко постанывал голубь-вятченец. Ворохнулась в прошлогодней траве, шмыгнула осмелевшая в сумерки мышь. Мерно пощелкивали о палый лист капли переполнившего березу сока. На заводинке в лощине несколько раз подала гнусавый голосок уточка-чирушка, ей ответил из залитых водополем талов, мелодично тилика, селезнь, поднялся и подсед к утке, чуть всплеснув, — качнувшееся отражение выдало место его посадки.

Я сидел в развалине берез, слушал лес, «врастал» в него, удовлетворенно чувствуя возраставшую близость того, что меня окружало, того, с чем я позна-

комился по пути сюда. Вспоминал прежние охоты на тяге, загадывал новое охотниче счастье, и — вот оно, противоречивое сердце охотника! — жаждал заглянуть в прекрасные глаза лесного кулика-вальдшнепа, услышать, как он, упав от выстрела, взбивает уцелевшим крылом подсохшую палую листву...

Вылетела на ночную охоту сова, беззвучно шарахнулась на пуховых крыльях, наткнувшись на меня. И почти вслед за ней, посыпав и покряхтывая резинисто, огромной ночной бабочкой выплыл из-за вершинок берез, как было загадано, мой первый вальдшнеп...

Совсем стемнело. Пришла легкая, полная запахов и потаенных звуков весенняя ночь. В рассеянном свечении звезд дорога хорошо угадывалась, посвежевший ночной воздух бодрил шаг. От деревни до тяги было не так далеко, как мне показалось по пути туда. Тускло и кротко светились редкие окна изб, — опять, видно, пришло вздувать керосиновые лампы, электричество, как говорила тетя Лена, частенько отключали. А в стороне за лесом вставало бессонное зарево: там, как я уже знал, находились торфоразработки.

Тетка Лена не спала, ждала. В доме произошли изменения: пахло вымытыми полами, глушенными в тушилке горячими угольями, протопленная печь домовито источала тепло, на полу расстилились чистые половики.

— Пока тебя не было, прибралась маленько. Гость в дому, а у меня содом. Все равно, праздник скоро...

Тетка Лена долго разглядывала, поднеся к лампе, мою добычу.

— Каки долгonoсы... Я и не знала, что у нас такие водятся, никогда не выдывала. Где ты их стрелил?

Я рассказал, перечислил приметы дороги.

— Да ты, видать, на Панкратовых лужках был, — покачала она головой.

— А что? — в ее словах мне послышалось то ли удивление, то ли неодобрение. — Места там хорошие... И тяга неплохая, можно было бы больше взять.

— Да места-то хорошие, только... недадно там, в темное время лучше бы там не ходить.

— Почему же, теть-Лен?

— Да уж так... Не знаешь ты. Оно и лучше, когда не знаешь. Я тебе завтра расскажу. А сейчас давай-ка спать. Поздно уже.

Она уложила меня на широкой лавке головой к образам с потемневшими, неразличимыми при подслеповатой керосиновой лампе-семицветке ликами. Да, похоже, тятя Лена и не обращалась к ним, не молилась, полагая, быть может, что святые великомученики должны помогать таким, как она, своим присутствием.

Она еще долго бродила, что-то представляла, обустраивала, перекатывалась из горницы на кухню, как округлая плотная картошина, топотала крепкими пятками. От ее шагов половицы подавались, пламя лампешки вздрагивало, по стенам метались тени, и лавка подо мной подпрыгивала, будто перебирала деревянными ногами-раскряпками, как нетерпеливая подследованная лошадь. Наконец тетя Лена покончила с делами, задула лампу — по горнице потянуло керосинцем — и грузно отвалилась на кровать. Пришла тишина, от которой заложило ватой уши, лишь постукивали ходики и время от времени роняли капли рукомойник. Как глухо здесь, после шумного бессонного города... Я намерился за полночь подняться, пойти в лес, на авось попытаться найти глухаринный ток — слабо веря, впрочем, что такая дерзкая мысль обернется удачей. А мне не спалось, как всегда на новом месте, с новыми впечатлениями. Не спала, кажется, и тетка Лена — вздыхала и шумно позевывала, ворочалась, позванивая скеткой кровати.

— Не спиши? — тихонько окликнула она. — Чего я тебе про Панкратовых пожни-то хотела сказать... Кто лужками, кто пожнями называет... Ай ты дремши?

— Да нет, не спится что-то. Расскажите.

— Ну, это еще до войны было, я в девках ходила. Жил у нас мужик, Панкрат, он когда-то кузнецом был... Здоровущий — коня мог за передни ноги взять и на дыбки поставить. Его дома нет, он в войну сгорел... И ходок был, каких поискать: в Новгород на базар в один

день оборачивался, а до него ведь чуть не семьдесят верст! Ночью выйдет, затемно и вернется. Кузню нашу прикрыли, дак он метелки продавал. Нагрузится, обвешается имя, чисто копна или пужало огородное, — лошади шарахались. Новгородские дворники знали его, только у него и покупали: на все талан нужен, даже на метелку. Ходок, ну и едок хороший: за троих. Воротится с базару, горшок щел и каша вытащил из печи, да все и съест... Случай с ним был: пришел ночью, жена проснулась — возьми, говорит, там щи в чугуне, печь еще горячая. Тот вытащил, стал впомымах хлебать прямо из чугуна. Хлебает и ворчит: жидкие, мол, щи сварила, пустые совсем. «А ты со дна, там погуще», — хозяйка говорит. «Дак и со дна нет ничего!» «Постой-ка, — говорит жена, — какой чугун-то ты взял?» Встала, поглядела: «Да ты щел вытащил, я завтра стирать собралась!» А тот уж полчугона уплел. Не разобрал с устатку-то.

Тетка Лена засмеялась в темноте, спросила:

— Ну, как — не спиши? Тогда слушай, что со мной приключилось. Раз Панкрат возвращался с базару ночью, присел отдохнуть — аккурат там, где ты был, у ручейка, он летом-то почти пересыхает. Сел, да там и помер. Утром мужики поехали в лес, а он уж холодный. Тронули его, а из пазухи мышка выскочила, хлеб, видно, в кармане остался. Выскочила, будто душенька отлетела. Вот и стали те пожни называть Панкратовыми... У нас тоже там покос был. Пошла я туда сено ворошить, папаня накосил. А день жаркий был, парко в лесу, я платье сняла — там нет никого — да в одной сподней рубахе и хожу, граблями ряды шевелю. Слыши вдруг — вроде кто-то стонет. Думала, почудилось, прислушалась — ан нет, стонет, да так жалобно: ох, ох... Ну, думаю, душа Панкратова непокаянная мается, перепужалась я да как была, в одной рубахе, оттуда и прыснула, домой примчалась, запалилась вся, дух не переведу: «Не пойду туда больше!» А наутро пошли туда с отцом за платьем и нашли мертвую зайчиху: не разродилась, бедная, померла... Она-то и стонала, мучилась. Вроде все просто объяснилось, а я до сей поры побаиваюсь их, лужков твоих.

— Да какие они мои?

— Ну, дак полюбились тебе они. Но мужики наши и ныне там коят... Ну, давай спать. Тебе уж скоро вставать, как ты настремился...

Тихо, не вздувая огня, я встал, начал собираться. Но тетя Лена тоже проснулась, накинула на голые плечи шаль, вышла с лампой в руке на кухню, по извечной на Руси бабьей привычке заботой провожать, напутствовать мужиков, покидающих дом по мужским своим делам. Попыталась накормить меня остывшими щами — я отказался и ушел в ночь. Поглядывая на звезды, чтобы не кружить, я бродил в чужом ночном лесу, топырил в

темноту глаза, прислушивался к сонному бормотанию потревоженных невидимых птиц, к торопливому топотку каких-то стронутых мною зверей, к незнакомым звукам, не всегда догадываясь о происхождении каких-то шорохов и вздохов, бульканьи и пришепываний. Лес представлял жутковато сказочным, в нем не хватало только самого желанного сказочного персонажа — бородатого громадного петуха, напштывающего свою таинственную песню...

До света начинали птицы, с восходом солнца их голоса сливались в оглушительный ликующий хор, вместе с рас светенным парным дыханием земли сказка уходила из леса, и он обретал будничные подробности — я натыкался на оплывшие зигзаги солдатских окопов, на обвалившиеся землянки, затянутые сухой ломкой крапивой, на мотки ржавой проволоки. Соседство кротких звездочек голубых подснежников с рубцами войны рождало печальное благодарное чувство, горьким комком подпиравшее горло. Здесь, на новгородской земле, шли жесточайшие бои. Хотелось испить березовки, но меня останавливало мысль, что эта притихшая сейчас земля напитана не только скоками весны, но и кровью тысяч, тысяч солдат...

Днем я отсыпался за сараем на огороде, постелив свой плащ на кучу прошлогодней картофельной ботвы, еще не попавшей в костер. Меня будил соседский петух: заинтересовавшись лежавшей в его владениях человечьей фигурой, он степенно вышагивал по кругу парадным шагом, глупо плясал желтый глаз и вопросительно потряхивал дряблой бородой.

Так прошли ночь, день и еще одна ночь. А наутро пришел праздник. Как всегда после встречи в лесу рассвета, я вернулся несколько отрешенным, слегка опьяневшим, как перезимовавший, очнувшийся по весне шмель, и увидел сияющий, начищенный кирпичом самовар, скатерку на столе, горбившуюся комодными складками, стеклянную на ней вазочку с вареньем и тетку Лену, всем своим видом настроенную на торжество. На ней была отделанная кружавчиками светлая, в горошек, кофта и подаренный мною цветастый павлово-посадский платок. В избе пахло чем-то вкусным, сидевшим в печи.

— Вон хозяин, Самовар Иваныч, сердится, что долго так не идешь! Праздник, а тебя все нет.

— Очень уж в лесу хорошо, уходить не хочется... Последний ведь денек!

— Гли-ка, и цветочки уже пошли, — любовно расправила тетя Лена принесенный мною букетик подснежников-печеночниц — Ишь, каки голубеньки, как пасхальное яичко. Люблю я цветочки. Вот, на Панкратовых пожнях летом ромашек — все бело!

Она поставила букетик в граненый фужер розового стекла, извлекла из шкатулки бутылку чего-то похожего на денатурат.

— Гулять так гулять! Самогон, но хороший, с клюквицей. Крепкий — горит!

Был извлечен весь арсенал увеселительных праздничных средств: гармошка-ливенка, на которой ни тетка Лена, ни я не умели играть, мандолина с лопнувшей струной и простенький проигрыватель с десятком заезженных полузабытых пластинок.

— Посиди, я счас — токо соседку позову!

Они вскоре вернулись. Соседка, такого же примерно возраста, такая же плотная и округлая, как тетка Лена, высвободила из-под полушалка полную руку с ширококостным запястьем, обвязанным цветной шерстяной ниткой, протянула ее, по-мужски знакомясь (не приведи Господь получить «леща» такой ручкой!), хотела что-то сказать, но тетка Лена опередила ее:

— Это Власёна, подружка моя!

Соседка сняла у порога калоши и в носках прошла к столу. Тетка Лена загремела заслонкой, захлопотала у печи.

— Молока хотела взять — тут, рядом, через два двора, — а корова у них токотко отелилась. Вот, молозива дали. Ели когда?

Корова у нас тоже была, молозиво я ел, но это было так давно...

Мы выпили пахнущего дрожжами самогона, принялись за похожее на омлет молозиво, за тушенных с картошкой вальдшнепов. Я взялся было рассказывать, какая это царская дичь, вальдшнепы, какие готовят из них изысканные блюда.

— Это сколько же надо нашибать их, чтобы поесть как следует, — перебила меня Власёна. — Цари, они вон какие были дядьки, кушали, небось, хорошо... А так-то вкусно. Почти как курятина. — Я замолчал.

Выпили еще — за встречу, за все хорошее, за мир во всем мире. Тетка Лена поставила пластинку. Проигрыватель, шипя иглой на покачивающейся пластинке, выдал кор Пятницкого:

Вдо-оль деревни, а-ат избы из избы,
За-ашагали га-аварливые столбы...

Но тут же съехал на бас, взвыл и остановился: опять отключили электричество.

— От варнаки, хоть в праздники-то не вырубали бы! — в сердцах ругнула энергетиков тетка Лена. — Ну, ладно, мамай с имя! Сыграй, Власёна, ты ведь можешь маленько! Крутила когда-то парням шарики!

Скинув полушалок, Власёна взяла ливенку, толстыми пальцами прошлась по визгливым ладам, заиграла, ошибаясь в пуговицах, «матаню», и тетка Лена сорвалась со стула, затопотала, растянув за плечами темный, в альных розах, платок:

Мы с товарочкой вдвоем
По соседству живем,
То она ко мне идет,
То меня к себе зовет...

На комоде, накрытом вязаной скатертью, задребезжало какое-то стекло, то ли вазочки, то ли пустая пудреница. Я вышел покурить, а когда вер-

нулся, подруги сидели рядом и, касаясь головами, пели проголосную, какую-то незнакомую мне песню, говорившую мне об их жизни больше того, что я слышал от тетки Лены во время пребывания у нее. Я остановился в дверях, чтобы не помешать, привалился к косыку и слушал.

Тетка Лена смахнула слезу, отвалилась резко от соседки, словно бы сбрасывая настроение песни:

— Эх, Власёна, душа-сластёна! Давай-ка еще по стопарику — вместе пашем, вместе пляшем, вместе песенки поем! Садись, гостенек! Он ведь, Власёна, с нашим Вовеней, с племянником — ты знаешь его — вместе учится на инженеров, в одной комнате живут!

— Мне еще ехать сегодня, — отказалася я.

— Ну, тогда и мы не будем. Допьем с тобой на Победу, помянем твово Степашу, мово Мишеньку!.. Эх, мужики, мужики... Поглядели бы на нас, каки мы стали...

К этому самому большому, светлому и горькому Празднику тетка Лена уже начала готовиться. На большой фотографии в рамке, где рядом с нею, молодой, с короткой взбитой прической тридцатых годов, сидел такой же молодой парень в фуражке со звездой и пустыми петлицами на гимнастерке, появилась ветка бумажных цветов, зацепленная за уголок, а на другом углу — нитка елочной серебряной мишурь. Фотография была аляповато подкрашена розовым и зеленоватым, оба они, непривычные фотографироваться, напряженно-испуганно смотрели в нацеленный на них глазок аппарата. Я знал, что тетка Лена овдовела,

но тяжкого разговора не заводил, ни о чем не расспрашивал.

— Это Миша, когда в первый раз на срочную его призвали, — сказала тетка Лена, заметив, что остановил взгляд на фотографии, — в тридцать восьмом году. Только пришел — война скоро началась, его сразу мобилизовали... Мало у меня карточек осталось, некому было нас снимать, эти-то хоть сохранились. Счас покажу...

Под вечер я ушел на торфоразработки, откуда, как мне сказали тетя Лена и Власёна, шел узкоколейный мотовоз на станцию — там можно было сесть на скорый, не останавливавшийся на знакомом мне разъезде. Игрушечный, как на детской железной дороге, состав из трех вагонов и паровозика стоял у дощатой затоптанной, полуутонувшей в торфяной жиже платформы; такой же дощатый, в две доски тротуар шел от нее через грязь к бараку, над дверью которого висел красный первомайский лозунг и горела лампочка. Разойтись на тротуаре можно было, только тесно прижавшись и поменявшись местами. Я дождался, когда на досках не будет встречных, прошел в барак, купил копеечный, похожий на трамвайный, билет и выбрал себе вагончик. В нем было почти пусто, лишь в углу, обронив шапку с всклокоченной головы, спал пьяный да сидела у окна женщина, упоенно лузгала семечки, упервшись бессмысленным взглядом куда-то в пустоту, как могут смотреть только безостановочно работающие челюстями люди. С мостков слышался визг и хохот: парни, расходясь на досках с девками, тискали их и получали шлепки. Вскоре

девки оказались в вагоне, прошли, оставив пахучий шлейф дешевой парфюмерии, и сели к окошку, давясь смехом и поправляя волосы, все еще переживая происшедшее на мостках. За окном на платформе галдела компания подвыпивших мужиков: кто-то кого-то провожал, никак не мог расстаться, шли какие-то выяснения и уговоры. Паровозик пискляво свистнул и тут же дернулся, но с платформы так дружно взревели матом, что состав тут же остановился, лязгнув буферами. Из кабины машиниста раздались не менее крепкие матюки, и отъезжающие, побросав окурки, полезли в вагон. Развязно, с пьяной всемогущественностью вошедшие стали приставать с разговорами к сидевшим. Я надвинул шапку и отвернулся, давая понять, что хочу подремать. Баба, исподтишка высывающая подсолнечную шелуху под лавку, отшила их, округлив глаза, с такой шипящей злостью, что те отшатнулись и оставили ее в покое. Девчата-торфушки были, кажется, не прыг от скуки побалагурить, прысказа смехом и потешаясь над не вязавшими лыка парнями, но набравший скорость, раскаивающийся вагон быстро укачал пьяных, и они завалились на пустые лавки.

За окном пыла, медленно поворачивалась однообразно черная, маслянистая, лишенная торфяного покрытия земля с одиноко торчащими драными сосенками, чудом уцелевшими от прежнего мохового болота, и голыми лужицами, осколками разбитого зеркала отражавшими светлое небо. Иногда мотовоз останавливался в каких-то местах, ничем не отличавшихся, казалось бы, от прочих, но тут же, коротко свистнув, с лязгом дергал состав и катил дальше. Никто не входил и не выходил — в праздник на участках никто не работал.

Вагончик несмело заполняли белесые майские сумерки. Девчата, привавшись друг к дружке, примолкли, задумчиво поглядывали в окно. Тихо, но слаженно, на два голоса, они запели:

Вот кто-то с горочки спустился,
Наверно, милый мой идет,
На нем защитна гимнастка,
Она с ума меня сведет...

Пели они с таким чувством, так душевно, как это умеют делать только русские женщины в их извечной тоске о лучшей доле, о простом и возможном, но чаще всего нездешнем бабьем счастье. В их пении слышалась затаенная мечта о том, не похожем ни на охальников с узких мостков, ни на хралунов на вагонных лавках, — о том, кто, встретившись на их пути, окажется сильнее их и крепче, кто даст почтствовать им, что они не только вербованная рабочая сила, что их предназначение — любовь, дом, продолжение рода... Лица девчят в мягком свете северных сумерек похорошли, стали казаться почти красивыми, — несмотря на тощенькие, аляповато-наивно подсурьмяненные бровки одной и веснушки другой, — так изменили их растро-

ганные выражение и мечтательно поглажневшие глаза... Вот такими же, вероятно, были когда-то и подружки тетя Лена и Власёна — только в их время, как они рассказывали, разработка торфа начиналась, а теперь она завершается: все, что могла дать земля, взято, и лежит она сейчас черная и ободранная, в рубцах от машин, исполосовавших ее вдоль и поперек. И тоже пели, наверное, загадывая счастье, — а где оно? Правда, нынче, слава Богу, нет войны, может быть, эти будут счастливее...

Девчата-торфушки ехали в поселок на танцы. Нетрудно было представить, как они, не надеясь на приглашения кавалеров, будут танцевать «шерочка с машерочкой», как, разойдясь, сорвутся в задорную топотуху и будут отстукивать каблуками резиновых сапог с отвернутыми голенищами на крутых икрах, подрагивая полными грудями и плотными низкими попками.

А мотовоз все бежал по черной равнине, озирно посвистывал, оступался на стыках рельсов и припадал так, что казалось, вот-вот завалится набок и останется лежать, отсвечивая окошками, как торфяные лужицы, закатное небо.

Завтра рано утром я буду в Ленинграде. Жаль, не придется подивить ребят в комнате редкостным трофеем, громадной птицей с хвостом-веером, с крючконосой краснобрюхой бородатой головой — глухариного тока я так и не нашел. Хорошо, если бы повезло на будущую весну. А то разъедутся они, получив дипломы, да так и не будут знать, как большинство далеких от охоты людей, что за чудо живет в наших русских лесах... С чем же возвращался я домой?

На душе у меня было необыкновенно светло и чисто от проведенных в лесу рассветов и вечеров, от простодушной радости совершенно незнакомому гостю чужой тетки Лены, ее соседки Власёны, нашедших друг в дружке опору. То и дело в разговоре у них слетало с языка название города, откуда я приехал; не полегчало бы их вдовье житье, если бы и город почаще думал о положении наших деревень? Тогда, быть может, не пришлось бы пробавляться метелками, чтобы выжить, и богатырю Панкрату, чье кузнечное искусство стало ненужным безлошадной колхозной деревне, как стали ей не нужны гончары и шерстобиты-пимокаты, кожемяки-шубники, шорники и сапожники, бондари, тележники и другие рукастые люди.

Увозила я и рассказ о зайчихе, погибшей на Панкратовых пожнях: сколько я стрелял их, зайцев, но никогда не задумывался над тем, что у них могут быть свои беды, что так тяжко дается материнство даже зайчихе...

Мне понравилось в деревне, куда привело меня на этот раз ружье. Откуда все-таки у нее такое странное название? Я так и не спросил об этом тетю Лену. Забыл.

Рисунки Б. Игнатьева

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Павлов М. П. **Акклиматизация охотничьи-промышленных зверей и птиц в СССР. Ч. III. Копытные. Кипров: РАСХН, ВНИИОЗ им. проф. Б. М. Житкова, ассоциация «Россахотрыболовсоюз», 1999. — 1000 экз. 666 с.**

Это очередное издание из серии книг института ВНИИОЗ, посвященных результатам работ по воспроизведству животных в целях увеличения ресурсов охотхозяйственной отрасли. В нем помещены сведения по сохранению редких видов копытных зверей, увеличению их численности и результатам акклиматизации зубра, джейрана, сайгака, овцебыка, горных козлов и баранов, куала и лошади Пржевальского, осуществлявшихся в советский период природоохранной и охотхозяйственной деятельности. Включены дополнительные сведения о расселении группы оленевых и кабана. Помимо хроники выпусков зверей указаны и публикации, на основании которых дана оценка охотхозяйственной деятельности с представителями копытных.

Данилкин А. А. **Олени (Млекопитающие России и сопредельных регионов). М.: ГЕОС, 1999. 1000 экз. 552 с.**

Монография предлагает современный обзор систематики и биологии оленевых фауны России и сопредельных регионов: европейской и сибирской косуль, лоси, северного, благородного и пятнистого оленей. Рассматриваются филогения, изменчивость, таксономия, динамика ареала и численности и факторы, их определяющие, среда обитания, питание, размножение, структура популяций, использование ресурсов.

Игнатьев В. А. (Автор-составитель) **Биологи-охотоведы** (сборник очерков, этюдов, зарисовок, стихов, песен, писем). Новосибирск: изд-во Сиб. отд. РАН, 1999. — 100 экз. 184 с.

В сборнике рассказывается об истории Московского пушно-мехового института, о его профессорско-преподавательском составе и руководстве, о биологах-охотоведах, окончивших институт в 1952 г.

Заявки на высылку книги наложенным платежом направлять по адресу: 630090 Новосибирск, ул. Академическая, д. 8, кв. 28. Игнатьеву В. А. Цена 30 руб. (без почтовых расходов).

Парфенов В. Ф. **Формирование государственной политики по переходу России к устойчивому развитию. — М.: НИА-Природа, 1999. — 1000 экз. 44 с.**

В работе рассмотрены вопросы формирования в России государственной политики по охране природы и переходу страны к устойчивому развитию, показаны основные направления действий руководящих органов власти по реализации решений, принятых на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992).

Многострадальным жанам охотников посвящаю

«Охота — понятие сложное. В нем неразрывно сливаются в одно целое его жена, его ружье...»

Л. Сейфуллина

1

Случился тут у нас такого рода факт, а вернее сказать — приключение: купил себе Колян Чижов, по случаю, почти новое ружье. Ну, для таких мегаполисов, как, например, Москва или, возьмем ближе, Барнаул, в том, может, почти и нет ничего удивительного. Там, говорят, у каждого охотника по ружью, а то и по два имеется. В наших же палестинах — это редкая обновка и невиданная радость. Потому в тот же самый день покупки, ближе к вечеру, в Колянову фазенду набилась добрая дюжина посетителей — из числа наших деревенских охотников-активистов — с целью осмотра приобретения. И нет особой нужды в том, что то самое ружье каждый из них, наверное, за свою жизнь держал не один раз, так как куплено оно было у деда Хрячка, живущего в нашей же деревне через три двора от Коляна. Ведь давно уже известно, что деревенский уклад крепок своими традициями. А что в данном конкретном случае предписывают нам те самые традиции?.. Правильно, каждую покупку стоимостью больше спичечного коробка необходимо обмыть. Иначе та покупка «придется не ко двору». Тем более что ружье — это вам не какая-нибудь безделица типа хрустальной люстры или хоть того же пылесоса. Ружье — это... ого-го!.. По своей значимости его ниже, как к корове, даже и приравнивать-то смешно. Да и что такое корова — вздор! Для знающего в этом толк ружье — все одно что... жена! Не верите? Так судите сами.

Предположим, что вы решили взять себе жену. Для этого вам, во-первых, полагается достичь определенного возраста, то есть стать совершенно-летним. Во-вторых, вам необходимо обзавестись кое-какими средствами, ввиду того что содержание жены — затея достаточно дорогостоящая и не всякою она по карману. В-третьих, прежде чем «положить глаз» на какой-то определенный объект, вы подробно изучаете параметры всех возможных кандидатур, выявляете достоинства и недостатки каждой конкретной «модели»: блондинка или брюнетка, худенькая или полненькая, веселая или, наоборот, шибко умная, добрая или «с сильным боем» и т. д. и т. п. Здесь нелишне будет посоветоваться со специалистами, в данном случае — женатыми. Вам же, в свою очередь, требуется заручиться положительными рекомендациями со стороны наиболее уважаемых членов общества, иначе вы можете получить отказ в праве обладания объектом вашего вожделения. По той

же причине вам нелишне будет иметь хорошее физическое состояние. И, наконец, избрав какой-то определенный образец, вы подаете заявление в разрешительные органы (в нашем конкретном случае — в ЗАГС), где вам назначат испытательный срок, в течение которого станут всячески «мариновать» прежде, чем дадут свое «добро». И уже после этого вы, как говорится, «будьте счастливы» (если сможете) со своим приобретением.

Для того чтобы стать обладателем ружья, вам предстоит преодолеть все те же этапы, с той лишь разницей, что на некоторых из них вы столкнетесь с гораздо большими трудностями, чем в случае женитьбы. И для многих они окажутся «не по плечу». Видимо, поэтому если практически каждая взрослая особь мужского пола рано или поздно все же обзаводится женой (неко-

ким навозом, демонстрирует своим боевым товарищам, — у него будет также вторым по счету... Нет-нет, вы меня неправильно поняли. Я имел в виду, что теперь у нашего Коляна стало не два ружья, как вам, очевидно, показалось, а только одно-единственное, что он после своего почти двухлетнего безружейного поста выманил-таки у вышеупомянутого деда Хрячка (о том, как это происходило, — отдельная история; скажу здесь лишь то, что для достижения своей цели Колян применил тактику из широко известной песни «Хас-Булат удалой, бедна сакля твоя...»). А обзаводиться ружейными арсеналами — такой моды в нашей деревне нету. Как говорит в таких случаях гроза всех алкашей и охотников наш участковый, мы, слава Богу, люди православные, и нам эти ружейные «гаремы» ни к чему. Уж кто-кто, а он зря слов на

Наши жены — ружья заряжены

торым это удается сделать даже по нескольку раз), то стать счастливым обладателем ружья — такой чести удостаивается далеко не всякий, а только лишь настоящий мужчина.

И если проводить эту нашу аналогию между ружьями и женами дальше, то выявится интересная деталь: с течением времени отношение к тем и к другим со стороны сильного пола претерпевает одни и те же разительные метаморфозы. Сначала — это сладкие мечты, надежды и даже бессонные ночи с грезами об объекте своего вожделения. Затем после того, как те самые мечты сбылись, первое время — распирающая радость, бережная забота, готовность носить на руках, «спать в обнимку» и сдувать пылинки. Но потом наступают первые разочарования: от выявившихся недостатков, от потери со временем «товарного вида» и прочее. Вследствие чего следуют — безразличное небрежное отношение, абы-какое, халатное выполнение даже необходимых обязанностей по уходу и содержанию. И, наконец, тайные помыслы о замене «устаревшей модели» на более свежую и современную...

2

Именно к такой категории нерадивых мужей-охотников и относится наш Колян Чижов. Он, успев таким образом сменить двух жен, к настоящему времени живет холостяком. А то самое ружье, — которое он с важным видом воробья, только что пообедавшего конс-

ветер не бросает, как скажет, так тому и быть! Суровый мужик.

Но, как говорится, не в том дело, так как мы сейчас находимся не в каком-нибудь там «общественном месте», а в гостях у Коляна. Тем более собрались мы не ради обыденной пьянки, а для того, чтобы, будто в каком-нибудь дворянском собрании (или, как сейчас модно говорить, неформальной встрече без галстуков), пообщаться между собой после трудового дня. Ну и заодно обмыть Колянову обновку, так сказать, «за кучность боя». А пока посланный ради «этого-самого» гонцом в магазин Шурик Цапель еще не вернулся, полным ходом идет «торжественная часть» нашего мероприятия.

3

— А ну-ка, Колян, покаж свою покупку... Ни-че-го, стрелять, наверное, будет. Только чего это она у тебя вся маслой-мазутой обмазана? Быдто ее в бочку с нигром обмакнули.

— Да не обращайте внимания, оботрется. То дед Хрячок ее «на консервацию» поставил. Чудной старик. Отдает, а сам чуть не плачет: «Ты уж следи за ней, ухаживай. Ружье ласку да смазку любит». Быдто я у него не ружье, а родную жену забираю. «Приданое», какое с ним было, тоже отдал: дозаторы, весы, калибровки какие-то, шомпол, ершики, масленки... — всякую дребедень, одним словом. Я уж не отказываюсь, беру весь этот хлам. Оно, во-первых, старичка грех обижать. А во-вторых, старичка грех обижать. А

во-вторых, вдруг еще передумает, старый черт. И так вона сколько за ним ходил, уламывал. Дед-то сперва ну ни в какую. «Оно, — говорит, — mine двадцать годков верой-правдой прослужило, так на нем ни раковинки, ни единой царапинки. Ты же свое так за четыре года ухрystal, что оно в металлом пошло...»

— Слушай, а куда ты, в самом деле, свою первую двустволку задевал?

— Как же, «задевал»... В милиции конфисковали. В запрошлом году понес то свое ружье, как положено, на перегибацию. Срок подошел. Ну, вынул там его из мешка и передал лейтенантику. Я-то думал, что он номера сличит — и всех делов. Не тут-то было: уцепился он за него, будто ни разу в глаза рабочего ружья не видал, и давай крутить-вертеть. «О, — говорит, — так вы его не только в «черном», а, скорее, в «рыжем» теле держите. Чего это оно все в ржавчине?» Ну, я ему объясняю: оно у меня, дескать, в гараже на гвоздике висело, а тут, как на

линейку: «Э-э-э, так у вас и стволики погнутые! Глядите, почти на пять миллиметров». Я ему: «Да не обращайте вашего пристального внимания на такой пустяк. Это я прошлой зимой зайчика добивал. Стволинами по башке. Ну, видать, маненько перестарался. Так в том никакого вреда нету. Они, конечно, апосля того случая на полметра как бы низить стали, так я выше цели беру — и всех делов». Нет, и слушать меня не стал. Конфисковал мою кормилицу и в том бумажку выдал... А ты говоришь. «Задевал...» Да кабы моя воля, я б ни в жисть с таким орудием не разлучился: чирка на 97 метров и — как тряпка!

4

— Чего вы мне тут ни говорите, а я одно скажу: «Самое лучшее на свете ружье — это Заур». Ясное дело. Было у меня такое, аж с «тремя кольцами». Ох и было!.. Помню, стою я как-то раз зимой в засаде. Вылетает из колка русак и со всего маха — в поле. Но дале-

грех, дожди. И надо тому приключиться: крыша протекла аккурат иде ружье. Я, как в милицию нести, хватился, а у него стволины под самые чочки залиты. Ну че, перевернул его вверх прикладом, слил воду и в таком виде на просушку оставил. Вот оно малость как бы и порыжело. «Да все это ерунда, — говорю ему, — кузбасслаком по стволинам пройдусь — будет блескать как новое». А лейтенант ехидно так хмыкнул, затем растворил ружье и давай через стволины в окно любоваться. Будто это ему биноколь. Смотрел-смотрел и потом спрашивает: «Вы его хоть чистите?» Во дает! Будто это ему картошка. «Как положено, — отвечаю, — чишу апосля каждой охоты: зимней, весенней, осенней...» Он как заржет сивым мерином: «Ну, ты — молоц!» Потом приложил к стволинам

ковато: метров за сто от ближайшего охотника, а от меня и подавно — 189 метров — никак не меньше! Никто даже и ружья не поднял. Ясное дело — такая дистанция. А я — так, ради хохмы при-це-ляюсь, да как двину по тому зайцу из обоих стволов. И верите — нет: аж вся дробь в него вошла. Во как кучно хлестало — будто бичом. Ясное дело...

— Ну и куда ж тот твой Заур делси?

— Ох и не говори... Высмотрел я как-то по осени: гусиный табунок на пшеничное поле налился. Ну и пожадничал: зарядил на них патроны с двойной меркой, чтоб за раз побольше зацепить. Ясное дело. При-це-ляюсь, да как двину по тому табуну из обоих стволов. А они — дзынь и развалились на полосы. «Букетная сталь» получилась. Ясное дело...

5

— Э-э-э... что там твой Заур-Маузер, так — пугач. Вот раньше ружья делали!.. Помню, я еще солдатчиком был, мой батяня приволок откеда-то фузею. От то машина: ростом — выше меня тогдашнего, весом — в полпуда, а ствол снаружи восьмигранный и такой агромадный, что в него, наверное, куриное яйцо влезло бы. И заряжалась она с дула. Я деталей теперь не помню: стока времени уже минуло. Скажу лишь, что батяня стрелял с нее тока раз. Но шороху по деревне настал! Эт-та, значит, он решил испытать: какой у нее, той фузеи, будет, к примеру, бой. Ну и засыпал он, значит, в ствол с полстакана дымаря и дроби пропорциональное количество. Вышел по утрянке с нею за ворота (я за ним следом — интересуюсь). Отсчитал с полсотни шагов и давай по тем самым воротам целить (ага, засыпал еще сказать: заставил меня на них посередке газету прилепить). Целил-целил, а фузея-то тяжелая, на весу не удержишь. Ну, он тогда и решил «из положения лежа» вдарить. Перешел в лежачее положение и вдарил... От, доложу я вам, было делов! Ворота с петлей снесло и — в щели. У хаты пол-угла разворотило — видать, частью осыпи зацепило. А взрыв такой, что куда там грому: у меня аж в глазах потемнело, и в ушах — погребальный звон. Как дым рассеялся, я немного одыбался, глядь, — а батяни-то на месте и нету! Он с отдачей метра полтора на пузе объехал. От эт-та, я вам доложу, «откат ствола»... Как у гаубицы. Хорошо хоть лежа стрелял, а ежели бы стоял... Так вот, лежит мой батяня весь белый, как мел, и башкой мотает — знать, контузило. И правая рука плетью висит — отсущило. Но самое главное — ему прикладом ключицу раздробило. От эт-та бой! Смертельный... А ты. «Заур, заур!»

Пока батяня после того приключения в больнице отлеживался, маманя кудато тue фузею и сплавила. Боле мы ее и не видели. Бестолковый народ, эт-ти бабы! Что с них возьмешь!

6

— Да-а... от баб в нашем охотничьем деле, акромя вреда, никакой пользы нету. Верно говорю. Хорошо Коляну: он мужик самостоятельный, в смысле — холостой. Сам себе хозяин. Чё захочет, того и вытворяет. А нашему брату-женихатику в пору охоту бросать... Взять хотя мою «старуху Извергиль». Как собираюсь на охоту, так она такую трагедию представит: «Не пущу!» И все тут. Я уж с ней по-хорошему, «Ну чё ты, зараза, — говорю, — верещишь, радость отравляешь?» Она: «Ты там напьешься». Я ей: «Милая моя, пора бы уж знать: ить так и так — чё на охоте, чё дома, все одно упьюсь. Потому в выходные сам бог велел. Тебе же лучше, ежели я на охоте буду пить: ить два дня на мою пьяную рожу любоваться не

придется». Не-ет, никак не понимает своей выгоды. Мало того, под старость лет совсем «в ум ранетая» сделалась: стала от меня ружье ховать. Она думает: раз без ружья, то мне как бы и путь на охоту заказан. Ага, как же! Да по мне, ить так даже лучше. Да я без ружья все одно как машина без тормозов. Не надо опасаться потерять иде-нибудь то самое ружье по пьяному делу. Или там, чё на зорьку проспишь...

7

— Твоя еще что. Слышали, чего у Петюни Слезкина баба удумала? Как тому, значит, на охоту приспичит, так она ему никакого правианту с собой не выдает. Ни тебе курочки, сала или хоть тех же яичек — ничего! Все попрятет и курятник — на замок. Совсем мужика на голодный пает перевела. Петюня на прошлое открытие бился-бился, а она ну ни в какую. Говорит: «Вы на болоте со своими алкашами гагар вонючих настреляете — вот их там сами и трескайт. Нечего всякую погань домой тащить: свиньи и те от них рыла воротят». Так что вы думаете, какой номер наш Петюня отморозил? Ну вылитый хунвейбин! Взял, да по пути на охоту заверну к кошаре и забрал из отары своего барашка. Вот весело тогда открытие отметили: пир горой, песни-пляски, а на десерт — шашлычок из свежей барабанинки. Зато после Петюне несладко жилось. Какая-то вражина донесла его бабе про того «закланного агца». Петюня с открытия — а его в доме с распостертыми вилами напревес встречают. Вы ведь знаете его бабу, она хуже зверя. Говорят, почти неделю наш Петюнчика после того на сено-вале ночевал. Мужики его в курилке пытают: «Чего это ты, слышно, дома не ночуешь?» А он: «Дык, понимаете, привык на охоте отдыхать на свежем воздухе. В хате уже никак спокойно заснуть не могу: что-то давит на меня, душа простору просит!». — «А что, — спрашивают, — у тебя будто бы морда вся покарябана и губы варениками распухли?» — «Да не обращайте внимания, — отвечает, — это меня комары по ночам одолевают».

8

— Черт их поймет, тех баб! Главное дело, как сами каждый вечер у пряжла сгуртуются, так только их и слышно: «Га-ла-ла, жу-жу-жу...» Всей деревне на том «женсовете» по десять раз косточки перемоют. До звезд их по домам не разгонишь. А если наши братья-охотники в кои-то разы свои ружья из чуланов повынимают, так они сразу в крик: «А-а-а, в доме бардак: у скотины не управлено, картошка не копана, колодец завалился, крыша текёт, баня не топлена... (и тэдэ, и тээл!). А ему лишь бы шары залить да по своим охотам шлындать».

Ну какой в том криминал, что выберутся мужики на природу да чуточку расслабляться? Если разобраться: чтоб удрать из дома на волю, у нас всего-то

три официальных повода и наберется — сенокос, заготовка дров да охота. Так всем давно известно, что и сено, и дрова, и те самые зайцы-утки — это одни отговорки, лишь бы на природе погулять. Ну скажите, положа руку на сердце: хоть кто-нибудь из вас когда на том сенокосе руками косил? Нет. Все простым-просто: берешь ящик водки или канистру самогона и едешь с этим богатством в бригаду. Там с мужиками гудишь пару дней и — готово: коровка на зиму кормом обеспечена. Та же технология и с дровами. И каждой про тот секрет известно, но ни одна слова против не вякнет. А как мужики стабунятся на охоту, так редкая баба вразнос не идет. Какая-то ревность, что ли, их к тем ружьям раздирает. Спрашивается: и чего они так

танцах. Нет, вы представляете: хромой Шурик, отец троих детей, — и на танцах! А та и рада стараться: не разобравшись, так его этими утками разукрасила «под хохлому», что он потом дней десять в черных очках по деревне щеголял.

9

— Эт точно. Как говорится: «Куды крестьянину податься?» То ли дело у городских, не жизнь, а разлюи-малина. Цельный день на службе груши проколачивают, придут домой — газету в руки и весь вечер на диване кверху пузом «ласты сушат». И никаких забот. Что им от безделья по охотам не ездить. Небось городская баба даже рада, что ейный мужик с глаз долой на охоту убрался. Охота — это тебе не командировка, с нее еще ни один мужик неожиданно не вернулся. А те и рады стараться — вырядятся во все новое: сапоги, фуражки, камуфляжи. Будто не на охоту, а на военный парад собирались. И каких только ружей у них не насторожились — не чета нашим кочережкам! Но, между прочим, по охотнице-квартире эти городские ни рожна не петрят...

Как-то стоял на утренней зорьке у Няшино. Хорошая зорька выдалась: пять чернетей намолотил. Ну и повстречался там мне такой вот городской. Весь нафранченный: на голове шляпа с пером, на ногах — то ли бродники, то ли резиновые штаны — какие-то лягушачьего цвета сапоги-колготки. В руках дробомет невиданной системы, и у него на стволе не то антenna, не то подковородник нацеплен. А на удавках — ну ни единой уточки не просматривается. Интересуюсь: «Чего это у тебя, мил-человек, на ружье за приспособа? От уток, что ли, отбиваться?» Ну, он мне так толково разъясняет: это, дескать, какой-то прибор, чтобы брать правильный вынос при стрельбе. «Во, — говорю, — вынос берешь правильный, дак ни одной утки нешиб». Он интеллигентно так оправдывается: «Видите ли, они шибко высоко летают. Дробь до них не достает». Я ему возражаю: «Вроде нормальная высота. Вона, пятачок взял да еще трех не отсыпал». И тут он мне знает какой вопрос задает? Ни в жисть не догадаешься. «А какие концентрапторы, — спрашивает, — вы применяете?» Я ажно опешил. Ну, думаю, нашел время и место о чем спрашивать! «Да на кой нам они? — отвечаю. — Если уж шибко потянет на это дело, то лучше, от греха, водочки выпей, и все те глупости — как рукой смет...» Вот и пойми тех городских...

О, Шурик нарисовался! Ну что, взял? Тогда, мужики, хорошо соловья баснями травить. Давайте, подгребайте дружнее к столу. Колян, где тут у тебя стопки?

10

И... началось веселье.

Рисунки Б. Игнатьева

ОХОТА НА ТИГРА

В. К. АРСЕНЬЕВ

В этот год на Анюе было много тигров. Они вели себя крайне дерзко и осмеливались приближаться к человеческому жилю. Недели за две до нашего прихода один зверь проявил удивительную назойливость. Он повадился чуть ли не ежедневно навещать удэгейцев, и часто среди белого дня. Удэгейцы сначала с полной серьезностью убеждали его оставить их в покое, потом стали грозить ему копьями и огнестрельным оружием. Однако ничего не помогало — тигр ходил по другому берегу реки, ложился на льду против юрты, зевал и пугал людей.

Как-то вечером одна женщина хотела было выйти из юрты за водой. Едва она приоткрыла дверь, как увидала полосатое чудовище совсем близко от жилища. Она быстро захлопнула дверь. Тогда один из удэгейцев проделал ножом отверстие в коры юрты и сквозь него выстрелил в тигра. Зверь упал, но тотчас поднялся и пополз по льду реки. Наутро его нашли издохшим на другом берегу. Удэгейцы прикрыли его снегом и по сторонам выставили два кола со стружками, чтобы дать знать проходящим людям, что это место запретное, а сами отошли немножко ниже по течению, где я и застал их всех в сборе.

Когда мне рассказали об этом, я отправился к тому месту, где лежал тигр. Это был великолепный рослый самец. К сожалению, шкура его погибла — шерсть из нее лезла большими клочьями. Я хотел было взять скелет животного, но это встревожило удэгейцев. Они говорили, что делать этого нельзя, что им житья не будет от других тигров, которые станут мстить за надругательство над их сородичем.

Дня через два я все же отправился к мертвому зверю, но уже не нашел его. На том месте, где лежал тигр, была большая промоина: темная вода быстро и бесшумно бежала под лед.

Мы с Крыловым отправились в разведку.

Скоро я заметил два следа тигра: один большой — старый, другой поменьше — свежий. Следы шли по рывинам и каналам в ту и другую сторону, шли поперек, делали круги и возвращались обратно.

В одном месте мы натолкнулись на совершенно свежий след зверя. Крылов спустил собаку Кады, которую мы взяли с собой, но она не бросилась вперед, а, глубоко уткнувшись носом в

снег, принялася обнюхивать каждую веточку, мимо которой мы проходили. Через минуту Кады опять пошла по рыхвинам, затем остановилась и стала прислушиваться. Раза два она ложилась на брюхо, поджав под себя лапы. Настроение собаки передалось и нам. Кады не решалася идти вперед, и мы тоже остановились в томительном ожидании.

Прижал уши, собака стала озираться по сторонам, потом вдруг торопливо побежала назад и, обойдя Крылова, плотно прижалася к моим ногам. Я стал гладить ее и почувствовал, что она дрожит.

Тигр был где-то поблизости.

Мы оба замерли на своих местах, напрягая слух и зрение, но ни малейший шорох не нарушал глубокой тишины леса. Вдруг в тайге гулко щелкнуло мерзлое дерево. Словно электрический ток пронизил меня от головы до ног. Крылов круто повернулся в сторону шума, собака вздрогнула и еще теснее прижалася к нам. Прошло некоторое время, прежде чем мы поняли, что это была шутка мороза.

Кады снова пошла вперед. Она шла по кривой. В центре описываемого нами круга находился огромный тополь, который рос наклонно. Можно было подумать, что он лежит на земле. Около тополя снег был примят, местами изрыт, а между деревом и землей что-то виднелось. Мы остановились в нерешительности. Я нагнулся и поднял с земли мерзлый клубень какого-то корневища. Крылов взял его и бросил в тополь, но там было по-прежнему тихо. Тогда мы подошли к дереву смелее.

Это было логовище тигра. Тополь оказался дуплистым. Снегу под ним не было вовсе, а сухая трава была сильно помята кругом. В логовище валялось много обглоданных костей. Видно было, чтоолосатый хищник долго жил в этом логове. На соседнем дереве, на высоте, которую я едва достал концом ружья, виднелся ряд продольных царапин. Я обратил внимание Крылова на ободранную кору. Я живо представил себе, как тигр выходит из логовища, зевает, потом поднимается на задние лапы, упирается передними в дерево и, выгнув спину, расправляет когти.

На снегу около тополя было много старых следов. Неизвестно было только, ушел ли тигр на охоту сам, или это мы спугнули его.

Мы пошли обратно по своим следам и скоро выбрались на реку. На душе сразу стало легче: предательский, полный опасностей лес остался позади, впереди расстилалася широкая полоса реки, покрытая снегом.

На биваке все было в порядке: палатка поставлена, из трубы вместе с дымом вылетали искры, а рядом с палаткой на подстилках из хвои и сухой травы отдыхали ездовые собаки.

Вечером я занялся дневниками, потому сделал необходимые распоряжения и рано лег спать.

Вдруг ночью меня разбудил сильный шум. Я вскочил на ноги, мои спутники тоже проснулись и недоумевающе смотрели по сторонам. Снаружи были слышны визг, лай и вой. Собаки, как сумасшедшие, рвались на своих поводках. Стрелки быстро надели сапоги и выбежали из палатки.

Собаки перепутались ремнями, сбились в кучу и боязливо озирались по сторонам. Некоторые сорвались с привязи и, поджав хвосты, бегали около бивака. Что случилось? Почему такой переполох?

— Должно быть, приходил тигр, — сказал Крылов.

Я велел привязать собак и развести огонь.

— Мой собаки нет! — вдруг крикнул Марунич не своим голосом.

Мы с Крыловым подошли к нему и тут на снегу увидели капли крови и свежие следы тигра. Теперь все стало ясно:олосатый хищник задавил и унес собаку.

Я принялася внимательно изучать следы и по ним без труда восстановил картину происшествия. Тигршел по реке вдоль нашего берега. Увидев бивак, он встал за бурелом. Здесь он долго стоял, потом лег на брюхо, вытянув вперед лапы. Затем он перебрался через бурелом и по рыхвине подкрался к биваку. Эта рыхвина своим обрывистым краем ближе всего подходила к месту, где были привязаны собаки. Выскочить из засады, схватить одну из собак и опять скрыться в зарослях было для тигра делом одной минуты.

Мы решили взять с собою четыре ружья и идти по следу зверя. Если он понес собаку к логовищу, то мы застаем его там, а если он бросит свою добычу и убежит, то мы насторожим ружья около тополя, затем возвратимся назад и будем ждать. Так мы и сделали. В шесть часов утра я, Крылов, Рожков и Глегоша отправились в путь, захватив с собой все необходимое для настороживания винтовок.

Следы тиграшли прямо в лес. По ним видно было, что зверь, схватив собаку, уходил сначала прыжками, потом бежал рысью и последние полверстышел шагом. Оборванный собакой поводок волочился по снегу. Отойдя с версту, тигр остановился на небольшой полянке и стал есть собаку. Заслышав наше приближение, он бросил свою добычу и убежал. Собака оказалася наполовину съеденной. Мы стали настороживать ружья.

В землю мы вбивали колья на небольшом расстоянии один от другого. К кольям привязывали винтовку дулом в том направлении, по которому предполагался ход зверя. На тигра винтовка настораживается (соответственно величине его) на высоте 4—8 вершков от колена человека, с таким расчетом, чтобы пуля попала зверю в бок, немногого ниже лопатки. Мы укрепили ружья, зарядили их, взвели курки, а в промежуток между скобой и спуском вложили деревянные рычажки. К длинному

концу рычажка прикрепили тонкий шпагат, протянули его через след зверя и привязали к дереву. Тигр, привыкший в чаще грудью рвать заросли, не обратит внимания на шнурок, который коснется его тела. Он будет лезть вперед, натянет шнур и ранит себя. Мы поставили четыре винтовки в расчете, что, с какой бы стороны тигр ни пришел, он непременно должен попасть к настороженному ружью.

Потом мы замели свои следы еловыми ветвями и возвратились на бивак. Когда стало смеркаться, я велел разложить около собак костер и выставить вооруженного часового. Ночь прошла спокойно, выстрелов не было слышно.

Рано утром стрелки сбегали на лыжах к настороженным винтовкам и сообщили, что ночью тигр приходил к своей добыче. Обойдя собаку по большому кругу, он подошел к ней, но, предчувствуя что-то неладное, не решился тронуть ее. Не доходя шагов двух до бечевы, тигр прилег на брюхо. Судя по тому, что снег под ним подтаял, он лежал так довольно долго. Перед рассветом зверь встал и пошел назад. Стрелки следили его некоторое время и дошли до логовища, откуда он убежал, засыпав приближение людей.

Надо было окружить настороженные ружьями самое логовище. Эту работу взялся выполнить Крылов с двумя стрелками, а я остался на биваке. Сосвем в сумерках они возвратились назад и рассказали, что на обратном пути на берегу одной из проток они нашли штабель мороженой рыбы, со всех четырех сторон оплетенный ивовыми прутьями. Рыба принадлежала, должно быть, удэгейцу Маха Кялондзига. Тигр разломал плетенку и лакомился рыбой. Судя по следам, это было сделано вчера ночью.

Когда стало смеркаться, мы забрали всех собак к себе в палатку. Правда, это доставляло нам множество неудобств, но мы решили потерпеть.

Вторая ночь тоже прошла спокойно. Тигр ходил вокруг логовища и около мертвых собак. Он чуял опасность и не хотел рисковать своей жизнью, но я решил стоять здесь хоть неделю и ждать, когда голод сделает его менее терпеливым и менее осторожным. Однако тигр оказался умнее, чем я думал.

Весь день мы просидели в палатке: починяли одежду, налаживали собачью упряжь,правляли нары.

Вечером, выйдя из палатки, я увидел удэгейца Маха, бегущего к нам по льду реки. Он был чем-то напуган.

— Что случилось? — спросил я.

— Худо! — отвечал он. — Тигр собаку унес.

При этом он добавил, что зверь далеко не ушел и ест собаку поблизости от его жилища.

До темноты оставалось не больше полутора часов. Я рассчитал, что, если побегу за ружьем на бивак, а оттуда обратно к юрте удэгейца, на это потребуется не менее часа. Тигр за это врем

мя успеет съесть всю собаку и спокойно удалится. Я спросил удэгейца, есть ли у него ружье. Он ответил, что у него есть берданка, но стрелять священног зверя он не будет. Но так как тигр сам напал на его дом, то он обещал проводить меня и указать место, где сейчас находится тигр. Я пошел с удэгейцем, а Крылов и Рожков побежали в лес за ружьями.

Через двадцать минут я был уже в юрте Маха. Жена его с двумя детьми сидела испуганная, забившись в угол и разложив у входа в жилище большой огонь. Собаки тоже были собраны в юрту и привязаны к жердям, поддерживающим ее крышу.

Удэгеец достал из-под изголовья свое ружье и подал его мне. Это была старенькая берданка. Я осмотрел ее — все было как будто в порядке. Я оттянул замочную трубку и нажал на гашетку. Мне показалось, что пружина действовала слабо.

Я стал торопить удэгейца. Он перебулся и взял копье в руки.

Перед тем как идти, Маха заявил мне, что это не он идет убивать тигра, а я, и что копье он берет с собой только так, на всякий случай.

Я подтвердил, что вся ответственность за убийство грозного зверя ляжет на меня одного. После этого мы надели лыжи и пошли.

Но пока удэгеец бегал к нам на бивак и пока я осматривал его ружье, произошло событие, которого мы никак не могли предусмотреть. Тигр перешел ближе к юрте и, расположившись под яром на льду протоки, приился за собаку.

Не подозревая, что зверь так близко, мы шли по протоке и громко разговаривали.

Вдруг Маха остановился как вкопанный. От неожиданности я наткнулся на него и чуть было не упал. Шагах в тридцати я увидел тигра. Он стоял неподвижно, опершись передними лапами в колдину, и глядел на нас в упор.

На мгновение зверь оскалил зубы; шерсть у него на спине поднялась дыбом, он дважды медленно шевельнул хвостом. Я растерялся и оцепенел, мой спутник тоже.

Внезапно я вспомнил про ружье. «Надо стрелять, — мелькнула у меня мысль. — Непременно надо стрелять, а то будет поздно...» Я вскинул ружье и нажал на спуск. Курок щелкнул, но выстrela не было. Я снова взвел и спустил курок, и опять выстrela не последовало. В это время сзади меня появились наши стрелки. Видя, что я целился в тигра и не стреляю, они решили открыть огонь по зверю по дальнего расстояния. Но их ружья, пробывшие две суток на морозе и, вероятно, густо смазанные маслом, тоже дали осечку.

Тигр еще минуту постоял на месте, затем повернулся и, по временам оглядываясь назад, медленно пошел к лесу. В это мгновение мимо нас проплыли две пули, но ни одна из них не попала в зверя. Тигр сделал боль-

шой прыжок и в один миг очутился на высоком яру. Здесь он остановился, еще раз взглянул на нас и скрылся в кустарниках.

Мы четвертом отправились на то место, где только что стоял тигр, и там, на льду, за колодником, увидели наполовину съеденную собаку.

Взволнованный, я сел на бурелом, не зная, что делать. Винтовка удэгейца была еще у меня в руках. В сердцах я швырнул ее, как палку, в кусты.

Когда удэгеец узнал, что все три ружья дали осечку, он пришел в неописуемое волнение. Я стал ругать его берданку, но у него на этот счет были свои соображения.

Тигр в его глазах стал еще более священным животным. Он все может: под его взглядом и ружья перестают стрелять. Он знает это и потому спокойно смотрит на приближающихся людей. Разве можно на такого зверя охотиться? И, не говоря больше ни слова, удэгеец поднял свою винтовку, сдунул с затвора снег и молча отправился по лыжне назад в свою юрту. А мы сели на колдину и стали думать, что делать дальше.

Мы решили насторожить два ружья по сторонам мертвого собаки. Третья сторона была защищена высоким яром, а четвертая оставалась открытой.

Мне пришла в голову счастливая мысль — насторожить в этом месте самострел.

Поставив ружья, мы замели следы и по льду протоки направились обратно к юрте. Удэгеец дал нам свой самострел, показал, как надо его ставить, но опять сказал, что охотиться на тигра он не будет.

Мы с Крыловым вернулись обратно к мертвому собаке. Закрыв самострелом доступ к ней со стороны протоки, мы взобрались на противоположный круглый берег и стали караулить тигра.

Я сидел за кустом и не смел шевельнуться. Иногда мне казалось, что я вижу какую-то тень на реке. Наконец стало совсем темно и нельзя уже было видеть того места, где лежала мертвая собака. Я поднял ружье и попробовал прицелиться, но мушки не было видно.

— Надо идти, — сказал я тихонько Крылову, — начинает сильно морозить.

— У меня ноги тоже озябли, — ответил казак, и мы вернулись в юрту.

Там уже все спали, только удэгеец сидел у огня и ожидал нас. Мы поели мороженой рыбы, налились чаю, легли на медвежью шкуру и уснули как убитые.

Часов в шесть утра меня разбудила жена удэгейца. Она сварила нам две рыбины с икрой и чумизой. Я спросил, не было ли ночью слышно выстрелов. Удэгеец ответил, что он всю ночь не спал, но ничего не слышал. Я попросил его сходить к настороженным ружьям.

Скоро Маха вернулся взволнованный и рассказал, что он видел спущенную тетиву самострела и кровь на снегу. Это сразу подняло наше настроение.

Если тигр ранен серьезно, то он далеко не уйдет и заляжет где-нибудь поблизости.

Мы побежали к месту происшествия.

В глаза нам прежде всего бросился взрыхленный снег и на нем многочисленные ярко-красные пятна крови. Очевидно, тигр пришел к мертвой собаке незадолго перед рассветом. Обойдя ружья, он остановился с лицевой стороны и, не видя преграды, потянулся к своей добыче, задел волосистую нить и спустил курок лука. Стрелка попала ему в левую лопатку. Тигр сделал громадный прыжок и, изогнувшись, стараясь зубами вытащить стрелу, но лапы его все время скользили по льду. Он свалился в польнику, но тотчас выбрался оттуда. Тут же валялось помятое зубами древко стрелы, но наконечник остался в ране и, видимо, сильно беспокоил зверя. Видно было, что тигр долго старался достать его. Наконец он забился под яр. Здесь, упервшись спиной в скалу, передними лапами в бурелом, а задними в смерзшуюся гальку, он зубами захватил наконечник стрелы и вырвал его из лопатки.

В этом месте на снегу было больше всего крови. Освободившись от стрелы, тигр тотчас направился в лес. Сначала он волочил лапу, но затем стал на нее легонько наступать. Он шел и выбирал места, где были гуще заросли и меньше снега. След, оставленный правой лапой, был глубокий, а след левой только слегка отпечатывался на снегу. Видно было, что зверь берег больную ногу и старался не утруждать ее. Крови на снегу было все меньше и меньше. Значит, зверь был ранен не тяжело и вряд ли нам удастся догнать его скоро.

Чем дальше, тем лес был гуще и больше завален буреломом. Громадные старые деревья, неподвижные и словно окаменевшие, то в одиночку, то целыми рядами выплывали из чащи. Здесь царил сумрак, перед которым даже дневной свет был бессилен.

Один раз мы подошли совсем близко к тигру. Он забрался под бурелом и лежал на боку, видимо зализывая рану. Он так был занят этим делом, что не заметил, как мы подошли к нему почти вплотную.

В таких случаях надо быть очень осторожным.

— Капитан, — шепнул мне удэгеец, — не надо торопиться.

И в этот самый миг я увидел большое пестрое тело, мелькнувшее по другую сторону лесного завала. Зверя заметил и Рожков, но так же, как и я, не успел выстрелить.

Мы хотели продолжать преследование, но удэгеец говорил, что дальше гнать зверя бесполезно, потому что он ранен слабо, успел оправиться и не только не избегает бурелома, а, наоборот, всячески старается идти там, где гуще заросли и больше ветхих деревьев.

Доводы удэгейца были убедительны, но мы все же решили еще раз испро-

бовать счастье. После скучного завтрака, поглотив немного снега, чтобы утолить жажду, мы отправились снова за тигром. По следам его было видно, что он сначала пошел прыжками, потом рысью, а затем опять перешел на шаг.

Вдруг шедший впереди Крылов остановился и, указывая на землю, сказал тихонько:

— Тигр обходит нас.

Действительно, наискось и поперек следа преследуемого нами тигра шел еще другой такой же след. Хромота на левую лапу выдала тигра с головою. Стало ясно, что, выведенный из терпения настойчивым преследованием, он решил сам перейти в наступление. Он сделал большую петлю и, перейдя свой след дважды, решил где-нибудь устроить засаду. Дело становилось серьезным. Мы удвоили внимание и пошли еще медленнее. Вскоре тигр пересек свой след в третий раз.

Мы так увлеклись охотой, что не заметили, как исчезло солнце и серый холодный сумрак спустился на землю.

— Плохо, — говорил удэгеец, поглядывая наверх, — тучи. Снег большой будет.

В лесу стало совсем сумрачно. Казалось, будто стволы деревьев плотнее свинулись между собой, чтобы преградить нам дорогу.

Я взглянул на часы. Было около пяти часов вечера. Надо было возвращаться назад, хотя бы для того, чтобы утолить голод, который все настойчивее давал себя чувствовать. Обстоятельства принуждали нас «оставить поле» за зверем. Голос благоразумия подсказывал, что, как бы тигровая шкура ни была дорога, своя все же дороже.

Над тайгой пронесся порыв ветра. Лес зароптал, зашумел. И тотчас весь воздух наполнился белесоватой мутью, в которой потонуло все, что еще было видно до сих пор.

— Надо торопиться, — сказал Крылов, — а то как бы нам не пришлось ночевать в лесу.

Мы прибавили шагу. Лыжню быстро заносило снегом, она была чуть заметна. Скоро следы пропали совсем. Крылов остановился. Тогда удэгеец пошел вперед. Он хорошо знал эти места и прокладывал новую дорогу через снежные сугробы, направляясь к своей юрте. Стало совсем темно, трудно было рассмотреть, что делается в десяти шагах.

Я опасался за своих стрелков, которые легко оделись, чтобы удобнее было на лыжах преследовать зверя.

Про тигра я совершенно забыл и думал только об одном: как бы поскорее добраться до юрты. Наконец мы подошли к месту, где были насторожены наши ружья около мертвых собак. Это всех нас пододрило. Еще минут десять хода — и я увидел между деревьями красноватые клубы дыма, которые вместе с искрами вырывались из отверстий в крыше юрты.

Рисунок В. Симонова

ФОТОАРХИВ

Евгений Эмильевич
КЛЕЙН

В советское время славные традиции любителей ирландского сеттера продолжали наши именитые знатоки этой породы: Е. Э. Клейн, Т. Н. Кром, Е. Н. Смирнов.

Евгений Эмильевич Клейн — эксперт Всесоюзной категории — был широко известен в нашей стране как знаток ирландского сеттера, посвятивший всю жизнь возрождению этой породы. По воспоминаниям Ю. Д. Антонова, Е. Э. Клейн был воплощением доброты, остроумия и некоторого особого лукавства с оборотами старинной интеллигентной речи. Нам уже так никогда не говорить, не слушать так сердечно собеседника, как делал это Евгений Эмильевич (дядя Женя). Вспоминаются выставки под «Москвой в Плющево» — со стаями гончих, с показом работы легавых по перепелу. Эти изумительные праздники никогда не забудутся. На выставке можно было увидеть дядю Петю (профессора П. А. Мантифеля), А. А.

Чумакова, Н. П. Пахомова, А. В. Платонова.

В истории русской охоты есть имена, которые вызывают чувство гордости за наше прошлое. Евгений Эмильевич Клейн принадлежал к тем редким талантам, чья жизнь была безраздельно и всецело отдана любимому увлечению — охоте с ирландскими сеттерами.

крупным блондином с добрыми голубыми глазами, истинной страстью которого все же были гончие. Роман Васильевич заведовал отделом собаководства в МОО.

На многих выставках блестал целый коллектив талантливых русских охотников. Вот эти имена, чьим трудом создавалась порода пойнтеров: Б. Д. Востряков, А. В. Столяров, А. А. Ланской, Н. И. Лунин, Б. В. Ясюнинский, А. В. Богданов, В. А. Марр, В. Н. Баснин, Р. Ф. Гернгресс, А. А. Чумаков, Л. И. Просвирин, В. Е. Герман, П. М. Юдкин, В. П. Рождественский, А. В. Платонов, Б. А. Калачев, Е. Г. Землянский, А. В. Гусев, С. И. Кремер, В. В. Курбатов, В. М. Новодворский, В. В. Бедель и многие другие.

Читая и перечитывая отчеты, старинные журналы, мы восхищаемся умом, силой и мастерством наших подружейных собак. Среди пойнтеров прошлого выделялся пойнтер Микадо Б. Д. Вострякова.

Рубрику ведет Б. МАРКОВ

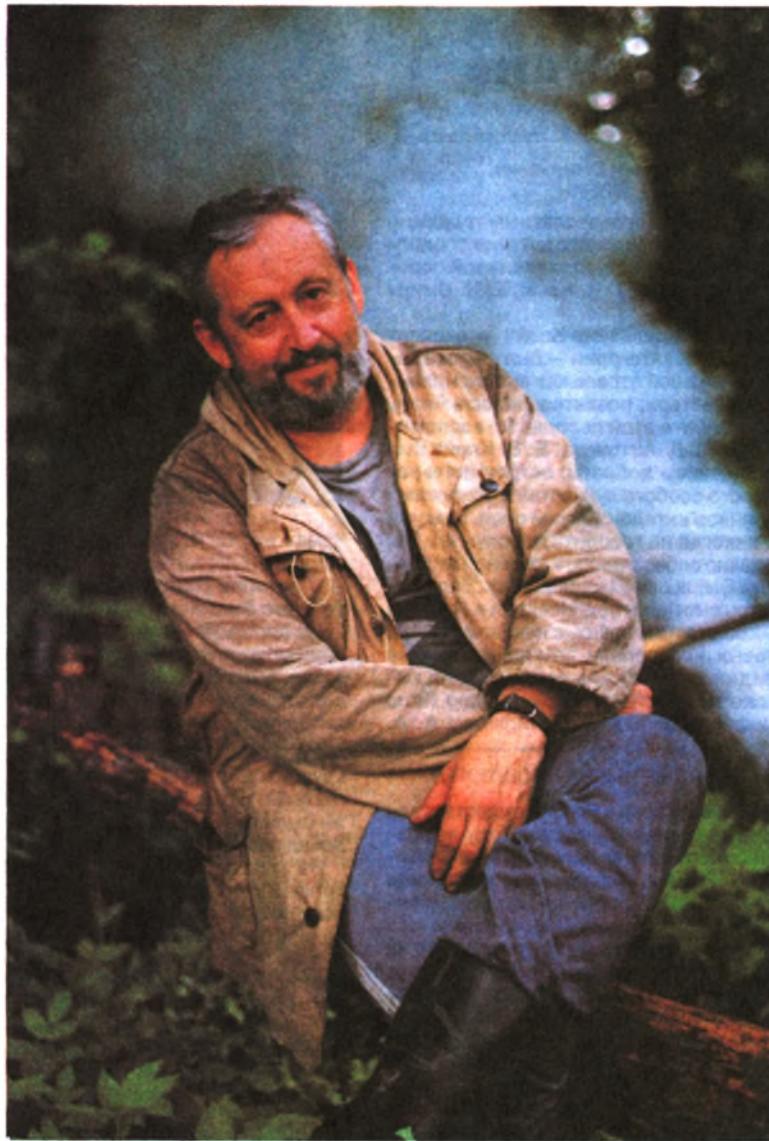
Л. В. Живаго

ВО СНЕ И НАЯВУ

Б. ГОЛЕВ

Памяти Вадима Михайловича Дружинина,
неутомимого охотника и путешественника,
Почетного мастера спорта по стендовой
стрельбе, друга и наставника молодых,
посвящается.

Борис Михайлович Голев, автор рассказа

Когда долго не бываешь на охоте, в лесу, на природе, начинают одолевать странные сны. Сняться места, такие знакомые, но даже во сне знаешь, что никогда там не бывал. Только в снах в который раз оказываешься снова там и все вокруг узнаешь. Знаешь: завтра пойдешь на охоту и охота будет неудачной. Знаешь, что это сон, в этом сне знаешь, что будет дальше. А дальше...

От речки поднимаешься по тропе к дому. Это не деревенский дом, где живут люди, живут семьями, живут каждодневными заботами. Дом этот вроде как охотничья база. Подходишь к дому с уверенностью, что здесь тебя примут, что это дом для охотников, для их ногтей и отдыха.

Через сенцы входишь в дом, на кухне не лавках — рюкзаки, чехлы от ружей, верхняя одежда. На потолочной балочке, на гвозде висит связка вальдшнепов. Коричнево-пестрые перыш-

ки взлохмачены, в разные стороны торчат длинные клювы, тень от лампочки повторяет на стене связку вальдшнепов. Проходишь дальше в комнату.

За столом люди. Все охотники, большей частью немолодые. Сидят как бы за трапезой, разговаривают, за столом очень близкие люди. Ни споров, ни шума, почти в тишине. Все чем-то очень похожие. Свет лампы высвечивает резко очерченное красивое лицо старого стендовика, что-то увлеченно рассказывающего, взгляды обращены в его сторону. Его спортивные звания, охотничьи успехи, дальние и ближние охотничьи поездки по стране всем известны. Все не один раз слышали эти истории, все знают, чем они закончатся, но опять внимательно слушают.

Чуть в стороне сухонький старишок. Слушает со скепсисом. Ощущается его значимость в этой компании. Старый оружейник, гравер, неутомимый путешественник, его мнение здесь неоспо-

римо. Оружейное мастерство он освоил в совершенстве, в своей охотничьей страсти с ружьем, фотоаппаратом и карандашом он обхеал всю страну. Впечатления от этих поездок легли строгими штрихами на гравировки ружей, на пейзажи сокровенных уголков природы, написанных маслом, на многочисленные поделки из охотничьих трофеев в его доме и домах его друзей. Он слушает и как бы постоянно негласно вступает в спор. Но этот спор ничего не значит. Потому что правы оба. Потому что за обоими знание и опыт.

Беседа за столом проходит тихо, почти неслышно, но из присутствующих выделяются отдельные лица, отдельные группы.

С лежанки на печи свешивается лысая голова немолодого внимательно слушающего человека. Он не меньше повидал в жизни, не меньшего достиг, не меньше других успел. Право больших лет позволяет ему молча участвовать в разговоре, лежа на теплой печи.

Молодые обособлены, их внешность не так очерчена, но глаза блестят, руки застыли в жестах. Старые и молодые сидят как бы отдельно, и в то же время вместе. Никто не замечает твоего прихода, все заняты своим, но ты не чувствуешь себя чужим. Ты ощущаешь нереальность обстановки, понимаешь, что это не на самом деле, что это сон, это не наяву. Чуть в стороне на гвозде на потолочной балке тоже висит связка вальдшнепов, длинноклювых загадочных птиц, каждый год приносящих на своих крыльях новую весну. Вальдшнепы приносят новую весну и новую

надежду, приносят каждый год и за каждый год дорого платят, проносясь в вечернем сумраке леса сквозь грохот выстрелов.

Аккуратно поставлены в угол и повешены на крюки на стенах ружья — дорогие и недорогие, старые и новые. Тусклые отблески света на стволах, на полированных ложах, изящные изгибы курков, изморозь гравировки на колодках.

Такая вот гравюра. Дом, светелка, охотники за столом, связка вальдшнепов, подвешенных на потолочной балке. И все это во сне, все это где-то очень далеко.

Реальная весна начинается с телефонных звонков. Звонят: был в лесу, снега еще много, птиц с прилета нет, сетуют — весна задерживается. Потом звонят: снега совсем мало, на вырубках проплещины, появились зяблики, дрозды, по дороге в лес над полями уже вовсю заливаются жаворонки.

Через некоторое время звонят: кто-то уже видел вальдшнепов с прилета, опять в охотобществе затянут с открытием охоты и вальдшнеп пролетит.

Наконец в газете появляется объявление об открытии охоты. Только на самцов вальдшнепа, только на вечерней заре, только на десять дней.

Кончается рабочая неделя, в городе можно встретить людей с зачехленными ружьями, в ватниках или штормовках, в резиновых сапогах. До леса добираются кто как может. От проезжих дорог и железнодорожных платформ устремляются к любимым местам, к заповедным полянам. Все какие-то немножко шальные от свободы, от весны, от шума ручьев в оврагах и нескончаемого перезвона и пересвиста птиц, от чуда рождения новой весны.

Запах тающего снега, запах прошлогодней листвы, шорохи, бормотание ручьев, писки, трели, вскрики птиц. По бревнам или вброд переходим ручьи, протаптываем в низких местах следы через остатки снега, выбираемся наконец на заветную поляну, сбрасываем рюкзаки и наконец понимаем, что все состоялось. Пришла новая весна, ты здоров, и на охоте, и сейчас начнется сказка, в которой все известно. Но все равно это очень интересная сказка.

Гаснет малиновая полоска зари. Темень наползает из оврагов. Ружье уже собрано, уже не глазами, а слухом воспринимаешь окружающее. Прекратили свою бесконечную возню дрозды, затихли птицы, посвежело и похолодало.

Но вот недалеко бухнуло, еще раз, потом с разных мест послышались хлопки выстрелов. А у тебя ничего.

И вдруг прочеркивает, просверкивает предзакатную тишину свист. Свист, еще свист и хрип. Ритмичное покряхтывание, чередующееся с ритмичным свистом. Циканье и хорканье, хорканье и циканье. Так писали в старину об этой ни на что не похожей токовой песне вальдшнепа. Первый вальдшнеп на большой высоте стремительно проходит без выстрела. Слышится только

циканье. Но близко и в отдалении стреляют все чаще. Смотришь на часы — когда началось? Вот прогремел выстрел где-то совсем близко, потом еще раз, и вслед торопливые шаги — значит, сбил. Слышится возглас: «Нашел! Есть!» Тщеславие, мужская гордость в этих возгласах. И тут же снова слышатся хрип и резкий писк, свист. Стремительно приближаясь, налетая все ближе, несется на тебя в вечерних сумерках над верхушками деревьев эта загадочная птица вальдшнеп, лесной кулик. Летит в поисках самочки, в поисках любви. Но гремит выстрел, прерванный полет отдается звуком падения, шорохом прошлогодней листвы. Бежишь, чтобы не потерять птицу, не потерять ценный трофей, не потерять свидетельство твоей охотничьей доблести.

Радость обладания, радость добычи, радость победы переполняют тебя. И тут же приходят невозвратность содеянного, боль совершенного. Горка взлохмаченных перьев, еще теплая тушка птицы, повернутый на сторону неправдоподобно длинный клюв с застывшей на нем капелькой крови.

И опять ожидание, опять будоражащий свист вперемежку с хрипом, налетающий вальдшнеп, жесткий толчок ружья в плечо и горечь от промаха. Стреляные гильзы летят с досадой на землю. Потом тишина, все реже нарушающаяся далекими выстрелами, зажигающиеся звезды. Окрики друзей, пора возвращаться. Сегодня тяга закончилась.

Завтра мы вновь придем на эту или другую поляну, будем стоять и слушать, стрелять и бежать на поиски сбитой птицы, при свете фонарей возвращаться домой, бурно делясь впечатлениями. Если повезет, через год опять приедем в этот лес, наверное, на эту же поляну, будем слушать, ждать, вздрагивать от каждого птичьего писка, напоминающего циканье вальдшнепа. Может быть, нам повезет и мы возвратимся домой с бесценным трофеем, реально подтверждающим, что чудеса на свете есть.

А в промежутках между этими сумасшедшими охотами будут сниться сны, будут сниться разные охоты в разных знакомых и незнакомых местах, будет

сниться охотничий домик, будут сниться вальдшнепы связками, подвешенные к потолочной балочке, будут сниться давно знакомые лица охотников, которые почему-то перестали встречаться в реальной жизни.

Так интересно получалось, что в разные годы, в разное время, не сговариваясь, приходя к началу тяги на свои любимые места, я заставлял там Вадима Михайловича Дружинина. По охотничьей этике кто приходит раньше, тот и остается стоять здесь тяги.

Свои заветные поляны для тяги я открывал в разные годы по-разному. Находил, где лучше тянут вальдшнепы, бродя по лесу в выходные дни или катаясь зимой на лыжах. Одну поляну, очень удачную поляну, я открывал для себя несколько раз, выходя на нее с разных сторон и в разное время года. Вот, говорил я, отличная для тяги полянка. И тут же узнавал ее, вспоминал, сколько раз я стоял здесь на тяге.

Когда заставлял на своих любимых местах Вадима Михайловича, не расстраивался, в тех краях много хороших мест для тяги. Мое самолюбие даже было удовлетворено: опыт долгих охотничьих лет Дружинина подтверждал выбор именно этой поляны.

Шальное время вальдшнепиной тяги. Десять весенних дней, вернее, десять вечерних зорь. Лес, еще тяжелый от мокрого снега с едва оттаившими полянами. Все сильнее вспухают речушки и ручьи в оврагах. Через несколько дней освобождается от снега земля. Из-под слоя прошлогодней листвы проклевывается стрелками черемша, потом набухают почками медуницы, а уже к концу тяги целые поляны голубеют и розовеют распустившимися цветами. Это конец тяги, да и число тянивших вальдшнепов изрядно уменьшилось. Если вовремя открыли охоту на тяге, то бывает день-два, когда за вечер на выстрел налетает до десятка вальдшнепов, да еще стороной сколько проняет.

Но вот пронеслась эта хмельная пора весны, кончилась весенняя охота и на закрытии охоты с друзьями у костра поднимаша стопку:

— Чтобы была не последняя!

Нет, не стопка не последняя, а тяга не последняя, весна не последняя.

Вадим Михайлович подарил мне незабываемые впечатления от охоты на вальдшнепа на осенних высыпках, когда у меня еще не было своей легавой собаки. У него был курцхаар Рой, и охотились мы тогда вместе в засечных лесах несколько дней.

Лес наполовину уже осыпался. Стояли ясные октябрьские дни. Мы переходили из одного лесного квартала в другой. Время от времени Рой пристанавливался, как бы раздумывая, потом начинал тянуть куда-то в сторону и замирал на стойке. Не торопясь, мы подходили, Вадим Михайлович посыпал собаку: «Давай, Роушка, давай! Вперед!» Рой подавался вперед, остав

ПТИЧЬИ ПОРТРЕТЫ

Утка-гоголь

Послужи, ветла-старушка,
Ты дуплом своим для птиц.
Отложила гоголяшка
Десять глянцевых яиц.

Грела кладку месяца целый,
Длинный месяц — тридцать дней.
И дождалась: писк несмелый
Раздается все слышней.

Час пришел, и с тихим вздохом
Пробудилась вдруг ветла.
И посыпалась горохом
Гоголя из дупла.

Лучше плавать на свободе,
И не надо им жилья.
Веселится в хороводе
Гоголиня семья.

Журавли

Встает заря в огне и позолоте.
Сквозь ельник яркие блестят лучи.
Звучат фанфары на лесном болоте —
Трубят таинственные трубачи.

Так журавли встречают день
весенний,
Собравшись в круг и вдруг пускаясь
в пляс...
И, кажется, летит над всей
вселенной
Ликующе-звенящий трубы глас.

Зарянка

Серенькое платьице,
Оранжевый передник.
Ты живешь в лесах
Дремучих и глухих.

Любишь петь по зорям
Высоко на дереве
Песенку-элегию,
Свой короткий стих.

Иволга

То «кошачий концерт» нам устроит,
Чернокрылая и золотая,
То певучую флейту настроит
И колдует, ноктюрн сочиняя...

Это значит — вернулось к нам лето,
И в садах распускаются розы.
В переливах зеленого света
Песня иволги льется с березы.

навливался, еще продвигался и снова замирал. «Вперед!» — и тут же стремительный взлет, будто кто-то подбросил с земли ворох опавших листьев. Вадим Михайлович стрелял очень быстро, прямо на подъеме. Сказывались рука мастера-стендовика и опыт заядлого охотника. Промахов не было.

Запомнилась одна работа Роя. Молодой лес в этом месте был сильно прорежен, были подрублены молодые березки, чтобы дать простор дубкам.

Вот в таком месте Рой и сработал вальдшнепа. После посыла вперед вальдшнеп не поднялся, побежал по земле, укрываясь в поваленных березках. Видеть этого, конечно, мы не могли, но Рой отчаянно преследовал птицу по следу, иногда приостанавливаясь на стойке. Мы изготавливались к стрельбе, посылали собаку, но вальдшнеп не взлетал, опять убегал. Рой следовой работой показывал, как убегал вальдшнеп. Иногда он убегал от собаки между Вадимом Михайловичем и мной, то есть долгоносик бежал навстречу нам, между нами и потом от нас. Вальдшнеп не уходил с этой поляны, засыпанной подрубленными березовыми ветками. Похоже, он понимал, что в этом его спасение. Так продолжалось долго, пока Вадим Михайлович не сказал: «Пойдем, не будем стрелять, это профессор вальдшнепиного мира, он даст такое же умное потомство, которое не даст пропасти вальдшнепам, а у нас еще долго будет возможность охотиться на вальдшнепов».

Еще во время тех охот Дружинин научил меня не гнать на охоте от зари до зари с ружьем на изготовку, пока не

упадешь от усталости. Мы неторопливо брали по лесу, дышали прозрачной горечью осеннего леса, следили за собакой. Вадим Михайлович направлял Роя: «Посмотри, Роюшка, здесь всегда были». Иногда Рой равнодушно проходил это место. В другой раз начинал долго разбираться в следах. Вадим Михайлович убеждал его, что тут никогда не было вальдшнепа. Но в конце концов Рой замирал на стойке. После выстрела Вадим Михайлович говорил: «Верить надо собаке».

Через час-другой такой охоты делали костер, заваривали чай в солдатских котелках. Шел неторопливый разговор об охоте, о друзьях-охотниках, о всяких казусах на охоте. С годами Дружинин все чаще говорил об оскудении природы, об умирании охоты, о сокращении дичи. Охотников он не винил. Охотой много не добудешь, — это маленькая радость на стол для родных и близких.

От этих осенних и весенних охот остались воспоминания, воспоминания и... фотографии. Вот на березе на сучке висит ружье, рядом ягдаш, на ягдаше на ремешках — связка вальдшнепов, рядом лежит Рой и смотрит прямо в объектив. Вот и сам Вадим Михайлович ввязанной шапочке с козырьком, со своим меркелем на плече, добрый, улыбающийся, красивый.

С годами проходит азарт молодости, реже ездишь на охоту, реже бываешь в лесу, на природе. Но все чаще видится тот сон. В нем охотничий домик и охотники, коротающие ночь перед охотой, и связка вальдшнепов, подвешенных к потолочной балке.

Фото В. Михеева

Евгений Николаевич Мартынов — доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры зоологии и охотоведения Санкт-Петербургской государственной лесотехнической академии. Родился в 1930 году в Ленинграде. Во время Второй мировой войны жил в эвакуации в Ярославской области. С детства начал познавать жизнь природы и охотничье дело. Охотился с 14-летнего возраста, сначала с ружьем своего учителя музыки, потом со своим. После десятилетки поступил в Лесотехничес-

скую академию, о которой долго мечтал. Работал в лесоустройстве, затем в науке. 35 лет назад пришел на кафедру лесной зоологии Лесотехнической академии, он читает лекции по биологии лесных птиц и зверей и смежным дисциплинам, изучает взаимоотношения позвоночных животных с лесом и лесным хозяйством. Его статьи неоднократно печатались в журнале «Охота и охотничье хозяйство». Сегодня мы хотим познакомить с Евгением Мартыновым поэтом.

Сокол-сапсан

В воздухе сбылась утиная стая.
Смел и внезапен сапсан бросок.
В шею удар — и, уж перья теряя,
Падает утка, кружась, на песок.

Камышовка-барсучок

На озере и на реке,
И днем, и ночью в тростнике
Свистит, стрекочет, как сверчок,
Неугомонный барсучок.

Коростель

Плохой летун, зато любитель бега.
Когда в лугах туман, сырья прель,
Скрипит в тиши несмазанной телегой
Среди травы цветущей коростель.

Рябчик

Среди нетронутой густели
Свищу тихонечко в манок,
И, глядь, рябец сидит на ели,
Задорно вздернув хохолок.

Сокол-чеглок

В рыжих «штанах», небольшой
соколок,
Схожий во многом с сапсаном —
чеглок.
Так же без промаха ловит он птиц:
Ласточек, жаворонков, чечевиц.

Кулик-черныш

В болотистом раю утином
И куличином — гладь да тиши.
Но каждый год в гнезде дроздином
Живет на дереве черныш.

Бекас

Ранней весною за речкой
В темный предутренний час
Тихой заблудшей овечкой
Мягко проблеет бекас.

Тетерева

Деревья зимние в морозном сне
застыли.
На небе утреннем чуть облака
зарделись.
Вдруг взрывы снежные вокруг,
и в белой пыли
Тетерева стремглав из лунок
разлетелись.

Вальдшнеп

Над вечерним лесом в мае
С хорканьем и свистом
Тянет, крыльями мелькая,
Он в полете быстром.

Трясогузка белая

Элегантна и красива —
Фея паводковых вод.
В час весеннего разлива
Открывает ледоход.

Ястреб-тетеревятник

Ответ серьезный за разбой
Держать он должен перед нами —
Губитель дичи боровой,
В «тельняшке», с желтыми глазами.

Крачка речная

Кто над озером кружится,
Белым падая листом?
Это рыбу ловит птица —
Крачка с вильчатым хвостом.

Неясыть обыкновенная

Кто-то сердитой мегерой
Дико во мраке хохочет.
Это неясыти серой
Крики разносятся в ночи.

Белая куропатка

Щеголять ей разным цветом
Смысл имеется прямой,
Пестро-рыженькая летом,
Снежно-белая зимой.

Крапивник

Трещит, верещит и стрекочет
сердито.
Зовут по-латыни его «Троглодитом».
Вам в старом лесу повстречается
летом
Малыш полосатый, а хвост —
листолетом.

Удод

У него в гнезде — помойка.
Неопрятен он в быту.
У дупла порхает бойко
Пестрой тряпкой на лету.
Забубнит он торопливо,
Как в пустой ружейный ствол,
И расправит горделиво
Знаменитый свой хохол.

ружейников — как ижевских, так и тульских — ружья последних выпусков после такой же навески Барса, насколько мне известно (мерка без взвешивания установлена на заряд «Сокола»), рвутся по швам.

В. КОЗЛОВ
Ярославская обл.

От редакции. Тульские и ижевские ружья, безусловно, не рассчитаны на двойную навеску пороха «Барс» по сравнению с той, которая указана в инструкции. А мерка, рассчитанная под, к примеру, 2 г пороха «Сокол», даст почти в два раза увеличенный вес пороха «Барс», то есть около 4 г, так как его плотность выше, чем плотность пороха «Сокол».

Все ружья по международным нормам рассчитаны на превышение нормального рабочего давления не более чем на 30 %. А тут двойное превышение навески, которое приведет к разрушению ружья. В данном случае виноват только тот, кто снаряжал патроны.

Следует запомнить простое правило. Прежде чем использовать мерку, следует насыпать ее тем порохом, которым вы собираетесь снаряжать патроны и высипать из нее порох на весы. Если вес соответствует инструкции, то все нормально. Если нет, надо отрегулировать мерку под новый порох. Это же правило сохраняется при переходе с одной партии пороха на другую.

М. М. БЛЮМ

Здравствуйте, уважаемая редакция! Прошу вас напечатать мое письмо — пусть оно будет поучительным уроком молодым охотникам и в то же время благодарностью мастерам (прежним) Ижевского механического завода.

Летом знакомый охотник дал мне десяток латунных патронов, которые я и вставил в патронаш. В начале октября довелось поохотиться за тетеревами в заброшенных полях на краю области. Расстреляв весь патронаш, вложил в стволы два «подарочных» патрона. После дуплета перед глазами порхнуло серое облачко и что-то красное мелькнуло над головой. Отнял ружье от плеча и ахнул: начисто оторвана правая щечка, в дыру виден курок. Переложив ружье, вынул гильзы, капсуля на которых имели ровные дырки на том месте, где должны быть набойки.

Дома взвесил пороховые заряды в даренных патронах и нашел причину: мой охотник-благодетель насыпал в гильзы 3 грамма пороха «Барс» вместо 1,7 грамма по инструкции. Стало ясно, почему оторвало щечку (которую отбросило так далеко, что я ее не смог найти) и отчего в капсулях вышибло набойку.

Мне остается только ругать самого себя и благодарить ижевских оружейников, собравших в 1982 году ружье ИЖ-58 МАЕ за № 1725 с английской ложей. Чего нельзя сказать в адрес современных

пяти минут, как они буквально ворвались в класс и, не обращая внимания на учителя, бросились ко мне. Они схватили меня под руки и потащили куда-то. Учитель что-то в это время говорил, но, увидев такое, рот открыл от удивления.

По дороге ребята все время пытались мне что-то объяснить, но я их не понимал. Вытащив меня на улицу, они показали на ветку бересклета — там сидела сова. Я сделал снимок снизу. Но мне хотелось сфотографировать ее поближе. Я предложил привести лестницу. Мы побежали на задний двор школы за этой лестницей, потом по школе протащили ее к центральному входу.

Представляете себе лестницу метров двадцать? А тащить ее надо было по коридорам и крутым поворотам, да еще во время урока — в любой момент нас мог засечь завуч или директор, но все обошлось. В результате всего этого у нас получился снимок, можно сказать, крупным планом.

Конец этой истории печален. Сова оказалась большой и слабой. Весной я нашел ее на берегу речки мертвый. Может, поэтому она и залетела к людям?

Е. БУЛАТОВ
Башкортостан

Здравствуйте! В 1959 году я вышла замуж за охотника, и с тех пор жизнь моя постоянно связана с животными. Благодаря своему мужу, я очень многое о них узнала.

Мой муж, Семенов Виктор Николаевич — охотник настоящий, хоть гром греми, хоть мороз трещи, хоть камни с неба, охоту не пропустит. На северных просторах охотился лет двадцать пять, упряжку держал собачью, за песцом ходил. Помогал ученым изучать животных, в частности орнитологам. В г. Лабытнанги был председателем охотобщества.

Помню, как однажды он принес с реки цаплю белую, она там замерзала. Немного погодя привел обвязанного

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ремнем толстого зверя. Я балку ходит. Собачки у нас есть — гончая и два щенка, от одного взмаха руки его понимают. Молодым всегда советом поможет, и они, спасибо, про него не забывают.

Мы вот уже девять лет как на юге живем, я увлеченье мужа хорошо понимаю, всех его животных всей душой принимаю, наблюдаю за ними, их повадки, характеры знаю.

Журнал ваш мы получаем, поэтому и прошу вас напечатать это письмо, порадовать хочу его душу, сорокалетний юбилей совместной жизни уж минул... Пусть для него сюрприз будет! Да еще где, в охотничьем журнале!

С. СЕМЕНОВА
Краснодарский кр.

Не думала, что выйдет что-нибудь из этой затеи, но птенец вырос и стал ручным. На зов «Соня» летел — и не только к мужу, но и меня за-видев, на голову садился, с рук клевал. Стал по двору летать, а внучка катала Соню в колясочке. Когда повзросла птица, к соседям летала, но спать всегда домой возвращалась. Скажешь: «Соня, спать!», она и залетала. Но пришло нам с ней расстаться — соседи стали жаловаться, говорили, что цыплята начали пропадать... Увез ее муж в лес и там оставил.

Сейчас Виктору Николаевичу 60. Хоть и слух уже не тот, и ноги крепче не стали, но молодые у него друзья, отставать от них не хочет, по-прежнему на охоту и ры-

скучна. Как хочется увидеть тебя! Как ты там охотишься? Так же, как и прежде, режешь луга правильными параллелями? Не спешно ли подводишь к птице? Ложишься ли после выстрела? Ай, наверное, уже просто стоишь. Я знаю, за тобой нужен глаз да глаз. Хитрец ты порядочный. Наверно, подраспустил тебя Анатолий Петрович.

Я очень скучаю по тебе, все вспоминаю, вспоминаю... когда ты был маленьkim, как резвился в нашей аллее, как ловил зимой пушистые снежинки — беленький, мохнатый, с черным крапом. Вспоминаю твои первые робкие потяжки по дупелькам, а потом красивейшие стойки с мгновенным разворотом на ветер... Помнится, как в лугах пришел бекасика, а потом впервые услышал, как что-то ужасно громыхнуло над тобой. Отскочил в сторону, потом подошел ко мне, обнюхал эту страшную «палку» в моих руках, вопросительно посмотрел мне в глаза, как бы говоря: «Нечего мне бояться ее, раз ты рядом». Ты любил меня так же, как я тебя.

Ты, наверно, потихоньку меня забываешь. Как же мне одиноко и тошно без тебя! Знаю, там, у кого ты сейчас, хорошо кормят. А я теперь съедаю твою порцию. Только вот забыть тебя не могу. Все болею, и мне надо делать операцию... Знаешь, вчера толстый Тони обидел твоего друга Тишку, отобрал у него косточку. Ему, бездомному, и так жилось несладко. А сегодня увидел его мертвым, он лежал на земле, усыпанной золотыми листьями, под нашим кленом. Я похоронил его в парке.

Бродил по аллее. Она тоже вся в золоте, но без тебя

скучна. Как хочется увидеть тебя! Как ты там охотишься? Так же, как и прежде, режешь луга правильными параллелями? Не спешно ли подводишь к птице? Ложишься ли

Прости, друг мой, что предал тебя. Ты ведь понимаешь, почему так произошло, — пенсия одинокого старика плохо делится на двоих...

Р. ЗАКРЕВСКИЙ
Санкт-Петербург

Уважаемая редакция! У нас зашел спор с охотниками, которые утверждают, что сейчас можно вступить в общество охотников в любой точке России, лишь бы был паспорт с российской пропиской и деньги. И приводят примеры, что человек, осужденный по суду за противоправные действия в отношении лиц, осуществлявших надзор за соблюдением правил охоты, исключенный из общества, поехал в соседний район и спокойно получил там охотбилет.

Неужели у нас все до такой степени «демократично», что в общество может вступить любой браконьер? Выходит, вчера его выгнали из общества, например, за охоту под фар, а сегодня он получает билет в другом районе.

Если это действительно так, для чего мы тогда выполняем требования Устава, всеми силами поддерживаем дисциплину среди охотников? Ведь так из общества охотников мы превратимся в общество браконьеров.

С. АКОПОВ
Краснодарский кр.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчет шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке гарантируем в кратчайшие сроки

тел (8332) 62-94-27, факс 69-03-22

E-mail chief@brush.kirov.ru

Россия, 610004, г Киров, ул Р Люксембург, 23

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ СЛУЧАЙНОСТИ

Студенческие заботы перед весенней сессией оттеснили на второй план мечты об охоте где-нибудь недалеко в Подмосковье — на тяге или на селезня с подсадной уткой. Но неожиданно образовалось маленькое окошечко в пару свободных дней... В обществе охотников получил путевку, в которой было даже разрешение на отстрел одного тетерева-петуха.

Охотничья база размещалась километрах в пяти от станции Виноградово по Казанской железной дороге. Как я ни спешил к домику егера, притопал поздновато: до тяги оставалось совсем немного времени. Егера дома не оказалось, но его жена была в курсе охотничьих дел и объяснила, по какой дороге нужно идти, чтобы добраться до мелколесья, где тянут вальдшнепы. Собрал ружье, нацепил патронташ, взял фонарик и рванул... Сомнений, что тяга будет хорошей, не было: уже несколько дней стояла погода самая, самая для вальдшнепа — тихо, тепло и парко.

До места добрался быстро, осмотрелся и решил встать на границе крупного леса и мелколесья на небольшой мокрой поляне с ручейком. Должны тут вальдшнепы тянуть! Еще и пенек уютный попался; сел, закурил и стал тишину слушать и весеннем пробуждением природы наслаждаться. Пахло талой землей, водой, какими-то цветочками ранними. Вершины березок уже начали слегка альять на фоне неба. И вдруг я понял, чего не хватает в этой тишине — пения птиц. Тишина была мертвой! Вся птичья мелочь молчала, да ее и не видно было. Обычно дрозды перелетают по вершинам деревьев, цокая и мелодично высвистывая свои песенки, птички разные мелькают. А в такой-то вечер... Странно, очень странно. И вальдшнепы уже должны были бы тянуть. И их не видать и не слыхать. Ушки на макушке, а глаза внимательноглядывают все вокруг. Нету! Уже сумерки начали сгущаться... И вдруг на фоне неба глаза обнаружили стремительно приближавшуюся птицу, которая резко взмахивала крыльями в полете, она должна была пройти почти надо мной.

«Наверное, голубь летит, — мелькнула мысль. — А весной голубей стрелять негоже». Птица же чуть в стороне поравнялась со мной, и тут я увидел длинный клюв... Вальдшнеп! Ружье метнулось к плечу, и я «бросил» вдогонку, в угон, практически неприцельный выстрел. Но вальдшнеп перевернулся в воздухе и наискосок повалился на чистую полянку. Бегу к замеченному месту и сразу вижу птицу — лежит на пожухлой травке, широко раскинув крылья, которые только что так стремительно несли ее в воздухе. Ничего себе «тяга»! Иду на место, на ходу перезаряжая ружье и удивляясь, как я попал в нее... Снова замираю, слушаю и смотрю. Темнеет быстро, так как небо начинают затягивать кучевые облака. Все! Больше никто не летел и не хоркал. Живность явно ощущала перемену погоды и затаилась. Я зажег фонарик и пошел в деревню на базу.

Мою в луже сапоги и захожу в избу, где приветливо светятся два окошка, — меня ждут. Федор Иванович, егерь, смотрит на меня вопросительно и ждет, когда я раздунусь и поставлю в угол ружье. Предъявляю путевку, знакомимся и садимся ужинать. За ужином рассказываю, что было на тяге, и выясняю перспективу охоты на завтра. «Что касается тяги, — говорит хозяин, — то такое бывает, когда очень резко меняется погода. А с петухами и селезнями дело обстоит так. Два шалаша у меня на тетеревином току, километра три до них будет — дальше по мелколесью, где на тяге стоял. На селезней у меня тоже два шалаша на разливах речки стоят. Ты реши для себя: за петухом пойдешь или за селезнями. Я бы посоветовал по селезням пойти — больше шансов будет. А сейчас ложись

спать, в час ночи я тебя разбуджу: и с погодой будет ясно и ты определишься». На том и порешили.

Проснулся ночью от какого-то ровного, несильного шума за окном. В комнате было светловато из-за чего-то белого на улице. Подошел к окошку и ахнул: шел снег с дождем, и снегом была покрыта земля. А шум был от воды, которая лилась в бочку с крыши. Вот тебе и охота — петухи, селезечки! Собирался, собирался и точно в снег с дождем вмазал. Поэтому и тяги не было — кроме одного шалого вальдшнепа случайного. «Ладно. Утро вчера мудренее», — решил я и снова завалился спать. Только глаза закрыл, Федор Иванович в бок толкает и говорит: «Был на улице, снег и дождь кончились, но на ток иди бесполезно — не вылетят петухи, а на селезней (будет желание) сходи. Может, что получится. Плащик-то у тебя есть? Ну, и ладно. Только пусть рассветет немножко. А вообще сам решай: погода гнилая». Я и решил — пойду, так мечтал, готовился. И такая осечка вышла — обидно! И пошел, плащ накинул (снегок все-таки иногда ссыпал), корзину с уткой на плечо повесил, ружье вверх прикладом тоже и вперед...

Планчик Федора Ивановича оказался отличным: шалиши на плесах нашел быстро, сидеть решил в первом — он мне больше понравился. Только вот холодновато стало — руки замерзают (жалко перчатки из Москвы не взял, но теплышь-то какая была). Зарядил ружье, утку на небольшую кочечку на плесе посадил и в шалаши заснеженный влез. Хорошо бревнышко в нем лежало — сел, пару бойниц в сторону утки поправил, в плащ завернулся, ружье в руках, и стал ждать. Хотя, по-честному, ждать-то было нечего, это я, еще когда шел, понял. Ружье я поставил сбоку — чего руки морозить. Какие уж тут шуры-муры, какие страсти, какая любовь? И какой селезень позарится на замерзшую утиную красавицу? Решил сматываться — раз не повезло, значит, не повезло. Такая уж это штука охота! Повернул голову и руку противу, чтобы ружье взять, и вдруг вижу через маленькие просветки в стенке шалаша какое-то движение. Вот опять. И зеленое что-то мелькнуло. Батюшки, ведь это селезень сидит, прямо под боком у меня, вернее — шалаша, метрах в двух. Когда же он подлетел? Ничего не слышал, да и утка, моя замороженная красавица, никаких призывных телодвижений не делала и кряканья страстного не издавала. Но вот же селезень, вот он, шанс! Рядом! Аж жарко стало.

Не могу сказать, сколько времени я, не дыша, по сантиметру ружье извлекал из-под бока и в какую-то дырку между сучьями стволы просовывал... Приклад в середину груди уперся, сдвинуть не могу: так неудобно закорюкой какой-то сижу. А селезня не вижу, но знаю — рядом он, не улетел: шума крыльев не было. Сколько так присидел, сказать не могу, но руки совсем замерзли, и у меня появилась дурная мысль: развалить шалаш, подняться и ударить селезня влет. Глазами поводил по сучьям и понял, что застряну я в них и улетит мой шанс единственный, поливая меня с перепугу черными утиными словами. А тут моя утка пару раз крякнула и с кочки в воду слезла. И движение возобновилось, вижу то коричневое, то зеленое, то светлое, а потом и хвостик узрел с перышками-загибушками — значит, движется мой шанс кряковой вперед. Палец застыл на спусковом крючке, стволы в дырке между сучьями, и глаза мои в эту же дырку смотрят. Вот очертания селезня появились в просвете. Чуть смеялся вправо, стволы навел в это место и спусковой крючок нажал — болезненный удар в грудь: я и прикладом как следует прижал не мог и прицелился... Но понял, что попал, и селезень мой кверху лапками красными плавает. Задом выполз из шалаша, забрел по колено в разлив — и вот он, мой шанс удивительный, в руках! Удачно попал — краем заряда, не разбил. Ведь рядом был. Все, хватит!

НА ПРИВАЛЕ

Вытаскиваю за шнурок утку с диким кряканьем и хлопаю крыльев, сажаю в корзинку, завязываю, вешаю на себя охотничьи причиндалы и шлепаю по раскисшей земле-матушке, присыпанной талым снегом, к дому. Плащ брезентовый стоит колом и гремит, как железный, но все-таки греет тело охотника, а на душе и так тепло. Такой совершенно случайный в этой обстановке шанс использовал! Согрелся на ходу и даже руки отошли. Уже к мелколесью приближаюсь, а в голове шальная мысль мелькнула: «Еще бы петуха-тетерева к этой компании добавить, вот натюрморт-то получился бы — красота!» И откуда только эта дурацкая мысль взялась? До сих пор не пойму. Иду ища, что в сапоге как-то неуютно стало ноге (наверное, носки шерстяные сползли), решил дойти до своего пенечка, на котором на тяге сидел, и переобуться. Добрался, покурил, на селезня полюбовался — хорошо, еще не отошел от любовных утех, упитанный! Потом сапог стянул, носки поправил и тут услыхал дуплет торопливый в той стороне, где шалаши у егеря стоят. Может, еще охотники приехали, ведь рано ушел? И вижу вдалеке большую черную птицу, которая летит в мою сторону. Крылья ее машут часто-часто, а потом замирают в панирующем полете. Так только тетерева летают! Шарю в патронташе, нахожу патроны с четверкой, впихиваю в стволы и замираю (одна нога в сапоге, другая в носках). А петух идет прямо на меня и невысоко. Решаю пропустить и ударить в угон, выстрелы в штыки у меня не всегда получаются... Вот он над головой, весь иссиня-черный на фоне серых облаков. Разворачиваюсь мгновенно, четко сажаю петуха на стволы — и грохот выстрела... Крылья птицы на мгновение остаются выпрямленными, затем складываются, черныш переворачивается нескользко раз через голову и врезается в мелкий березняк. Отличный выстрел — жаль никто не видел. Натягиваю сапог и иду к березняку. Петуха вижу издалека — черное на талом снегу. Вот это подарок весны, так же как и два других! Весь из непредсказуемых случайностей. А не в этом ли и состоит великий смак охоты?

Ю. ШЕВЯКОВ

Занимательный калейдоскоп

* * *

Нипочем пингвину холод. А белый медведь, тот и вовсе смеется над полярными выогами. Многие животные научились стойко выдерживать низкие температуры. Но все же самыми «морозостойкими» среди братьев меньших являются... утки и гуси. Опыты, которые проводили норвежские ученые, показали, что эти птицы выдерживают температуру до минус 110 градусов. В то время, как медведи и тюлени «дотягивают» лишь до минус восьмидесяти. Большинство же ученых не переносят температуры ниже 45 градусов.

* * *

В преддверии дождя от собак исходит неприятный запах. Какова же природа этого явления? Дело в том, что собачью шерсть составляют волоски, обладающие гигроскопичностью, и, насыщаясь влагой, они начинают выделять пахучие вещества. Особенно это заметно, когда собака сильно намокает или когда воздух насыщен водяными парами. Еще одна причина беспокойства кошек и собак перед ненастем — это возрастающая активность вредных насекомых-паразитов, обитающих в шерсти животных. Они еще раньше чувствуют приближение дождя и еще активнее начинают мучить кошек и собак.

* * *

В некоторых местах США работники коммунального хозяйства для определения утечки газа из труб используют чутье грифов-индеек, широко распространенных в стране птиц, весом до двух килограммов и с размахом крыльев до двух метров. С этой целью в естественный газ добавляется химическое вещество с запахом тухлого мяса. А так как грифы-индейки питаются падалью и обладают отличным обонянием, то в случае утечки газа они начинают кружиться над местом, где это произошло. Специалистам остается только вовремя подоспеть туда.

Подготовил А. САФОНОВ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
Подписка на журнал
«ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ
ХОЗЯЙСТВО»
на 2-е полугодие 2000 года
началась

В розницу журнал не поступает, стать его обладателем можно, только подписавшись на него.

«Охота и охотничье хозяйство» — едва ли не единственное издание, последовательно отстаивающее принципы культурной, организованной охоты.

Право общественности на пользование охотничьими угодьями нужно защищать твердо и бескомпромиссно. Угодья, захваченные денежными мешками и прочими дельцами от охоты, станут совершенно недоступны для рядового охотника.

Вот почему в усилении влияния журнала, в его повсеместном распространении заинтересованы все честные охотники, и прежде всего общества охотников.

Ни один охотничий коллектив, ни один егерь, ни одно общество охотников не должны остаться без журнала.

Организуйте подписку на журнал — во всех областных, краевых и районных обществах охотников. Премируйте лучших охотников подпиской на журнал. Обеспечивайте журналом егерей в охотничьих хозяйствах.

Мы не должны допустить дальнейшего разрушения и уничтожения охотничьих общественных объединений.

Наш подписной индекс 70673 по каталогу Роспечати.

НА ПРИВАЛЕ

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

ДЁЖКИН В. Как пробиться к экологическому сознанию	1
СЕВАСТЬЯНОВ А. Нечаянные встречи	3
САВЕЛИЙ М. С ружьем по железной дороге ездить можно	4
Фторацетат бария: да или нет?	5
САВЧЕНКО А., САВЧЕНКО И. Загадка глухариного тока	6
УЛИТИН А. Охотничье хозяйство России: что делать?	8
Вести из Хатанги	11
ШМИЛ Э. Как подготовить подсадную утку	12
ДИГИЛЕВИЧ А. Егерю Н. Н. Кутузову — 77 лет	14
ШПЕРОВ И. Дедушкина приманка на куницу	16
РАХМАНОВ А. Брошенные собаки	19
МИШАНОВА Н. Кому и как судить собак?	20
АЗАРОВ А. Патрон собственного снаряжки	24
КОПЕЙКО Е. Охотничье оружие «Когсвелл и Гаррисон»	26
ЧЕРНЫШЕВ В. Панкратовы пожни	28
КОТЛАРОВ Ю. Наши жены — ружья заряжены	33
АРСЕНЬЕВ В. Охота на тигра	36
ГОЛЕВ Б. Во сне и наяву	40
МАРТЫНОВ Е. Стихи	42
Письма	44
На привале	46
Реклама	5, 42, 45
ШИШКИН В. Гусеобразные	48

На первой странице обложки:

Обыкновенный глухарь — необыкновенное чудо старого леса.

Белый клюв и белые пестрины на рулевых перьях — главное, что отличает его от каменного глухаря

Фотоконкурс «Охота и природа, 1999»

Фото А. Савченко

На второй странице обложки:

Речная крачка, ее гнездо и кладка: яйца имеют ярко выраженную покровительственную окраску

Фотоконкурс «Охота и природа, 1999»

Фото В. Ольяка

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чёрнышев

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 08.02.2000 г. Подписано к печати 06.03.2000 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 30 220 экз. Заказ 148. Цена 15 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени

ГУП Чеховский полиграфический комбинат

Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 142300, г. Чехов Московской области

Тел. (272) 71-336 Факс (272) 62-536

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии.

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452.

© «Охота и охотничье хозяйство», 2000

ГУСЕОБРАЗНЫЕ

Белолобого гуся можно легко спутать с пискулькой. Для охотника это была бы досадная ошибка, так как в отличие от белолобого гуся, являющегося массовым законным объектом охоты, его меньшой собрат, пискулька, находится под угрозой исчезновения и включен в Красную книгу России, в реестр редких птиц Европы. Ранее местами столь же обычный, как белолобый гусь, численность которого сейчас только в Евразии превышает, по-видимому, 1 млн особей, пискулька в последние десятилетия неуклонно сокращал и область своего гнездования, и общую численность. По последним оценкам, мировая популяция этого вида, распространенного на гнездование в зоне тундр и лесотундр от Скандинавии до Колымы, не превышает 30 тыс. особей.

От других «серых» гусей белолобый гусь и пискулька отличаются развитием белой зоны оперения у основания клюва и на лбу, окаймленной темными перышками. У пискульки область белых перьев продлена до темени, заходя, как правило, за мысленно проведенную от переднего края глаза птицы вертикаль (если смотреть на голову гуся сбоку). У гуменника и серого гуся бывают особи с некоторым белым окаймлением основания клюва, но оно никогда так не развито, как у истинно «белолобых» гусей. Гуменник к тому же отличается двухцветным клювом (см. № 3), однотонно окрашенным брюхом, а серый гусь — крупными размерами и светлыми зонами на крыльях. Темные пятна на брюхе серого гуся уступают по размерам и интенсивности окраски темным полосам на брюхе у взрослых белолобых гусей и пискульек. Одним из основных отличительных признаков пискульки остается наличие желтого кольца вокруг глаза. Изредка среди белолобых гусей встречаются особи с подобием желтого кольца вокруг глаза и довольно темной головой. Последний признак обычно характерен для пискульки. Пискулька в целом меньше белолобого.

При определенных навыках можно научиться отличать пискулек по голосу. Крики пискулек в полете выше тоном, визгливее и резче, чем у других гусей, напоминают двух- или трехсложное «ти-юю» или «кью-юю-юю». Лапы пискульки и белолобого оранжево-красного цвета, клюв красновато-розовый со светлым ноготком. Брюшная сторона (не считая темных полос) светлее спинной, крылья темные, подхвостье белое, на хвосте поперечная темная полоса. У молодых птиц обоих видов белая зона у основания клюва не развита, окраска лап и клюва бледнее, ноготок на клюве темный, полосы и пятна на брюхе отсутствуют.

В образе жизни белолобого гуся и пискульки много сходных черт. Гнездятся отдельными парами в полосе тундр и лесотундр. Белолобый идет несколько дальше на север. В кладке 4—6 яиц. Насиживание около 4 недель. Пуховики с боков и снизу желтоватые, сверху буровато-серые с зеленоватым оттенком. На крыло белолобые становятся несколько позднее пискулек — через 5 недель, а пискульки соответственно через 5—5,5 недель. Оба вида (в отличие от гуменника) значительную часть времени проводят на суше, даже во время линьки. Характерны утренние вылеты с мест ночевок на кормежку, а днем — на водопой. В питании преобладают зеленые растительные корма: злаки, осоки и т. п.

Причины сокращения численности пискульки до сих пор не выяснены, несмотря на усилившееся в последнее время международное сотрудничество по этой проблеме. Предпринимаются попытки реинтродукции пискульки в Зап. Европу. Изучаются пути миграции гусей путем индивидуального мечения цветными и обычными кольцами, шейными метками. Для более точного слежения используют микрорадиопередатчики. Создается специальная сеть заказников на местах зимовок (от Европы до Японии), гнездования, на пролетных путях. Сведения о встречах с мечеными пискульками (или другими гусями), обнаружении мест гнездования этого вида можно присыпать в редакцию или в Рабочую группу по гусям и лебедям (РТГ) по адресу 117071 Москва, Ленинский пр-кт, 33, ИПЭ РАН.

В. ШИШКИН

ЖЕЧАДАЖЫЕ

ВСТРЕЧИ

Индекс: 70673. Цена 15 рублей

ISSN 0131-2596. Охота и охотничье хозяйство. 2000. № 4. 1—48